
ХЕЛЬГА АРДЕН
Там, где
молчит
фьорд

Хельга Арден

ТАМ, ГДЕ МОЛЧИТ ФЬОРД

«Автор»
2026

Арден Х.

ТАМ, ГДЕ МОЛЧИТ ФЬОРД / Х. Арден — «Автор», 2026

Алиса Воронцова привыкла к предсказуемой жизни: офис, метро, съёмная квартира и редкие встречи с подругой. Когда та предлагает провести отпуск в небольшом норвежском городке среди фьордов, Алиса соглашается почти не раздумывая.Но место, обещавшее стать убежищем от городской суеты, оказывается совсем не таким, как на туристических фотографиях.По ночам в горах появляются огни. Местные жители избегают разговоров о старом доме у фьорда. А незнакомцы в тёмных плащах собираются у заброшенной часовни, где на камнях вырезан странный символ.На третий день пребывания Алиса обнаруживает тело местного жителя.Последним человеком, с которым его видели живым, была она.Полиция находит улики, которые невозможно объяснить. Подруга начинает что-то скрывать. А жители городка, ещё вчера приветливые, теперь замолкают при её появлении.Чтобы доказать свою невиновность, Алисе придётся выяснить, что связывает погибшего с тайным обществом, существующим здесь уже больше ста лет.

© Арден Х., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 15
Глава 3 27
Глава 4 44
Глава 5 58
Глава 6 76
Глава 7 93
Глава 8 109
Конец ознакомительного фрагмента. 110

Хельга Арден
ТАМ, ГДЕ МОЛЧИТ ФЬОРД

Глава 1

Обыкновенная жизнь

В половине восьмого вечера Алиса Воронцова поняла, что ненавидит четверги.

Не понедельники, которые принято было ненавидеть, и даже не воскресенья с их неизбежным предчувствием новой рабочей недели. Именно четверги. К этому дню усталость уже накапливалась, а до пятницы оставалось достаточно времени, чтобы начальство успело придумать что-нибудь срочное.

— Алиса, ты ещё здесь?

Она подняла глаза от монитора.

В дверях стоял Павел Сергеевич, руководитель отдела. На нём было то же выражение, с которым он обычно сообщал о проблемах, не имеющих к нему никакого отношения.

— Как видите.

— Слушай, тут небольшая история с отчётом для «Гранита». Они прислали замечания. Надо бы сегодня закрыть.

Алиса посмотрела на часы в правом нижнем углу экрана.

19:34.

— Отчёт отправлял Максим.

— Ну да. Но Максим уже ушёл.

— Понятно.

Павел Сергеевич улыбнулся, словно между ними состоялся исключительно приятный разговор.

— Ты же быстро разберёшься.

Он исчез прежде, чем Алиса успела ответить.

Она ещё несколько секунд смотрела на пустой дверной проём. Затем открыла письмо.

Замечаний оказалось одиннадцать.

Восемь из них относились к таблице, которую Максим составлял три недели и которую Алиса предлагала проверить ещё во вторник.

Она откинулась на спинку кресла.

За окном двадцать второго этажа Москва медленно превращалась в россыпь огней. В соседнем здании одно за другим гасли окна. Где-то внизу, между потоками автомобилей, люди спешили домой.

Алиса попыталась вспомнить, когда в последний раз уходила с работы вовремя.

Не получилось.

Телефон коротко завибрировал.

Марина: Ты живая?

Алиса набрала: Физически.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Марина: Отлично. Тогда у меня предложение.

Если опять йога в шесть утра, сразу нет.

Марина: Лучше.

Следом появилась фотография.

Узкий залив, окружённый высокими тёмными горами. Несколько красных деревянных домов на берегу. Низкие облака, цепляющиеся за вершины. Вода была почти чёрной, но настолько неподвижной, что в ней отражалось каждое окно.

На переднем плане стояла маленькая каменная часовня.

Алиса увеличила изображение.

Место выглядело странно. Не красиво в привычном туристическом смысле — без солнца, зелёных склонов и ярких лодок. Скорее так, будто фотограф случайно увидел что-то, предназначенное не для посторонних глаз.

Марина: Норвегия. На неделю. Поехали?

Алиса усмехнулась.

Ты шутишь?

Марина: Нет.

У меня работа.

Марина: У тебя всегда работа.

Алиса хотела возразить, но вместо этого снова посмотрела на фотографию.

В дальнем конце залива, там, где горы почти смыкались, виднелась тонкая полоска дороги.

И ни одного человека.

Что за место?

Марина: Скарвик. Маленький городок. Почти нет туристов. Там потрясающе красиво.

А почему именно туда?

На этот раз Марина ответила не сразу.

Алиса успела открыть первый файл с замечаниями, найти ошибочную формулу и исправить две ячейки.

Только после этого телефон снова засветился.

Марина: Давно хотела там побывать.

Алиса перечитала сообщение.

Странно. Марина всегда мечтала о шумных городах, дорогих ресторанах, южных пляжах. Однажды она назвала отпуск в Финляндии «неделей добровольного заключения среди ёлок».

И теперь предлагала отправиться в маленький городок на севере Норвегии.

Там хотя бы есть нормальная гостиница?

Марина: Конечно. Очень уютная. Я всё нашла.

И когда?

Марина: Во вторник вылетаем.

Алиса едва не рассмеялась.

Марин, сегодня четверг.

Марина: Я в курсе.

Мне отпуск никто не согласует за два дня.

Марина: У тебя же осталась неделя.

Алиса медленно положила телефон экраном вниз.

Вот это было правдой.

Неделя отпуска действительно оставалась. Она собиралась взять её ещё летом, потом в сентябре, потом в начале октября. Каждый раз находилась причина отложить.

Она посмотрела на таблицу.

Одиннадцать замечаний. Из них три совершенно бессмысленных.

Впервые за долгое время Алиса подумала не о том, как быстрее закончить работу, а о том, что произойдёт, если она просто не станет этого делать.

Ничего особенного, вероятно.

Павел Сергеевич попросит кого-нибудь другого.

Максим наконец исправит собственные ошибки.

Компания продолжит существовать.

Мысль оказалась неожиданно приятной.

Алиса взяла телефон.

Сколько стоит?

Марина позвонила сразу.

— Я знала! — объявила она вместо приветствия.

— Я ещё ничего не сказала.

— Ты спросила цену. Это уже почти согласие.

— Марина.

— Алиса.

— Ты можешь хотя бы объяснить, что мы будем делать неделю в какой-то норвежской деревне?

— Гулять. Смотреть на фьорды. Пить кофе. Спать. Ты помнишь, что такое спать?

— Очень смешно.

— Алис, серьёзно. Тебе надо отдохнуть.

За стеной кто-то выключил свет. Офис погрузился в полумрак, освещённый только мониторами и длинной полосой ламп над её рабочим столом.

— Почему именно Скарвик? — повторила Алиса.

На другом конце линии что-то щёлкнуло.

— Потому что там тихо, — ответила Марина.

— Ты терпеть не можешь тихие места.

— Люди меняются.

Алиса хотела сказать, что некоторые не меняются никогда, но промолчала.

— Я подумаю.

— Только недолго. Билеты дорожают.

— Хорошо.

— И ещё, Алис…

— Что?

Марина помедлила.

— Ты ведь мне доверяешь?

Вопрос прозвучал настолько не к месту, что Алиса невольно нахмурилась.

— Что за глупости?

— Просто спросила.

— Конечно доверяю.

— Вот и отлично, — сказала Марина слишком быстро. — Тогда до завтра.

Разговор оборвался.

Алиса ещё некоторое время держала телефон возле уха.

Потом открыла фотографию Скарвика.

Увеличила её снова, на этот раз до предела.

Каменная часовня стояла немного в стороне от домов. Узкая дорожка уходила от неё вверх, к тёмному склону. На самом краю фотографии, почти скрытая туманом, виднелась высокая металлическая конструкция.

Что-то вроде старой вышки.

Или опоры.

Алиса не смогла разобрать.

Она уменьшила изображение и положила телефон рядом с клавиатурой.

За окном начался дождь.

До конца рабочего дня, который давно закончился, оставалось исправить ещё девять замечаний.

Последний файл Алиса закрыла в 21:17.

Офис почти опустел. Из переговорной доносился гул пылесоса, а в дальнем конце коридора уборщица переставляла стулья. На столе остывал кофе, который Алиса купила ещё до разговора с Мариной. Она сделала глоток, поморщилась и выбросила стаканчик.

Перед тем как выключить компьютер, она отправила исправленный отчёт Павлу Сергеевичу.

«Добрый вечер. Замечания устранены. Обновлённая версия во вложении».

Несколько секунд Алиса смотрела на письмо. Потом дописала:

«Завтра хотела бы обсудить оставшуюся неделю отпуска».

Нажала «Отправить» и сразу пожалела.

Она представила, как Павел Сергеевич утром поднимет брови, скажет что-нибудь про сложный период и попросит перенести отпуск хотя бы на две недели.

Обычно на этом всё заканчивалось.

Алиса выключила монитор.

В лифте она оказалась одна. Пока кабина спускалась, рассматривала своё отражение в зеркальной стене. Тёмные волосы, собранные в небрежный хвост, усталые глаза, бледное лицо. Тридцать лет. Не так давно эта цифра казалась ей чем-то далёким, почти абстрактным.

В двадцать три она была уверена, что к тридцати у неё будет совершенно другая жизнь.

Теперь у неё имелись стабильная работа, хорошая зарплата, съёмная квартира недалеко от метро и годовой абонемент в фитнес-клуб, которым она воспользовалась четыре раза.

Нельзя сказать, что жизнь не удалась.

Просто иногда Алисе казалось, что она проходит мимо неё.

На улице моросил мелкий дождь. Ветер гонял по тротуару мокрые листья, и люди торопливо обходили лужи, пряча лица в воротниках курток.

Алиса подняла капюшон и направилась к метро.

Дома было холодно.

Отопление уже включили, но батарея в спальне оставалась едва тёплой. Алиса сняла ботинки, поставила сумку на тумбочку и прошла на кухню.

В холодильнике обнаружились половина лимона, упаковка творога и контейнер с гречкой, приготовленной три дня назад.

Она закрыла дверцу.

Есть не хотелось.

Вместо этого Алиса включила чайник и достала телефон.

Марина прислала ещё четыре фотографии Норвегии.

На первой была узкая дорога между скалами. На второй — деревянные домики с травяными крышами. На третьей — фьорд, окутанный туманом. Четвёртая изображала интерьер небольшого гостевого дома: светлые стены, деревянная мебель, шерстяной плед на кресле.

«Вот здесь будем жить», — написала Марина.

Алиса приблизила фотографию.

Номер выглядел уютно, хотя немного старомодно. Две кровати, небольшое окно, тяжёлые шторы. На стене висела картина с изображением рыбацкой лодки.

Она открыла поисковик и набрала название городка.

Скарвик, Норвегия.

Поиск выдал несколько нерелевантных результатов. Среди них встречались названия компаний, фамилии и небольшие населённые пункты в разных частях Скандинавии.

Алиса нахмурилась.

Она попробовала добавить слово «фьорд».

Результатов стало больше, но нужного места она всё равно не нашла.

Тогда Алиса написала Марине:

«Скинь ссылку на гостиницу».

Ответ пришёл через минуту.

«Завтра всё отправлю. Я сейчас не дома».

Алиса посмотрела на часы.

22:06.

«Ты где?»

«По делам. Потом расскажу».

Она уже собиралась убрать телефон, когда Марина прислала ещё одно сообщение.

«И не переживай. Там безопасно».

Алиса перечитала его дважды.

Она ведь не спрашивала, безопасно ли там.

Около одиннадцати позвонила мать.

— Ты дома?

— Да, мам.

— Поздно сегодня.

— Работы много.

— Ты хоть поела?

Алиса посмотрела на нетронутую упаковку творога.

— Да.

— Что ела?

— Мам, мне тридцать лет.

— Это не ответ.

Алиса улыбнулась.

Мать жила в Твери и звонила почти каждый вечер. Иногда их разговоры продолжались сорок минут, иногда заканчивались через пять. Но вопрос о еде присутствовал неизменно.

— Я, возможно, поеду в отпуск, — сказала Алиса.

— Куда?

— В Норвегию.

На другом конце провода повисла пауза.

— С кем?

— С Мариной.

— А что вы там забыли?

— Ничего. Просто хотим отдохнуть.

— В октябре? В Норвегии?

— В конце октября.

— Там же холодно.

— В Москве тоже не жарко.

Мать вздохнула.

— Лучше бы к морю съездила. В Турцию какую-нибудь. Или в Египет. Хоть погрелась бы.

— Мам, мы ещё ничего не решили.

— А я тебе говорю, поезжай. Только нормально отдохни. Не сиди в гостинице с ноутбуком.

Алиса удивилась.

Она ожидала возражений, предупреждений, историй о потерянных чемоданах и опасностях заграничных поездок.

— Ты не против?

— А с чего мне быть против? Ты молодая женщина, у тебя отпуск. Когда ещё ездить?

Мать немного помолчала.

— Только ты, Алис, иногда слишком много думаешь. Можно ведь просто взять и поехать.

После разговора Алиса долго сидела на кухне.

Чай остыл.

Она снова открыла фотографию фьорда.

Вода на снимке была тёмной, почти непрозрачной. Горы поднимались прямо из неё, словно огромные стены. На берегу виднелись несколько домов, и в одном из окон горел свет.

Алиса попыталась представить, каково это — просыпаться в таком месте.

Без будильника.

Без рабочих писем.

Без необходимости отвечать за чужие ошибки.

Впервые за вечер она почувствовала что-то похожее на предвкушение.

Утром Павел Сергеевич вызвал её к себе.

— Алиса, я видел письмо. Ты серьёзно насчёт отпуска?

— Да.

— Со вторника?

— Да.

Он снял очки и положил их на стол.

— Неожиданно.

Алиса промолчала.

— У нас же проект по «Граниту».

— Основной этап закрыт. Осталась техническая часть. Максим сможет закончить.

— Максим…

Павел Сергеевич не договорил.

Алиса впервые за долгое время не стала помогать ему подбирать аргументы.

— У меня остались пять рабочих дней отпуска, — сказала она. — Я хотела бы использовать их на следующей неделе.

— А билеты уже купила?

— Пока нет.

— Вот видишь. Значит, можно и перенести.

Она почувствовала привычное желание согласиться.

Сказать, что понимает ситуацию.

Предложить другую дату.

Извиниться за неудобство.

Вместо этого Алиса положила на стол заявление.

— Я бы всё-таки хотела поехать.

Павел Сергеевич посмотрел сначала на бумагу, потом на неё.

— Что ж, — сказал он наконец. — Давай попробуем организовать.

Это оказалось удивительно просто.

Настолько просто, что Алиса вышла из кабинета почти раздражённой.

Несколько месяцев она откладывала отпуск, представляя сложности, которых, возможно, никогда и не существовало.

В коридоре завибрировал телефон.

Марина: Ну что?

«Отпуск согласовали».

Ответ пришёл сразу.

Марина: Я знала, что ты согласишься!

«Я ещё билеты не купила».

Марина: Сейчас всё сделаем.

Алиса остановилась возле окна.

«Марин, а ты точно ничего не скрываешь?»

Три точки появились почти мгновенно.

Исчезли.

Появились снова.

Марина: Например?

«Не знаю. Ты какая-то странная последние два дня».

На этот раз ответа пришлось ждать дольше.

Марина: Просто очень хочу туда попасть. Потом объясню.

Алиса хотела позвонить, но в этот момент из кабинета вышел Максим и попросил помочь с таблицей.

Она убрала телефон.

Вечером они встретились в небольшом кафе недалеко от Белорусского вокзала.

Марина опоздала на пятнадцать минут, вошла с мокрыми от дождя волосами и сразу начала извиняться.

— Пробки ужасные. Ты давно ждёшь?

— Минут пятнадцать.

— Ну, не так страшно.

Марина сняла пальто, бросила сумку на соседний стул и подозвала официанта.

— Мне капучино. И что-нибудь сладкое. Алис, ты будешь?

— Я уже заказала.

— Отлично.

Она выглядела уставшей.

Под глазами залегли тени, которых Алиса раньше не замечала. Марина часто улыбалась, но сегодня улыбка появлялась словно с небольшим опозданием.

— Показывай, — сказала Алиса.

— Что?

— Билеты, гостиницу, маршрут. Всё, что ты там придумала.

Марина достала ноутбук.

— Смотри. Летим в Берген. Там берём машину. Дальше примерно несколько часов дороги, в зависимости от погоды.

— Ты будешь за рулём?

— Да. Я уже водила в Европе.

— А гостиница?

— Небольшой семейный дом. Хозяйка — Ингрид Нюгор.

— Ты её знаешь?

Марина на секунду замерла.

— Нет. Почему?

— Ты назвала её по имени и фамилии.

— Они указаны в бронировании.

Она повернула экран к Алисе.

На фотографии был тот самый дом, интерьер которого Марина прислала накануне. Двухэтажное деревянное здание стояло у воды. За ним поднимался крутой склон, заросший тёмными деревьями.

— Красиво, — признала Алиса.

— Правда?

— Но я всё равно не понимаю, почему именно туда.

Марина закрыла ноутбук.

— Алис, тебе обязательно всё анализировать?

— Желательно, когда речь идёт о поездке в страну, где я ни разу не была.

— Мы просто поедем отдохнуть.

— Ты третий раз говоришь одно и то же.

Марина опустила взгляд на чашку.

Несколько секунд она молчала.

— Ладно, — сказала наконец. — Я действительно кое-что тебе не рассказала.

Алиса откинулась на спинку стула.

— Я слушаю.

— У моей мамы… — Марина остановилась. — В общем, она когда-то была в Норвегии. Очень давно. Я нашла фотографии после её смерти.

— И?

— На одной из них этот городок.

— Скарвик?

Марина кивнула.

— Почему ты сразу не сказала?

— Не знаю. Наверное, боялась, что ты откажешься.

— Из-за старой фотографии?

— Не только.

Официант принёс кофе. Марина поблагодарила его и дождалась, пока он отойдёт.

— Я хочу кое-что там выяснить, — произнесла она тише.

— Что именно?

— Пока сама не знаю.

Алиса посмотрела на подругу.

— Марин, это звучит странно.

— Понимаю.

— Ты предлагаешь мне ехать за несколько тысяч километров, чтобы выяснить что-то о прошлом твоей матери, но даже не можешь объяснить, что ищешь?

— Я не прошу тебя ничего искать. Просто поехали со мной. Пожалуйста.

Последнее слово прозвучало непривычно.

Марина почти никогда не просила. Обычно она убеждала, шутила, спорила, иногда давила, но редко позволяла себе выглядеть беспомощной.

Алиса заметила, как подруга сжимает бумажную салфетку.

— Ты чего-то боишься? — спросила она.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Марина разжала пальцы и положила смятую салфетку на стол.

— Я просто не хочу ехать одна.

За окном кафе медленно ползли автомобили. По стеклу стекали дождевые капли. За соседним столиком мужчина громко рассказывал кому-то по телефону о продаже квартиры.

Обычный московский вечер.

Алиса посмотрела на Марину и неожиданно поняла, что никогда не видела её такой.

Неуверенной.

Почти испуганной.

— Хорошо, — сказала она.

Марина подняла глаза.

— Что хорошо?

— Я поеду.

— Правда?

— Правда. Но с одним условием.

— Каким?

— Больше никаких сюрпризов.

Марина улыбнулась.

— Договорились.

Она протянула руку через стол, и Алиса пожала её.

Рука у Марины была холодной.

Перед тем как лечь спать, Алиса достала из шкафа небольшой дорожный чемодан. Колёсико у него заедало, а на ручке сохранилась выцветшая бирка с прошлогодней поездки. Она поставила чемодан посреди комнаты и долго смотрела на него, словно ждала, что тот сам подскажет, какие вещи брать в страну, где в конце октября почти не бывает солнца.

На кровати постепенно выросла стопка свитеров. Алиса добавила непромокаемую куртку, потом убрала её обратно: в чемодане оставалось слишком мало места. Она открыла прогноз погоды, увидела несколько дней дождя подряд и неожиданно рассмеялась. Обычно отпуск она представляла совсем иначе. Но сейчас мысль о холодном воздухе, незнакомых улицах и целой неделе без рабочих совещаний казалась привлекательнее любого пляжа.

Она нашла в ящике старые серые перчатки, связанные матерью несколько зим назад. Одна немного растянулась на пальцах, другая выглядела почти новой. Алиса сунула их в боковой карман чемодана. Затем закрыла молнию, оставив снаружи только зарядное устройство и паспорт. Впервые поездка перестала быть перепиской в телефоне и стала чем-то настоящим.

Позже, уже дома, Алиса получила электронные билеты и подтверждение бронирования.

Она открыла маршрут, проверила даты, записала адрес гостиницы и поставила напоминание о регистрации на рейс.

Потом долго рассматривала фотографию Скарвика.

На экране ноутбука маленький городок выглядел ещё более безлюдным, чем на телефоне.

Алиса нашла несколько фотографий окрестностей, старую карту и короткую заметку о закрытой гидротехнической станции. Ничего необычного. Таких объектов в Норвегии, судя по всему, было немало.

Перед сном она написала Марине:

«Билеты получила. Спасибо, что всё организовала».

Ответ пришёл через несколько минут.

«Спасибо, что согласилась».

Алиса выключила свет.

За окном продолжался дождь.

Она уже почти заснула, когда телефон снова завибрировал.

Марина прислала фотографию.

Старую, пожелтевшую, с потёртыми краями.

На ней стояли семь человек возле каменного здания. Мужчины в тёмных пальто, две женщины в длинных юбках. Лица были плохо различимы.

Под фотографией Марина написала:

«Нашла у мамы. Кажется, это Скарвик».

Алиса увеличила изображение.

На стене за спинами людей был вырезан странный знак: круг, пересечённый тремя волнистыми линиями.

Она хотела спросить, что он означает.

Но прежде чем успела набрать сообщение, фотография исчезла из переписки.

Марина удалила сообщение.

Через несколько секунд пришло новое:

«Ой, не то отправила. Спокойной ночи #»

Алиса лежала в темноте, держа телефон перед собой.

Потом открыла фотографии гостиницы.

На одной из них, над старым деревянным камином в общей гостиной, висела небольшая металлическая пластина.

Она увеличила снимок.

На пластине был тот же символ.

Круг.

И три волнистые линии.

Алиса ещё некоторое время смотрела на экран.

Затем положила телефон на тумбочку.

Совпадение, подумала она.

В старых городках наверняка полно подобных знаков.

Она повернулась на другой бок и закрыла глаза.

Но уснула далеко не сразу.

Глава 2

Дорога на север

Самолёт коснулся посадочной полосы с таким глухим ударом, что Алиса невольно вцепилась в подлокотник.

За иллюминатором шёл дождь.

— Добро пожаловать в Норвегию, — объявила Марина, потягиваясь в кресле. — Страну, где даже облака выглядят дорого.

— Ты обещала красивые виды.

— Они там есть. Просто сейчас за облаками.

Алиса посмотрела на часы. Почти половина второго по местному времени. Перелёт с пересадкой оказался утомительнее, чем она предполагала. Последние два часа она безуспешно пыталась уснуть, прислонившись к холодному стеклу.

В аэропорту Бергена пахло свежим кофе, мокрой одеждой и чем-то сладким, напоминавшим корицу. Люди двигались спокойно, почти бесшумно. Никто не толкался у багажной ленты и не пытался первым добраться до выхода.

Марина, напротив, словно получила второе дыхание.

— Так, сейчас забираем чемоданы, потом машину. Я забронировала небольшой кроссовер.

— Ты уверена, что справишься с дорогой?

— Алис, я десять лет за рулём.

— В Москве.

— Поверь, после Москвы мне уже ничего не страшно.

Через сорок минут они стояли на открытой парковке под мелким холодным дождём.

Машина оказалась серой «Тойотой» с автоматической коробкой передач. Марина долго изучала панель управления, потом с раздражением обнаружила, что не может выключить задний стеклоочиститель.

— Отличное начало, — заметила Алиса.

— Не мешай профессионалу.

— Профессионал сейчас пытается открыть багажник кнопкой обогрева стекла.

— Я тебя высажу.

Они рассмеялись.

На несколько минут всё стало обычным путешествием двух подруг.

Алиса устроилась на пассажирском сиденье, подключила телефон к зарядке и открыла навигатор.

— Сколько ехать?

— Чуть больше четырёх часов, если всё нормально.

— Ты говорила, что три.

— Я говорила «несколько».

— Удобная формулировка.

Марина выехала с парковки.

Бергена они почти не увидели. Дорога быстро увела их от аэропорта, мимо жилых кварталов, заправок и торговых центров. Затем дома стали попадаться всё реже.

За окнами появились холмы, покрытые тёмными деревьями. Между ними блестели небольшие озёра. Иногда дорога проходила через тоннель, и на несколько минут мир сужался до серых стен, белых линий разметки и красных огней впереди идущих автомобилей.

Алиса включила музыку.

Марина почти сразу попросила сделать тише.

— Голова болит? — спросила Алиса.

— Немного.

— Можем остановиться.

— Не надо. Хочу доехать засветло.

Алиса посмотрела на навигатор.

— Не успеем.

Марина ничего не ответила.

✦ ✦ ✦

Первую остановку они сделали возле небольшого придорожного кафе.

Дождь ненадолго прекратился. Над горами висели тяжёлые облака, но сквозь них пробивался тусклый дневной свет.

Алиса вышла из машины и с удовольствием потянулась.

Воздух был холодным и влажным. Пахло мокрой землёй, хвоей и далёким дымом.

Внутри кафе оказалось тепло. За стойкой стояла пожилая женщина с короткими седыми волосами. Марина заказала кофе и два сэндвича на английском, после чего отошла к окну, чтобы ответить на телефонный звонок.

Алиса расплатилась и устроилась за столиком.

На стене висела большая карта региона. Она подошла ближе, пытаясь найти Скарвик.

Несколько знакомых названий удалось сопоставить с маршрутом на телефоне, но нужного городка на карте не оказалось.

— Вы что-то ищете?

Алиса обернулась.

Рядом стоял мужчина лет шестидесяти в ярко-жёлтой непромокаемой куртке. В руках он держал бумажный стаканчик.

— Скарвик, — ответила она. — Мы туда едем.

Мужчина посмотрел на карту.

— Скарвик?

— Да. Возле фьорда.

Он задумался.

— А, старая дорога. После тоннеля нужно свернуть.

Алиса показала ему маршрут на телефоне.

Мужчина наклонился ближе.

— Да, это он.

— Вы там бывали?

— Много лет назад.

Он произнёс это без особого выражения, но потом снова посмотрел на экран.

— В это время года там редко бывают приезжие.

— Мы знаем.

— Погода в тех местах меняется быстро. Будьте осторожны на дороге.

Алиса поблагодарила его.

Мужчина уже собирался уйти, когда она спросила:

— В Скарвике есть на что посмотреть?

Он слегка улыбнулся.

— Смотря что вы ищете.

— Просто хотим посмотреть окрестности.

— Тогда вам следовало приехать летом.

Он кивнул и вернулся к своему столику.

Алиса проводила его взглядом.

Ничего странного в разговоре не было. Пожилой местный житель предупредил туристку о плохой погоде. Только и всего.

Но когда она вернулась за столик, Марина уже стояла рядом.

— С кем разговаривала?

— С каким-то мужчиной. Спросила дорогу.

— Зачем? У нас навигатор.

— Просто разговорились.

— И что он сказал?

— Что надо было приезжать летом.

Марина посмотрела в сторону мужчины.

— Ну, в этом он прав.

Она взяла свой кофе.

— Поехали?

— Мы только сели.

— Лучше не задерживаться.

✦ ✦ ✦

После кафе дорога стала уже.

Асфальт блестел от дождя. По одну сторону поднимались скалы, по другую иногда открывались глубокие долины с тёмными озёрами.

Алиса всё чаще доставала телефон, чтобы фотографировать.

Марина почти не разговаривала.

Пару раз ей приходили сообщения. Она быстро просматривала их, когда машина останавливалась, и убирала телефон экраном вниз.

Алиса замечала это, но пока ничего не спрашивала.

Они миновали длинный тоннель, затем ещё один, короче. За ним пейзаж неожиданно изменился.

Впереди открылся фьорд.

Алиса даже выпрямилась.

Огромное пространство тёмной воды уходило между горами. Склоны поднимались почти вертикально, и их вершины терялись в облаках. На противоположном берегу виднелись крошечные белые дома, казавшиеся игрушечными.

— Господи, — тихо произнесла она.

Марина улыбнулась.

— Ну что?

— Красиво.

— Я же говорила.

Они остановились на небольшой площадке у дороги.

Ветер оказался сильнее, чем Алиса ожидала. Он трепал волосы и забирался под воротник пальто. Где-то далеко внизу шумела вода.

Алиса подошла к ограждению.

Здесь не было привычного городского шума. Только ветер, редкие автомобили и глухой рокот, доносившийся из глубины долины.

Она достала телефон.

Сделала несколько фотографий.

На одной из них, в нижней части склона, виднелось старое промышленное здание. Длинная бетонная стена, узкие окна, заржавевшая металлическая конструкция.

— Что это? — спросила Алиса.

Марина подошла ближе.

— Где?

— Вон там, под скалой.

— Не знаю. Какая-нибудь электростанция.

— Заброшенная?

— Похоже.

Алиса увеличила фотографию.

Рядом со зданием проходила узкая дорожка. На ней виднелась металлическая лестница, а возле ограждения — что-то яркое, жёлтое или оранжевое.

— Странное место для прогулок, — сказала она.

— А кто сказал, что там гуляют?

Алиса повернулась к подруге.

— Я просто сказала.

— Ну вот и не будем туда ходить.

Марина произнесла это слишком резко.

Заметив взгляд Алисы, она добавила:

— В смысле, зачем нам заброшенные здания? Здесь и без них есть на что посмотреть.

Алиса убрала телефон.

— Ладно.

Но прежде чем сесть в машину, она ещё раз посмотрела вниз.

В одном из узких окон здания ей почудилось движение.

Она прищурилась.

Окно было тёмным.

Возможно, по стеклу просто скользнула тень облака.

✦ ✦ ✦

Около пяти вечера они свернули с основной дороги.

Навигатор сообщил, что до места назначения осталось двадцать восемь километров.

Дорога постепенно поднималась в горы. В некоторых местах она была настолько узкой, что Марине приходилось сбрасывать скорость почти до двадцати километров в час.

Навстречу попался небольшой грузовик. Марина прижалась к краю асфальта и остановилась в специальном расширении, пропуская его.

Водитель поднял руку в знак благодарности.

— Очень дружелюбная страна, — заметила Алиса.

— Угу.

— Ты вообще меня слушаешь?

— Да.

— Тогда повтори, что я сказала.

— Что здесь дружелюбная страна.

— Ладно, убедила.

Марина не улыбнулась.

Вскоре начался дождь, сначала мелкий, затем сильный. Дворники едва успевали очищать лобовое стекло.

Сумерки сгущались.

Алиса заметила, что навигатор несколько раз перестраивал маршрут, хотя поворотов не было.

— Что с ним?

— Связь плохая.

— Мы точно туда едем?

— Да.

— Марин.

— Что?

— Ты здесь раньше была?

Марина резко посмотрела на неё.

Машина слегка сместилась к осевой линии.

— Нет. С чего ты взяла?

— Ты всё время говоришь так, будто знаешь дорогу.

— Я изучила маршрут.

— Понятно.

Некоторое время они ехали молча.

Затем Марина сказала:

— Алис, я понимаю, что выгляжу странно.

— Немного.

— Просто для меня это важно.

— Что именно?

— Эта поездка.

— Я уже поняла.

— Нет, не поняла.

Марина вздохнула.

— Мама никогда не рассказывала о Норвегии. Вообще. Я даже не знала, что она здесь была, пока не нашла фотографии.

— Может, это было обычное путешествие.

— Может.

— И ты думаешь, что здесь найдёшь ответы?

— Надеюсь.

— На какие вопросы?

Марина долго не отвечала.

— Почему она врала, — произнесла наконец.

Алиса повернулась к ней.

— О чём?

— О том, где жила до моего рождения.

Марина сильнее сжала руль.

— Она говорила, что всю молодость провела в Москве. А фотографии сделаны здесь. И на некоторых она совсем не похожа на туристку.

— В каком смысле?

— У неё там дом. Знакомые. Какие-то праздники. На одной фотографии она стоит возле мужчины, который держит её за руку.

Алиса помолчала.

— Может, у неё был роман.

— Возможно.

— И что в этом страшного?

— Ничего.

Марина посмотрела на дорогу.

— Только на обороте одной фотографии было написано: «Ты обещала никогда не возвращаться».

Алиса почувствовала неприятный холодок.

— Кто написал?

— Не знаю.

— А когда?

— Тоже не знаю.

— Ты привезла фотографию?

— Да.

— Покажешь?

— В гостинице.

Впереди появился дорожный указатель.

СКАРВИК — 6 км.

Марина замолчала.

✦ ✦ ✦

Городок возник неожиданно.

Сначала Алиса увидела несколько огней внизу, у самой воды. Затем дорога обогнула скалу, и перед ними открылся узкий залив.

Дома стояли вдоль берега, тесно прижавшись друг к другу. Большинство были деревянными, окрашенными в красный, белый или тёмно-серый цвет. На причале покачивались рыбацкие лодки.

На противоположном склоне виднелась небольшая каменная постройка с остроконечной крышей.

— Это часовня? — спросила Алиса.

Марина взглянула туда.

— Наверное.

— Та самая, с фотографии?

— Похоже.

Они проехали мимо закрытого магазина, небольшой автобусной остановки и здания с норвежским флагом.

Людей на улице почти не было.

Возле кафе стояли двое мужчин. Один курил под навесом, другой что-то говорил ему, размахивая рукой. Когда машина проехала мимо, оба повернули головы.

— Смотрят, — заметила Алиса.

— Здесь, наверное, все друг друга знают.

— Видимо.

Гостевой дом находился чуть дальше от центра, на невысоком склоне над водой.

Это было старое двухэтажное здание с тёмной деревянной обшивкой. Над входом висела небольшая вывеска:

«СЕВЕРНЫЙ БЕРЕГ»

В окнах первого этажа горел тёплый свет.

Марина припарковалась возле каменной ограды.

Несколько секунд они сидели молча.

— Ну вот, — сказала наконец Марина. — Приехали.

Алиса посмотрела на дом.

Он выглядел почти так же, как на фотографиях. Только в реальности оказался темнее и старше.

На втором этаже за одной из занавесок что-то шевельнулось.

Алиса подняла голову.

Ткань неподвижно висела у стекла.

— Пойдём? — спросила Марина.

Они достали чемоданы и поднялись по мокрым каменным ступеням.

Прежде чем Марина успела нажать на звонок, дверь открылась.

На пороге стояла высокая пожилая женщина с седыми волосами, собранными на затылке. На ней были тёмное платье и шерстяной кардиган.

Лицо женщины казалось строгим, но не неприветливым.

— Марина? — спросила она.

Марина остановилась.

— Да.

Женщина внимательно посмотрела на неё.

Слишком внимательно, как показалось Алисе.

— Добро пожаловать в Скарвик, — сказала хозяйка.

Затем перевела взгляд на Алису.

— А вы, должно быть, Алиса.

— Да. Очень приятно.

Женщина кивнула и отступила, пропуская их внутрь.

— Я Ингрид Нюгор. Проходите, пожалуйста. Вы, наверное, устали.

В прихожей пахло древесиной, воском и чем-то пряным. На стенах висели старые фотографии моряков, рыбацких лодок и заснеженных гор.

Ингрид помогла им снять мокрые пальто.

— Ужин уже закончился, но я могу приготовить вам чай.

— Было бы замечательно, — ответила Марина.

Женщина снова посмотрела на неё.

— У вас её глаза.

Марина побледнела.

— Простите?

Ингрид словно спохватилась.

— Ничего. Вы напомнили мне одного человека.

Алиса посмотрела на подругу.

Марина отвернулась, делая вид, что поправляет ремень сумки.

✦ ✦ ✦

Комната находилась на втором этаже.

Две узкие кровати, небольшой шкаф, письменный стол и окно с видом на фьорд. На полу лежал старый ковёр, а возле батареи стоял керамический кувшин с сухими ветками.

— Ну как тебе? — спросила Марина.

— Нормально.

— Только нормально?

— Очень атмосферно. Особенно если здесь снимали фильм про исчезновение туристов.

— Прекрати.

— Я шучу.

Марина поставила чемодан возле кровати.

Алиса подошла к окну.

Снаружи почти стемнело. На другом берегу виднелись редкие огни. Вода была чёрной, и лишь возле причала на ней дрожали длинные отражения фонарей.

— Ты слышала, что сказала Ингрид? — спросила Алиса.

— Что именно?

— Про глаза.

— Ну, похожа на кого-то. Бывает.

— Марин.

— Алис, давай не сейчас.

— Ты с ней раньше общалась?

— По поводу бронирования.

— И всё?

Марина открыла чемодан.

— Да.

Алиса хотела продолжить, но остановилась.

Они только приехали. Впереди была целая неделя. Возможно, не стоило начинать отпуск с допроса собственной подруги.

Она отошла от окна и принялась разбирать вещи.

Через некоторое время снизу донёсся негромкий стук.

Затем ещё один.

И третий.

Алиса подняла голову.

— Слышала?

Марина замерла.

— Что?

— Как будто по металлу ударили.

Они прислушались.

В доме было тихо.

— Наверное, трубы, — сказала Марина.

— Возможно.

Алиса подошла к окну.

На противоположном берегу, высоко над водой, загорелся маленький жёлтый огонёк.

Затем второй.

Третий.

Они появлялись один за другим, словно кто-то медленно двигался по невидимой тропе.

Алиса прижалась лбом к холодному стеклу.

— Марин, иди сюда.

Подруга подошла не сразу.

— Что там?

— Смотри.

На склоне горело уже пять огней.

Потом шесть.

Седьмой появился чуть в стороне от остальных.

Они образовали неровную дугу вокруг тёмного пятна, в котором Алиса с трудом различила очертания каменной часовни.

— Красиво, — тихо сказала она.

Марина ничего не ответила.

Алиса повернулась.

Подруга стояла неподвижно. Её лицо в отражении оконного стекла казалось почти белым.

— Ты в порядке?

— Да.

— Что это за огни?

Марина посмотрела на противоположный берег.

— Не знаю.

Но Алиса уже начинала узнавать эту интонацию.

Так Марина говорила всякий раз, когда знала больше, чем хотела рассказать.

Внизу хлопнула дверь.

Обе вздрогнули.

Затем послышались шаги, приглушённые голоса и скрип старых половиц.

Алиса снова посмотрела на склон.

Первый огонь погас.

Через несколько секунд исчез второй.

Остальные погасли почти одновременно.

И часовня растворилась в темноте.

✦ ✦ ✦

В половине десятого Алиса спустилась на первый этаж за горячей водой.

Марина осталась наверху, сославшись на усталость.

В гостиной никого не было. В камине тлели угли, а старые настенные часы мерно отсчитывали секунды.

На столике стоял поднос с чайником и чашками. Рядом лежала записка на английском: «Угощайтесь».

Алиса налила горячую воду и уже собиралась возвращаться, когда заметила приоткрытую дверь в конце коридора.

Оттуда доносились голоса.

Один принадлежал Ингрид.

Второй — мужчине.

Они говорили по-норвежски, быстро и негромко.

Алиса не понимала ни слова.

Она прошла мимо, стараясь не шуметь.

В этот момент мужчина произнёс что-то резко, почти сердито.

Ингрид ответила короткой фразой.

Дверь открылась.

Алиса остановилась.

Перед ней стоял мужчина лет пятидесяти пяти, высокий, широкоплечий, с густой седой бородой. На нём была тёмная непромокаемая куртка, с которой на пол капала вода.

Он посмотрел на Алису.

Не удивлённо.

Скорее оценивающе.

— Вы здесь остановились? — спросил он.

— Да.

Мужчина перевёл взгляд на чашку в её руке.

— Русские?

Алиса нахмурилась.

— Да. А что?

Он ничего не ответил.

Из комнаты вышла Ингрид.

— Юхан, — произнесла она предупреждающим тоном.

Мужчина снова посмотрел на Алису.

— Вам не следовало сюда приезжать.

Алиса почувствовала, как у неё неприятно сжалось горло.

— Простите?

— Это место не для туристов.

— Юхан, хватит, — резко сказала Ингрид.

Мужчина усмехнулся.

— Они никогда не слушают.

Он прошёл мимо Алисы к выходу.

Через несколько секунд хлопнула входная дверь.

В коридоре стало тихо.

Ингрид поправила рукав кардигана.

— Простите. У него бывает тяжёлый характер.

— Кто это был?

— Юхан Сольберг. Он живёт неподалёку.

— Почему он так сказал?

Ингрид посмотрела в сторону двери.

— Он не любит приезжих.

— Это заметно.

— Не принимайте на свой счёт.

Алиса кивнула.

Но когда она поднялась по лестнице, то всё ещё чувствовала на себе тяжёлый взгляд незнакомца.

✦ ✦ ✦

Марина лежала на кровати с телефоном.

— Ты долго.

— Встретила какого-то неприятного типа.

— Какого?

— Юхан Сольберг. Знаешь такого?

Марина резко подняла глаза.

— Юхан?

— Да. Седой, с бородой. Сказал, что туристам здесь не место.

— Что ещё?

— Ничего. А что?

— Просто спросила.

Алиса поставила чашку на стол.

— Ты его знаешь?

— Нет.

— Марина.

— Что?

— Ты сейчас врёшь?

Подруга села на кровати.

— Алис, ну сколько можно?

— Я просто спрашиваю.

— Ты с самого начала ищешь какой-то подвох. Мы приехали отдыхать, а ты уже устраиваешь расследование.

Алиса почувствовала, как к щекам приливает кровь.

— Извини, что мне не нравится, когда незнакомые люди говорят, что мне здесь не место.

— Он местный сумасшедший. Забудь.

— Откуда ты знаешь?

Марина открыла рот.

И закрыла.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом Марина отвернулась.

— Я устала. Давай завтра поговорим.

Алиса не ответила.

Она выключила верхний свет и легла.

За окном шумел ветер. Время от времени дождь с силой ударял по стеклу.

Марина почти сразу повернулась к стене.

Алиса долго смотрела в потолок.

Ей хотелось списать всё на усталость. Долгая дорога, незнакомая страна, странный старик. В любом маленьком городе наверняка найдётся человек, который не любит приезжих.

Ничего необычного.

Она закрыла глаза.

Внизу скрипнула половица.

Затем послышались шаги.

Кто-то медленно поднялся по лестнице и остановился на втором этаже.

Алиса открыла глаза.

Шаги приблизились к их двери.

Остановились.

Она лежала неподвижно, прислушиваясь.

Прошло несколько секунд.

Потом кто-то тихо постучал.

Один раз.

Алиса приподнялась на локте.

— Марин?

Подруга не ответила.

Снова стук.

На этот раз два коротких удара.

Алиса посмотрела на дверь.

— Кто там? — спросила она по-английски.

Ответа не было.

Она встала, накинула кардиган и осторожно подошла к двери.

— Эй? Кто-нибудь есть?

Тишина.

Алиса повернула замок и приоткрыла дверь.

Коридор был пуст.

Тусклая лампа освещала старые деревянные стены. В дальнем конце лестницы виднелся прямоугольник света.

Никого.

Она уже собиралась закрыть дверь, когда заметила на полу небольшой предмет.

Тонкую веточку вереска.

Мокрую, с несколькими тёмно-розовыми цветками.

Алиса наклонилась и подняла её.

На пальцах осталась холодная вода.

Из комнаты послышался голос Марины:

— Что там?

— Никого.

— Тогда закрой дверь.

Алиса посмотрела на веточку.

— Марин, кто-то оставил здесь цветы.

На мгновение стало совсем тихо.

Потом Марина произнесла:

— Выброси.

— Почему?

— Просто выброси, Алиса.

В её голосе было что-то, чего Алиса прежде никогда не слышала.

Страх.

Алиса медленно закрыла дверь.

Веточку она не выбросила.

Положила на письменный стол, рядом с телефоном.

За окном снова поднялся ветер.

Где-то далеко, на противоположном берегу фьорда, на несколько секунд вспыхнул одинокий жёлтый огонь.

И погас.

Глава 3

Семь имён

Утром Алиса обнаружила, что веточка вереска исчезла.

Она заметила это не сразу. Сначала долго лежала под одеялом, прислушиваясь к дождю. Потом проверила телефон, ответила на сообщение матери и только после этого вспомнила о ночном стуке.

На письменном столе стояли её чашка и бутылка воды. Рядом лежала зарядка.

Веточки не было.

Алиса приподнялась на локте.

— Марин?

Вторая кровать пустовала. Одеяло было аккуратно сложено, чемодан закрыт.

На телефоне обнаружилось сообщение, отправленное двадцать минут назад.

Я внизу. Тут завтрак до десяти. Спускайся.

Алиса посмотрела на часы.

9:12.

Она ещё раз осмотрела стол, заглянула под него и даже отодвинула занавеску, хотя прекрасно помнила, куда положила вереск.

Ничего.

Ночью ей было не по себе. Теперь она чувствовала главным образом раздражение.

Если Марина решила, что это смешная шутка, то ошиблась.

✦

В столовой пахло кофе, свежим хлебом и жареным беконом.

Большие окна выходили на фьорд. За ночь ветер разогнал низкие облака, и теперь Алиса впервые увидела противоположный берег целиком. Скалы поднимались почти отвесно, местами покрытые рыжей осенней травой. Узкая дорога вилась вдоль воды и исчезала за выступом горы.

Часовня стояла выше деревни, на каменной террасе. Отсюда она казалась совсем маленькой.

Марина сидела за столиком возле окна и изучала что-то в телефоне.

— Доброе утро, — сказала она, не поднимая головы.

— Ты убрала цветы?

— Какие цветы?

Алиса села напротив.

— Вереск. Который вчера лежал у двери.

Марина подняла глаза.

— А, эту ветку?

— Да.

— Выбросила.

— Зачем?

— Она была мокрая. Ты положила её на деревянный стол.

Алиса несколько секунд смотрела на подругу.

— Можно было меня спросить.

— Ты спала.

— Я хотела её сфотографировать.

— Для чего?

— Не знаю. Просто хотела.

Марина вздохнула.

— Алис, это ветка. Здесь их тысячи.

— Её кто-то оставил под нашей дверью.

— Или принёс на обуви. Или она зацепилась за чей-нибудь чемодан.

— И сама постучала?

Марина отложила телефон.

— Ты уверена, что кто-то стучал именно к нам?

— Я открыла дверь.

— Я помню. Но в старых домах слышно всё подряд.

Алиса хотела возразить, однако передумала.

Она действительно не видела человека. Только слышала стук и нашла веточку. Между этими событиями могла не существовать никакая связь.

И всё же Марина ночью испугалась. Алиса это хорошо помнила.

— Ты вчера сказала мне выбросить её, — произнесла она.

— И что?

— Таким голосом, будто это что-то опасное.

— Я была уставшая.

Разговор прервала Ингрид.

Она принесла кофейник и небольшую тарелку с выпечкой.

— Доброе утро. Хорошо спали?

— Очень хорошо, спасибо, — ответила Марина.

Алиса не стала уточнять, что это не совсем правда.

Ингрид разлила кофе.

При дневном свете хозяйка казалась старше, чем накануне. У неё были глубокие морщины возле рта и маленький шрам над левой бровью. На безымянном пальце она носила простое золотое кольцо.

— Ночью была сильная буря, — сказала она.

— В октябре здесь всегда так? — спросила Алиса.

— Часто. Но сегодня должно стать лучше.

Ингрид посмотрела в окно.

— Если хотите прогуляться, идите до обеда. Дождь может вернуться.

— Мы думали сходить к часовне, — сказала Марина.

Ингрид повернулась к ней.

— К часовне?

— Да. Отсюда она очень красиво выглядит.

— Она старая.

— Туда можно зайти?

— Обычно здание закрыто. Но вокруг можно погулять.

Она поставила кофейник на стол.

— Только не сходите с обозначенной тропы. Склон местами неустойчивый.

Алиса вспомнила вчерашнего мужчину.

— Поэтому Юхан не любит туристов?

Ингрид замерла.

Совсем ненадолго. Но Алиса заметила.

— Юхан беспокоится из-за старой станции, — ответила хозяйка.

— Той, что возле дороги?

— Да. Ею уже много лет не пользуются.

— Она опасна?

— Некоторые её части — да.

— Тогда почему её не снесут?

Ингрид слегка улыбнулась.

— Потому что снос стоит денег. И здесь люди не всегда сходятся во мнении, что следует сохранять.

Она пожелала им приятного завтрака и ушла.

Марина взяла булочку.

— Ну что, пойдём гулять?

— Ты хотела к часовне?

— Почему бы и нет?

Алиса посмотрела на неё.

— Вчера ты даже не знала, что это часовня.

— Вчера было темно.

— Конечно.

Марина отломила кусочек булочки.

— Ты сегодня решила придираться ко всему, что я говорю?

— Нет.

— Тогда давай хотя бы позавтракаем спокойно.

Алиса потянулась за кофе.

За окном по дороге медленно проехал старый белый фургон. На борту было написано что-то по-норвежски, ниже виднелся телефонный номер.

У поворота к часовне машина остановилась.

Из неё вышел мужчина в оранжевой рабочей куртке. Он посмотрел на склон, достал телефон и сделал несколько снимков.

Потом вернулся в кабину и уехал.

Алиса проводила его взглядом.

— Что там? — спросила Марина.

— Ничего.

Она отпила кофе.

Впервые за последние сутки ей удалось произнести это слово без всякого скрытого смысла.

✦

Скарвик оказался меньше, чем представляла Алиса.

Главная улица тянулась вдоль берега и заканчивалась возле небольшого причала. Здесь стояли несколько рыбацких лодок, два прогулочных катера и старое судно с облупившейся синей краской.

Напротив причала находились магазин, кафе и здание с вывеской местной администрации. Чуть дальше — невысокая школа с детской площадкой, окружённой металлическим забором.

Несмотря на серое небо, городок выглядел ухоженным. На окнах стояли цветы, возле домов были аккуратно сложены дрова, а вдоль дороги тянулись небольшие фонари.

Алиса сделала несколько фотографий.

— Здесь как будто время остановилось, — сказала она.

— В хорошем смысле?

— Пока не знаю.

Они прошли мимо кафе.

Внутри сидели несколько человек. За стойкой стоял мужчина с короткой бородой и протирал стаканы.

Увидев девушек, он поднял руку.

Марина ответила улыбкой.

— Ты его знаешь? — спросила Алиса.

— Нет. Просто поздоровалась.

— Удивительно общительный народ.

— А ты думала, они будут прятаться при виде туристов?

— Вчерашний Юхан был бы не против.

Марина ничего не сказала.

У причала пахло солью, водорослями и дизельным топливом. Ветер раскачивал лодки, и те негромко постукивали бортами о деревянные сваи.

Алиса остановилась возле старой информационной доски.

На ней была прикреплена карта прогулочных маршрутов. Один вёл к смотровой площадке, другой — вдоль берега. Третий поднимался к часовне.

Чуть ниже значилось предупреждение о закрытой промышленной территории.

— Вот станция, — сказала Алиса.

Марина подошла.

На карте здание обозначалось как бывший гидротехнический объект.

— Пойдём лучше к часовне, — предложила она.

— Мы и так туда собирались.

— Ну и отлично.

Они начали подниматься по узкой улице.

Через несколько минут у Марины зазвонил телефон.

Она посмотрела на экран и остановилась.

— Алис, мне нужно ответить.

— Отвечай.

— Я ненадолго.

Марина отошла на несколько шагов.

Говорила она тихо, отвернувшись к воде.

Алиса различила только несколько английских слов.

Сегодня.

Да.

Понимаю.

Затем Марина сказала:

— Нет, она со мной.

Алиса подняла голову.

Марина заметила её взгляд и отвернулась ещё сильнее.

Разговор закончился почти сразу.

— Кто звонил? — спросила Алиса.

— По работе.

— Из Москвы?

— Да.

— И вы разговаривали по-английски?

Марина поморщилась.

— Господи, Алиса.

— Что?

— Ты серьёзно собираешься проверять каждое моё слово?

Алиса почувствовала, что краснеет.

— Нет. Просто услышала.

— У нас есть иностранные клиенты. Ты прекрасно об этом знаешь.

Это было правдой.

Марина работала в рекламном агентстве и действительно часто общалась с зарубежными заказчиками.

Алиса отвела взгляд.

— Ладно. Извини.

Марина некоторое время молчала.

Потом сказала:

— Мне нужно встретиться с одним человеком.

Алиса повернулась к ней.

— Здесь?

— Да.

— По работе?

— Нет.

— С тем, кто звонил?

— Алис, пожалуйста.

Марина провела ладонью по лицу.

— Это связано с мамой. Я договорилась о встрече ещё до поездки.

— Почему не сказала?

— Потому что не была уверена, что она состоится.

— Кто этот человек?

— Сотрудница местного музея. Её зовут Сигне.

Алиса посмотрела на подругу.

— И когда встреча?

— Через час.

— Тогда идём вместе.

Марина замялась.

— Я хотела сначала поговорить с ней одна.

— Почему?

— Это личное.

Последнее слово прозвучало достаточно твёрдо.

Алиса кивнула.

— Хорошо.

— Ты не обиделась?

— Нет.

Но обиделась.

Не из-за самой встречи. Марина имела полное право заниматься историей собственной семьи.

Алису раздражало другое: она всё чаще узнавала о планах подруги случайно.

И каждый раз ей приходилось делать вид, что ничего особенного не произошло.

✦

Они расстались возле небольшой площади.

Марина направилась к зданию с красной крышей, которое, по её словам, находилось рядом с музеем. Алиса осталась у причала.

Поначалу она собиралась вернуться в гостиницу.

Потом передумала.

В конце концов, ей не требовалось разрешение Марины, чтобы осмотреть городок.

Она зашла в кафе.

Внутри было тепло и пахло свежемолотым кофе. За несколькими столиками сидели местные жители. На стенах висели фотографии рыбацких судов, а возле окна стояла небольшая полка с книгами.

Мужчина за стойкой приветливо улыбнулся.

— Здравствуйте.

— Добрый день. Можно капучино?

— Конечно.

Он говорил по-английски свободно, хотя с заметным акцентом.

— Вы остановились у Ингрид, верно?

Алиса удивилась.

— Да. Откуда вы знаете?

— Маленький городок.

Мужчина усмехнулся.

— Я Томас.

— Алиса.

— Приятно познакомиться, Алиса.

Он поставил чашку на стойку.

— Вы впервые в Норвегии?

— Да.

— И выбрали Скарвик в октябре.

— Кажется, это всех удивляет.

— После лета у нас почти не бывает туристов.

Алиса расплатилась и села у окна.

Через несколько минут Томас подошёл с маленькой тарелкой печенья.

— За счёт заведения.

— Спасибо.

Он посмотрел на улицу.

— Ваша подруга пошла к Сигне?

Алиса подняла глаза.

— Вы и это знаете?

— Сигне говорила, что ждёт гостью из России.

— Понятно.

Томас улыбнулся.

— Не волнуйтесь. Мы знаем не всё обо всех.

Он помолчал.

— Только почти всё.

Алиса невольно рассмеялась.

Впервые за время поездки она почувствовала себя непринуждённо.

— Можно вас кое о чём спросить?

— Конечно.

— Что за история со старой часовней?

Томас перестал улыбаться.

Не резко. Просто его лицо стало серьёзнее.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего особенного. Я видела её из окна. А вчера ночью заметила возле неё какие-то огни.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Огни?

— Семь, кажется. На склоне.

Томас медленно кивнул.

— Иногда туда поднимаются люди.

— Ночью?

— Иногда.

— Там проводят какой-нибудь праздник?

— Не в это время года.

Он взял пустую чашку с соседнего столика.

— Лучше спросите у Сигне. Она знает местную историю лучше всех.

— Возможно, так и сделаю.

— Вот и хорошо.

Он уже собирался уйти, когда Алиса спросила:

— А Юхан Сольберг? Он живёт неподалёку?

Томас остановился.

— Вы встретили Юхана?

— Вчера.

— А-а.

Он поставил чашку обратно на поднос.

— С ним не всегда легко разговаривать.

— Я заметила.

— Он много лет работал на станции.

— На заброшенной?

— Да. До её закрытия.

Томас посмотрел на часы над стойкой.

— Мне пора возвращаться к работе.

Он ушёл, оставив Алису с недопитым кофе.

Она посмотрела в окно.

По улице прошла женщина с собакой. У магазина остановилась машина доставки. Двое школьников проехали на велосипедах, несмотря на мокрый асфальт.

Обычная жизнь маленького города.

Но стоило Алисе спросить о часовне или старой станции, как разговор неизменно заканчивался.

Возможно, местные просто не любили обсуждать прошлое с незнакомцами.

Возможно, она задавала слишком много вопросов.

✦

Музей находился в старом деревянном здании недалеко от школы.

Над входом висела скромная вывеска. На двери было указано, что в несезонное время посещение возможно по предварительной договорённости.

Алиса уже собиралась уйти, когда заметила свет в окне.

Она постучала.

Через несколько секунд дверь открыла женщина лет тридцати пяти, с короткими светлыми волосами и внимательными голубыми глазами.

— Здравствуйте?

— Добрый день. Простите, музей открыт?

— Официально нет, но я могу ненадолго вас впустить.

Женщина улыбнулась.

— Я Сигне Даль.

Алиса на мгновение растерялась.

— Алиса Воронцова.

Улыбка Сигне стала чуть сдержаннее.

— Алиса?

— Да.

— Вы подруга Марины.

— Верно.

Сигне посмотрела через плечо, в глубину помещения.

— Её сейчас здесь нет.

— Я знаю. Мы разошлись по своим делам.

— Понятно.

Она отступила в сторону.

— Проходите.

Внутри пахло старой древесиной и бумагой.

Музей занимал несколько небольших комнат. В первой были выставлены рыбацкие снасти, модели лодок и фотографии жителей Скарвика. Во второй — предметы быта, старые книги, одежда и документы.

Сигне включила дополнительный свет.

— Осенью у нас мало посетителей.

— Мне уже говорили.

— Томас?

Алиса улыбнулась.

— Да.

— Он любит поговорить.

Сигне произнесла это без раздражения, скорее с привычной снисходительностью.

Алиса подошла к витрине с фотографиями.

На одном снимке мужчины стояли возле длинной деревянной лодки. На другом группа женщин позировала перед домом, украшенным еловыми ветками.

— Сколько лет этим вещам?

— Большинство относится к началу прошлого века. Некоторые ещё старше.

— А часовня?

— Её построили в девятнадцатом веке. Но это место использовали и раньше.

— Для чего?

— Для собраний и поминальных служб. Сюда приходили, когда кто-то пропадал в море.

Алиса вспомнила огни.

— Здесь и теперь проводят поминальные службы?

Сигне поправила край скатерти на соседней витрине.

— Иногда.

— Ночью?

Женщина посмотрела на неё.

— Почему вы спрашиваете?

— Вчера я видела огни.

— Люди ходят по этой тропе.

Ответ был почти таким же, как у Томаса.

Алиса решила не продолжать.

Она перешла в следующую комнату.

На дальней стене висела большая чёрно-белая фотография.

Семеро мужчин стояли перед рыбацким судном. Все были в тяжёлых куртках и высоких сапогах. У одного на плече лежала бухта верёвки.

Под снимком находилась металлическая табличка.

Алиса подошла ближе.

Текст был на норвежском языке.

Она различила дату — 17 ноября 1924 года.

Ниже шли семь имён.

И рядом — знакомый символ.

Круг, пересечённый тремя волнистыми линиями.

Алиса почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Что с ними случилось?

Сигне подошла.

— Они были рыбаками.

— Погибли?

— Да. Во время шторма.

Алиса посмотрела на фотографию.

Мужчины были разного возраста. Самому молодому, судя по лицу, едва исполнилось двадцать. Самый старший стоял в центре, положив руку на плечо соседа.

— Все семеро?

— Все семеро.

— Тела нашли?

— Только двух.

Алиса снова посмотрела на табличку.

— А этот знак?

Сигне проследила за её взглядом.

— Старый местный символ.

— Что он означает?

— Для разных людей — разное.

Алиса повернулась к ней.

— Довольно загадочный ответ.

Сигне слегка улыбнулась.

— История часто бывает загадочной.

Она подошла к небольшому шкафу и достала тонкую папку.

— У нас сохранились документы о шторме. В основном газетные вырезки. Если вам интересно.

Алиса кивнула.

В папке лежали копии старых газетных заметок. На одной из страниц была фотография той же лодки, снятая с другого ракурса.

Сигне показала пальцем на заголовок.

— Лодка вышла рано утром. По прогнозу погода должна была быть хорошей, но шторм налетел быстрее, чем ожидалось.

— И они не вернулись?

— Нет.

— Как называлась лодка?

— «Семь братьев». Так её название переводится с норвежского.

Алиса посмотрела на снимок.

— Они и правда были братьями?

— Нет. Их просто так называли.

Сигне закрыла папку.

— Для маленькой общины потерять семерых мужчин за один день было трагедией. Некоторые семьи так и не оправились.

— Поэтому часовня так важна?

— Отчасти.

Сигне положила документы обратно в шкаф.

Алиса ещё раз взглянула на фотографию.

Семь мужчин.

Семь имён.

Семь огней на противоположном склоне.

Совпадение было слишком очевидным, чтобы его не заметить.

Но она не стала ничего говорить.

✦

В следующей комнате Алиса обнаружила старую карту Скарвика.

Она занимала почти всю стену. Бумага пожелтела, края были закреплены под стеклом.

На карте обозначались дома, причал, часовня и несколько промышленных объектов.

Алиса нашла старую станцию.

От неё вверх по склону шла тонкая линия, заканчивавшаяся возле небольшого прямоугольника.

— Что это? — спросила она.

Сигне подошла.

— Старая служебная тропа.

— К часовне?

— Нет. К техническому зданию. Его снесли много лет назад.

Алиса пригляделась.

На современной карте, которую она видела у причала, этой дороги не было.

— По этой тропе ещё можно пройти?

— Я бы не советовала.

— Почему?

— Грунт неустойчив, а некоторые сооружения в плохом состоянии.

Алиса кивнула.

Она вспомнила старую станцию, которую фотографировала накануне.

— Юхан Сольберг ведь работал там?

Сигне медленно повернула голову.

— Да.

— Я встретила его вчера.

— Неужели?

— Он был не слишком дружелюбен.

Сигне не ответила.

Алиса заметила, что женщина смотрит не на неё, а на дверь.

— Что-то не так?

— Нет.

Сигне поправила рукав свитера.

— У Юхана последние годы были непростыми.

— Что случилось?

— Это его личное дело.

В голосе женщины появилась твёрдость.

Алиса почувствовала себя неловко.

— Простите. Я не хотела лезть не в своё дело.

— Ничего страшного.

Сигне снова посмотрела на карту.

— Здесь люди знают друг друга поколениями. Иногда трудно объяснить что-то чужаку.

Алиса хотела спросить, что именно она имеет в виду.

Но в этот момент зазвонил телефон.

Сигне взглянула на экран.

— Простите.

Она вышла в соседнюю комнату.

Алиса осталась перед картой.

Снаружи начал накрапывать дождь.

В стекле отражались окна, старые фотографии и её собственная фигура.

Она снова посмотрела на тонкую линию, ведущую от станции вверх по склону.

Почему-то ей вспомнился мужчина в оранжевой куртке, который утром фотографировал дорогу.

Она достала телефон и сделала снимок карты.

✦

Когда Сигне вернулась, она выглядела озабоченной.

— Боюсь, мне скоро придётся закрыть музей.

— Конечно. Спасибо за экскурсию.

Алиса направилась к выходу.

У самой двери она заметила небольшую фотографию в деревянной рамке.

На снимке была группа людей возле часовни. Фотография выглядела относительно новой — возможно, ей было лет двадцать или тридцать.

Алиса остановилась.

На переднем плане стояла молодая женщина с длинными светлыми волосами.

Что-то в её лице показалось знакомым.

Алиса подошла ближе.

Высокие скулы.

Прямой нос.

Широко поставленные глаза.

Она уже видела это лицо.

Точнее, похожее.

— Кто она? — спросила Алиса.

Сигне подошла.

Посмотрела на фотографию.

— Которая?

— Светловолосая женщина. Вот.

Сигне молчала несколько секунд.

— Не помню.

Алиса повернулась к ней.

— Правда?

— У нас здесь сотни фотографий.

Это было разумное объяснение.

И всё же женщина стояла слишком близко, словно хотела поскорее убрать снимок из поля зрения.

Алиса достала телефон.

— Можно сфотографировать?

Сигне помедлила.

— Да, конечно.

Алиса сфотографировала рамку.

Когда она подняла глаза, Сигне уже отошла к двери.

— Надеюсь, вам было интересно в музее.

— Очень. Спасибо.

Они попрощались.

На улице дождь усилился.

Алиса подняла капюшон и направилась к гостинице.

Через несколько шагов телефон завибрировал.

Сообщение от Марины.

Ты где?

В музее была. Сейчас иду обратно.

Ответ пришёл почти мгновенно.

В каком музее?

Алиса остановилась.

В нашем. У Сигне.

Три точки появились сразу.

Потом исчезли.

Прошла почти минута.

Ты с ней разговаривала?

Да.

О чём?

Алиса посмотрела на экран.

Пальцы замёрзли, дождь стекал по телефону.

О местной истории. А что?

Марина не ответила.

Алиса убрала телефон в карман.

Она уже почти дошла до гостиницы, когда вспомнила фотографию.

Достала телефон и открыла снимок.

Молодая светловолосая женщина стояла немного в стороне от остальных. На ней было длинное тёмное пальто, а на шее — светлый шарф.

Алиса увеличила изображение.

Теперь она поняла, кого напоминало ей это лицо.

Марину.

Точнее, Марину на старых фотографиях её матери.

Алиса остановилась посреди тротуара.

Она видела Елену Белову несколько раз, ещё в студенческие годы. Помнила её спокойный голос, светлые волосы и привычку слегка наклонять голову, когда она слушала собеседника.

Женщина на фотографии стояла точно так же.

Алиса посмотрела на дату, написанную в нижнем углу рамки.

1993.

Она снова увеличила лицо.

Сомнений почти не осталось.

Это была мать Марины.

✦

В гостинице пахло выпечкой и влажными дровами.

Алиса сняла пальто и поднялась на второй этаж.

Марина сидела на кровати с ноутбуком.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

Алиса поставила сумку на пол.

— Ты уже вернулась?

— Недавно.

— Как прошла встреча?

— Нормально.

— Узнала что-нибудь?

— Пока нет.

Алиса достала телефон.

— Я нашла фотографию твоей мамы.

Марина подняла глаза.

— Что?

— В музее. На стене висит снимок. По-моему, это она.
Алиса показала экран.
Марина долго смотрела на фотографию.
Её лицо постепенно изменилось.
Сначала удивление.
Затем что-то похожее на облегчение.
И почти сразу — тревога.
— Где именно она висит?
— Возле выхода.
— Сигне её видела?
— Конечно. Она там работает.
— Что сказала?
— Что не помнит, кто это.
Марина опустила телефон.
— Понятно.
Алиса села напротив.
— Марин, ты же с ней сегодня встречалась?
— Да.
— Она что-нибудь рассказывала о твоей маме?
— Немного.
— И?
Марина посмотрела в окно.
— Она сказала, что мама жила здесь какое-то время.
— Какое?
— Несколько лет.
— Когда?
— В начале девяностых.
Алиса молчала.
Марина провела рукой по волосам.
— Я сама только сегодня узнала.
— И ты не собиралась мне рассказывать?
— Собиралась.
— Когда?
— Алис…
— Я просто хочу понять, что происходит.
Марина закрыла ноутбук.
— Я тоже.
Некоторое время они сидели молча.
За окном шумел дождь.
Потом Алиса спросила:
— Почему Сигне сделала вид, что не знает твою маму?
Марина подняла голову.
— Она так сказала?
— Да.
— Может, действительно не узнала.
— Ты же сама говоришь, что она знает о её жизни здесь.
Марина не ответила.
Алиса почувствовала знакомое раздражение.
Но на этот раз решила не отступать.

— Марин, послушай. Я приехала сюда с тобой. Я не против того, что ты хочешь узнать что-то о матери. Но я не понимаю, почему ты постоянно что-то недоговариваешь.

— Я не всё могу объяснить.

— Почему?

Марина долго смотрела на неё.

Потом тихо произнесла:

— Потому что я сама не знаю, кому здесь можно верить.

Алиса нахмурилась.

— В каком смысле?

Марина встала и подошла к окну.

На противоположном берегу, над водой, виднелась старая часовня.

— Сигне сегодня показала мне письмо, — сказала она.

— Какое?

— От мамы. Она написала его перед отъездом из Скарвика.

— И что там?

Марина повернулась.

— Там говорится, что она нарушила обещание.

— Какое обещание?

— Не знаю.

— А что ещё?

Марина помедлила.

— Что однажды за это придётся ответить.

Алиса почувствовала, как внутри неприятно похолодело.

— Ответить перед кем?

— В письме не сказано.

— Марин, это могло означать что угодно. Семейную ссору. Разрыв отношений.

— Я понимаю.

— Тогда почему ты так испугалась?

Марина посмотрела на неё.

— Потому что Сигне сказала, что это письмо не должны были сохранять.

— Почему?

— Она не объяснила.

Алиса опустила глаза на телефон.

На экране всё ещё была открыта старая фотография.

Семеро или восемь человек возле часовни.

Молодая Елена Белова.

И мужчина в дальнем конце группы, лицо которого почти полностью скрывала тень.

Алиса увеличила снимок ещё сильнее.

На его груди висел небольшой круглый медальон.

Круг.

Три волнистые линии.

Тот самый знак.

✦

Вечером они почти не разговаривали.

Марина сказала, что хочет отдохнуть, и осталась в комнате. Алиса спустилась в гостиную, взяла с полки книгу о местной истории и устроилась возле камина.

Читать было трудно.

Она постоянно возвращалась мыслями к фотографии.

К семи рыбакам.

К огням на склоне.
К странным словам Юхана.
И к тому, что Марина явно знала больше, чем говорила.
Около восьми в гостиную вошла Ингрид.
— Хотите чаю?
— Да, пожалуйста.
Хозяйка поставила перед ней чашку.
Некоторое время они молчали.
Потом Ингрид заметила книгу.
— Интересуетесь нашей историей?
— Немного.
— У Сигне много старых документов. Она их бережно хранит.
— Я сегодня была в музее.
— Правда?
— Да.
Ингрид села в кресло напротив.
Алиса неожиданно спросила:
— Вы знали мать Марины?
Женщина не сразу ответила.
Она посмотрела на огонь в камине.
— Да.
Алиса выпрямилась.
— Вы её знали?
— Много лет назад.
— Вы были подругами?
Ингрид сложила руки на коленях.
— Мы были знакомы.
— Марина нашла старые фотографии. Она пытается понять, почему её мать жила здесь.
— Я знаю.
Алиса почувствовала, что разговор становится важным.
— Вы можете что-нибудь о ней рассказать?
Ингрид посмотрела на неё.
— Елена была доброй женщиной.
— И всё?
— Она была молода. А молодые иногда дают обещания, смысла которых не понимают.
Алиса замерла.
— Какие обещания?
Ингрид покачала головой.
— Не мне рассказывать эту историю.
Она поднялась.
— Вам нужно поговорить с Мариной.
— Я уже говорила.
— Тогда дайте ей время.
Ингрид взяла пустую тарелку со стола.
У двери она остановилась.
— Алиса?
— Да?
— Не верьте всему, что вам рассказывают об этом месте.
Алиса посмотрела на неё.

— Почему?

Ингрид помедлила.

— Потому что иногда люди лучше помнят свой страх, чем то, что на самом деле случилось.

Она вышла.

Алиса осталась одна.

В камине треснуло полено.

За окном шумел ветер.

Алиса закрыла книгу.

Слова Ингрид не выходили у неё из головы.

Люди лучше помнят страх, чем то, что произошло на самом деле.

Она ещё не знала, насколько важными окажутся эти слова.

✦

Перед сном Алиса снова открыла фотографию из музея.

На этот раз она рассматривала не лица.

За спинами людей виднелась каменная стена часовни. На ней был тот же знак, что и на старой фотографии семерых рыбаков.

А чуть ниже — надпись.

Небольшая, почти стёртая.

Алиса увеличила изображение, но буквы расплывались.

Она попробовала усилить резкость стандартным редактором телефона.

Удалось различить только несколько слов.

Семеро…

Остальные слова были неразборчивы.

Алиса отложила телефон.

Марина уже спала.

В комнате было темно, только из-под шторы пробивалась узкая полоска света уличного фонаря.

Алиса закрыла глаза.

И почти сразу услышала шаги.

Они доносились снизу.

Кто-то прошёл по гостиной, остановился возле лестницы, затем медленно поднялся на второй этаж.

Алиса открыла глаза.

Шаги приблизились.

Остановились возле их двери.

Она задержала дыхание.

Прошло несколько секунд.

Потом раздался тихий стук.

Один удар.

Пауза.

Два коротких.

Алиса села на кровати.

На этот раз она не стала спрашивать, кто там.

Осторожно встала, подошла к двери и посмотрела через глазок.

Коридор был пуст.

Она подождала.

Ничего.

Тогда Алиса медленно открыла дверь.

На полу лежал небольшой белый конверт.
Без имени.
Без адреса.
Она подняла его.
Бумага была сухой и плотной.
Внутри находился сложенный вдвое лист.
На нём было написано всего одно предложение:
«Не ходите к старой станции».
Алиса перечитала его.
Затем посмотрела в пустой коридор.
Из-за закрытой двери в дальнем конце этажа донёсся негромкий скрип.
Она быстро вернулась в комнату и повернула ключ.
Марина спала, отвернувшись к стене.
Алиса стояла возле двери, сжимая письмо.
И впервые с момента приезда в Скарвик ей захотелось оказаться дома.
Не потому, что она боялась темноты или странных местных жителей.
А потому, что кто-то здесь знал, в какой комнате она живёт.
Знал, что она интересуется старой станцией.
И считал необходимым предупредить её.
Или заставить замолчать.

Глава 4

Человек у причала

В половине седьмого утра на первом этаже что-то тяжело стукнуло о пол.

Звук был коротким и вполне обычным. В старой гостинице постоянно скрипели ступени, хлопали двери и звенела посуда. Но Алиса открыла глаза с таким чувством, будто всю ночь ждала именно этого удара.

За окном ещё не рассвело. В стекле отражались две кровати, стул с её одеждой и полоска света из коридора. Марина спала, отвернувшись к стене.

Белый конверт лежал под подушкой Алисы.

Она достала его и ещё раз прочитала записку. Ровными печатными буквами на листке было написано: «Не ходите к старой станции».

Ни угрозы, ни подписи, ни объяснения. Даже обращение отсутствовало. Предупреждение мог написать человек, искренне опасавшийся за их безопасность. Или тот, кому не нравились вопросы, которые Алиса задавала накануне.

Она развернула лист к окну. Бумага была самая обычная. Без водяных знаков и заметных следов. По сгибу проходила тонкая полоса, словно письмо долго лежало в кармане.

Алиса сфотографировала обе стороны, затем сам конверт и положила всё в отделение сумки, где хранила документы.

Если бы подобную историю рассказала ей Марина в Москве, Алиса наверняка предложила бы сначала поговорить с хозяйкой гостиницы, а потом перестать искать загадочные смыслы в чужом плохом воспитании. Но сейчас, сидя в полутьме незнакомой комнаты, она почему-то не спешила следовать собственному совету.

— Ты не спишь? — раздалось с соседней кровати.

Алиса вздрогнула.

— Уже нет.

Марина перевернулась на спину. Лицо у неё было помятое, волосы спутались.

— Который час?

— Рано.

— Опять дождь?

— Кажется.

Несколько секунд они молчали. Потом Марина приподнялась на локте.

— Что случилось?

Алиса посмотрела на сумку.

Ей хотелось выложить на одеяло письмо, фотографию из музея, все странные вопросы и недоговорённости, а потом потребовать объяснений. Но она вдруг поняла, что не знает, с чего начать. С того, что кто-то стучал к ним вторую ночь подряд? Или с того, что её лучшая подруга, кажется, привезла её сюда не совсем ради отдыха?

— Ночью снова кто-то подходил к двери, — сказала Алиса.

Марина села.

— Ты видела кто?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, что к нашей?

— Потому что на этот раз оставили письмо.

Алиса достала лист.

Марина прочитала его стоя у окна, хотя света там было едва больше, чем у кровати.

— Где ты это нашла?

— На полу у двери.

— Когда?

— После полуночи.

— Почему ты меня не разбудила?

— Ты спала.

Марина подняла голову. Её лицо выглядело почти сердитым.

— Алиса, это уже не смешно.

— Я и не смеюсь.

— Нужно сказать Ингрид.

— Скажем. Только сначала я хочу понять одну вещь.

— Какую?

— Ты кому-нибудь рассказывала, что мы интересовались станцией?

Марина посмотрела на записку ещё раз.

— Сигне знала, что ты спрашивала про неё. Ты сама говорила.

— Я спрашивала при тебе?

— Нет. Но Сигне потом упомянула, что ты заходила в музей.

— И что ещё?

— Что у тебя много вопросов.

Алиса протянула руку за листом.

— Забавно. Вчера она не сказала мне почти ничего.

Марина отдала записку.

— Может, это просто кто-то из местных. Станция опасная, ты слышала. Тут, наверное, все знают, где мы живём.

— В том-то и дело.

Марина подошла к шкафу и достала свитер.

— Я поговорю с Ингрид.

— Мы поговорим вместе.

— Хорошо.

Ответ прозвучал слишком поспешно. Но на этот раз Алиса решила не спорить.

✦ ✦ ✦

Ингрид нашлась на кухне. Она пересыпала молотый кофе из бумажного пакета в большую стеклянную банку. На подоконнике стояла тарелка с яблоками, а возле двери сушились чьи-то детские резиновые сапоги.

Светлое, домашнее утро не вязалось с запиской, которую Алиса держала в руке.

— Ингрид, кто-то оставил это вчера ночью у нашей двери, — сказала она.

Хозяйка вытерла руки полотенцем и взяла лист.

Она читала недолго, но потом ещё несколько секунд смотрела на бумагу, будто надеялась увидеть на ней что-то между строк.

— Вы кого-нибудь видели?

— Нет. Мы слышали шаги. Кто-то постучал.

— Дважды, — добавила Марина. — В две разные ночи.

Алиса заметила, что подруга не уточнила, как именно стучали.

— Простите, — сказала Ингрид. — Здесь такого быть не должно.

— Вы узнаёте почерк? — спросила Алиса.

— Нет.

— Это мог быть Юхан?

Хозяйка подняла глаза.

— Почему вы так думаете?

— Он сказал, что мне не следовало сюда приезжать. И он раньше работал на станции.

Ингрид аккуратно сложила лист по прежнему сгибу.

— Юхан бывает грубым. Но это ещё не значит, что он ходит по гостинице и пугает гостей.

— Тогда кто?

— Не знаю.

Она вернула письмо Алисе.

— Я буду проверять двери на ночь. И если вас снова кто-нибудь потревожит, разбудите меня. Пожалуйста.

В этом «пожалуйста» было больше усталости, чем страха.

— Станция и правда настолько опасна? — спросила Алиса.

— Некоторые лестницы и площадки больше небезопасны. Вход закрыт, но люди обходят ограждения. Поэтому мы и просим приезжих держаться подальше.

— Туда ещё кто-нибудь ходит?

— Иногда подрядчики. Инспекторы. Те, у кого есть причина там быть.

Алиса вспомнила фургон и мужчину в оранжевой куртке.

— Вчера кто-то фотографировал склон.

— После дождей они проверяют водоотвод.

— Кто они?

— Для этого муниципалитет нанимает специалистов.

Ингрид замолчала, и Алиса вдруг увидела, как у неё дрожит большой палец на ручке кофейной банки. Едва заметно, только когда хозяйка поставила её на полку.

— Если хотите моего совета, — сказала Ингрид, — проведите день у воды. Дорожка вдоль гавани безопасна, а погода, возможно, прояснится.

— А часовня? — неожиданно спросила Марина по-русски.

Ингрид не поняла слов, но, кажется, уловила вопрос в её тоне.

— Тропа к часовне отмечена указателями, — ответила она. — Только не сворачивайте на старую служебную дорожку за холмом.

Алиса поблагодарила её.

Они вышли из кухни и остановились у лестницы.

— Ты веришь ей? — тихо спросила Марина.

— Не знаю.

— Она выглядит напуганной.

— Или раздражённой. К ней приехали две туристки, которым оставляют письма под дверью. Я бы тоже раздражалась.

Марина попыталась улыбнуться, но улыбка не получилась.

— Может, нам действительно не стоит больше соваться к станции.

— Я туда и не собиралась.

— Обещаешь?

Алиса посмотрела на неё.

— Ты сейчас говоришь как моя мама.

— Тогда просто скажи «да».

— Да, Марин. Обещаю.

Марина опустила глаза.

— Спасибо.

И опять Алисе стало не по себе: слишком уж много значения подруга придавала простому обещанию не ходить к развалинам.

✦ ✦ ✦

До полудня они занимались тем, ради чего, как предполагалось, и приехали в Норвегию.

Зашли в пекарню, где продавали булочки с корицей. Посмотрели на рыбацкие лодки. Сфотографировали узкий переулок с белыми домами и ярко-красными дверями. На несколько

минут даже выглянуло солнце, и фьорд преобразился: тёмная вода стала серебристой, а над далёкими вершинами обозначились тонкие полосы снега.

Алиса обнаружила, что может любоваться этим видом и одновременно думать о том, кто оставил записку.

Марина тоже постоянно отвлекалась. Проверяла телефон, но отвечала на сообщения лишь тогда, когда думала, что Алиса не смотрит.

В маленьком магазине у автобусной остановки они купили открытки. Марина долго перебирала виды деревни, а потом выбрала одну с часовней.

— Отправишь кому-нибудь? — спросила Алиса.

— Себе.

— Зачем?

— Чтобы помнить, как здесь было.

Алиса посмотрела на почтовую открытку в руках подруги.

— Пока что мы здесь третий день, а ты говоришь так, будто прощаешься.

Марина повернула открытку обратной стороной.

— Иногда лучше что-нибудь запомнить заранее.

— Марин.

— Что?

— Ты можешь просто сказать, что тебя тревожит?

Марина помолчала.

— Меня тревожит то, что мама прожила здесь несколько лет, а я ничего об этом не знала. И то, что люди, которые её помнят, теперь отвечают на вопросы так, будто я прошу их признаться в преступлении.

Алиса почувствовала укол стыда.

Она легко объясняла поведение подруги желанием скрыть что-то от неё. Но было и другое объяснение: Марина могла не справляться с тем, что узнавала.

— Ты ведь не думаешь, что мама сделала что-то ужасное? — спросила Алиса.

Марина долго смотрела на открытку.

— Я не знаю, что она сделала.

— Сигне рассказала тебе ещё что-нибудь о письме?

— Только то, что мама написала его перед отъездом.

— Она показала оригинал?

— Да. Бумага была старая, сложенная вчетверо. На обратной стороне — дата. Ноябрь девяносто третьего.

— А почерк ты узнала?

— Конечно. У мамы был очень ровный почерк. Она до конца жизни подписывала открытки одной и той же синей ручкой.

Марина вдруг улыбнулась настоящей, печальной улыбкой.

— Даже если открытка была новогодняя и вся золотая, она всё равно писала синим.

Алиса ничего не сказала.

Она помнила Елену Белову уже пожилой, с мягкой манерой говорить и неизменным чайником на кухонном столе. И плохо представляла, что когда-то эта женщина могла стоять перед часовней в далёкой Норвегии и писать письма об обещаниях, которые нельзя нарушать.

— Можешь попросить Сигне прислать фотографию письма? — спросила она.

— Попробую.

Марина убрала открытку в сумку и добавила:

— Но сегодня я больше не хочу об этом. Правда.

Алиса кивнула.

Днём им удалось почти два часа провести без разговоров о прошлом.

✦ ✦ ✦

После обеда Марина осталась в гостинице. Она сказала, что должна созвониться с коллегами, и разложила на кровати ноутбук, зарядное устройство и наушники — весь привычный набор, который делал её похожей на московскую Марину, а не на женщину, запутавшуюся в чужой семейной истории.

Алиса решила пройтись одна.

Перед выходом она достала серые шерстяные перчатки. Мать связала их несколько зим назад, и Алиса редко носила обе сразу: одна растянулась, а другая немного натирала возле большого пальца. Но ветер с фьорда оказался таким холодным, что придирчивость пришлось оставить в Москве.

Телефон почти разрядился. Алиса взяла из сумки небольшой внешний аккумулятор, проверила заряд и положила его в карман.

На лестнице ей встретилась Ингрид.

— Выходите?

— Просто погулять.

— Идите нижней дорогой. Там меньше скользко.

— Так и сделаю.

Хозяйка улыбнулась, но взгляд её задержался на Алисиных перчатках, а затем скользнул к сумке.

Алиса поймала себя на нелепой мысли, будто теперь даже её одежда кому-то что-то сообщала.

На улице она повернула к причалу.

Порывы ветра приносили с воды запах соли. У магазина разгружали ящики с продуктами. Две женщины о чём-то спорили, стоя возле машины, и этот совершенно обычный спор почему-то подействовал на Алису успокаивающе.

Она зашла в кафе к Томасу.

Тот узнал её ещё с порога.

— Алиса. Кофе?

— Сегодня чай.

— Прогресс. Вы провели здесь достаточно времени, чтобы изменить привычки.

Он поставил чашку на стойку.

— Как вам отдых?

— Интересно.

— Не всегда значит «хорошо».

Алиса улыбнулась.

— Можно спросить? О станции.

Томас поднял обе руки.

— Ну вот, опять.

— Я быстро.

— Ладно.

— Её закрыли из-за аварии?

Томас задумался.

— Не совсем. Она перестала быть нужной. Системы изменились, обслуживание обходилось дорого. Понимаете, как это бывает.

— А Юхан там работал?

— Много лет. И после закрытия занимался там кое-каким ремонтом, подработками. Он знает каждый камень на том холме.

— Он и сейчас туда ходит?

Томас взял полотенце и протёр уже чистую стойку.

— Юхан ходит, куда захочет.

— Вы все говорите о нём так, будто он — буря, которая проходит через город.

— Иногда с бурей проще не спорить.

Он произнёс это с улыбкой, но Алиса заметила, что его взгляд переместился к окну.

На противоположной стороне улицы стоял тот самый белый фургон. Мужчина в оранжевой куртке разговаривал с кем-то по телефону и показывал рукой в сторону холма. На боку машины виднелись следы старой наклейки, частично заклеенные новой.

— Люди, которые обследуют склон? — спросила Алиса.

Томас проследил за её взглядом.

— Это Ларс Вик. Подрядчик.

— Он местный?

— Почти.

— Он знает Юхана?

Томас тихо усмехнулся.

— В Скарвике все знают Юхана.

Мужчина у фургона убрал телефон. В этот момент мимо него прошёл высокий седобородый человек в тёмной куртке.

Юхан Сольберг.

Они обменялись несколькими словами. Сначала спокойно, потом Юхан резко указал на кузов фургона. Ларс отвернулся, словно не собирался продолжать разговор. Юхан сказал что-то ещё, на этот раз громко, но через закрытое окно Алиса слов не разобрала.

Ларс сел в кабину и захлопнул дверь.

Юхан остался на тротуаре. Его широкие плечи были напряжены, словно он только что удержался от того, чтобы ударить по машине кулаком.

— Они ругаются? — спросила Алиса.

Томас поставил перед ней чай.

— Люди ссорятся. Особенно когда каждый день дождь.

Ответ был настолько похож на все предыдущие, что Алиса почувствовала раздражение.

— Здесь вообще бывает что-то, о чём можно говорить прямо?

Томас не понял русских слов, но уловил интонацию.

— Простите?

— Ничего. Спасибо за чай.

Она взяла чашку и отошла к окну.

Юхан уже уходил в сторону причала, а фургон медленно двигался к дороге, ведущей за холм.

Алиса неожиданно подумала, что у каждого из этих людей есть собственная, вполне обычная жизнь. Работа, долги, болезни, семейные ссоры. У неё же за три дня сложилась привычка видеть за любым движением заговор.

Возможно, дело было не в Скарвике.

Возможно, она просто слишком устала.

✦ ✦ ✦

К вечеру дождь вернулся.

Марина написала, что задержится с созвоном, и предложила встретиться уже в гостинице. Алиса ответила коротким «хорошо» и осталась в городе.

Вдоль причала загорелись низкие фонари. Вода под деревянным настилом стала почти чёрной. Рыбацкие лодки скрипели у швартовов, и звук напоминал осторожные шаги по старой лестнице.

Алиса шла, пряча руки в карманы, когда увидела Юхана возле синего судна. Он стоял спиной к ней и разговаривал с пожилым мужчиной в шерстяной шапке. Тот что-то объяснял, указывая на воду. Юхан слушал, не перебивая.

В его фигуре сейчас не было ничего угрожающего. Просто уставший человек под дождём.

Алиса могла пройти мимо.

Позже она будет вспоминать именно эту возможность: ещё несколько шагов вдоль причала, и никакого разговора бы не произошло.

Но она вспомнила записку.

— Господин Сольберг?

Юхан обернулся.

Пожилой мужчина посмотрел на Алису, затем на Юхана и, что-то пробормотав, отошёл к лодке.

— Опять вы, — сказал Юхан.

— Я всего лишь хочу кое о чём спросить.

— Спросите другого.

Он повернулся, собираясь уйти.

— Кто-то оставляет записки возле нашей комнаты.

Юхан остановился.

Ветер поднял край его куртки. Он медленно повернул голову.

— Какие записки?

— В них предупреждают, чтобы мы держались подальше от старой станции.

— Вот и держитесь.

— Это вы написали?

Вопрос повис между ними.

Юхан несколько секунд смотрел Алисе в лицо. Потом рассмеялся — один раз, сухо и без веселья.

— Думаете, мне больше заняться нечем?

— Вы говорили, что мне не следовало сюда приезжать.

— И не следовало.

— Почему? Потому что я туристка? Потому что русская? Или потому, что спросила о станции?

Лицо Юхана потемнело.

— Вы задаёте слишком много вопросов.

— А на них никто не хочет отвечать.

— Тогда, возможно, вам пора научиться останавливаться.

Алиса почувствовала, как у неё похолодели щёки. Не столько от страха, сколько от возмущения.

— Вы не вправе указывать мне, где гулять.

— Я вправе предупредить, когда вы идёте навстречу опасности.

— Тогда объясните, в чём опасность.

Он посмотрел мимо неё — к дороге, ведущей в верхнюю часть деревни.

— То здание прогнило. И лестницы тоже. Люди считают, что забор — это просто рекомендация. Там однажды кто-нибудь погибнет.

— Этого вы и боитесь?

Юхан шагнул ближе.

— Вы ничего не знаете о моих страхах.

Алиса отступила на полшага. Юхан заметил это и, кажется, ещё больше разозлился — теперь уже на себя.

— Возвращайтесь к подруге, — сказал он.

— Марина тут ни при чём.

Имя вырвалось по-русски. Юхан не должен был его понять. Но он понял.

— Марина, — повторил он с тяжёлым акцентом.

Алиса застыла.

— Вы её знаете?

Юхан отвернулся.

— Знаю, с кем вы остановились.

— Я не об этом спрашивала.

— Вы не понимаете, что привозите сюда вместе с собой.

— Что именно?

Он сжал челюсти. На мгновение показалось, что сейчас ответит. Но вместо этого он сказал:

— Скажите ей, чтобы не верила старым фотографиям. Снимки никогда не показывают, что случилось потом.

Алиса почувствовала, как сердце ударило сильнее.

— Вы знали Елену Белову.

Юхан посмотрел на неё с выражением, которого Алиса не смогла понять. В нём были и удивление, и что-то похожее на сожаление.

— Оставьте её в покое.

— Елена умерла, — сказала Алиса. От волнения она сначала произнесла это по-русски, а затем повторила так, чтобы Юхан понял.

Юхан опустил взгляд.

Несколько секунд он молчал.

— Знаю, — произнёс он наконец.

Алиса почувствовала внезапную жалость. Она не ожидала, что известие уже знакомо ему, и тем более не ожидала увидеть, как быстро с его лица исчезает злость.

— Тогда объясните, почему Марина сюда приехала, — сказала она тише. — Или что случилось в 1993 году.

— Спросите у Марины.

— Она тоже не знает.

— Думаете, от этого легче?

Он повернулся, собираясь уйти по причалу.

Алиса сделала шаг за ним.

— Подождите. Это вы оставили записку?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу и твёрдо.

— Тогда кто?

Юхан остановился так резко, что Алиса едва не врезалась в него.

— Послушайте меня. Что бы вы там ни нашли, это не игра. Держитесь подальше от станции. Не ходите на холм по ночам. И оставьте прошлое в покое.

— Вы не можете угрожать мне только за то, что я спросила о фотографии.

— Я вам не угрожаю.

— Тогда что вы делаете?

— Пытаюсь удержать вас от глупости.

За их спинами хлопнула дверь ближайшего склада. Алиса обернулась. На площадке стояли двое мужчин и смотрели в их сторону. Чуть дальше, на улице, появился Томас с пакетом из магазина.

Юхан тоже заметил их.

— Возвращайтесь домой, — сказал он уже тише.

— Не разговаривайте со мной таким тоном.

Алиса хотела обойти его, но Юхан поймал её за рукав куртки.

Не сильно. Всего на секунду. И всё же пальцы сомкнулись так неожиданно, что она вскрикнула.

— Отпустите меня!

Он сразу отпустил.

— Я сказал: идите домой.

— Больше никогда не трогайте меня.

Голос Алисы прозвучал громче, чем она намеревалась. Мужчины у склада перестали разговаривать. Томас остановился на краю тротуара.

— Если вы ещё раз ко мне приблизитесь, я вызову полицию, — сказала она.

Юхан медленно выпрямился.

— Возможно, так и стоит сделать.

Он посмотрел на неё так, словно хотел добавить что-то ещё. Затем развернулся и ушёл, тяжело ступая по мокрым доскам.

Алиса осталась возле швартовой тумбы.

Руки дрожали, хотя никакой боли не было. Она обнаружила, что всё ещё держит ладонь перед собой, словно собирается показать кому-то место, где её схватили.

— Алиса? — позвал Томас.

Он подошёл, держа бумажный пакет под полой куртки.

— Ты в порядке?

— Да.

— Он тебя не обидел?

— Нет. Только схватил за рукав.

Томас посмотрел вслед Юхану. Тот уже поднялся на дорогу и быстро уходил к домам.

— Я слышал крики, — сказал Томас.

— Все их слышали.

— Хочешь, я провожу тебя?

Алиса покачала головой.

— Нет, спасибо.

— Юхан не должен был так делать.

Она усмехнулась.

— Наконец-то мы хоть в чём-то согласны.

Томас не улыбнулся.

— В последнее время ему нелегко. Но это не оправдание.

— Из-за чего ему нелегко?

Томас опустил глаза на пакет.

— Я не всё знаю.

Алиса больше не стала спрашивать.

Она заметила, что один из мужчин возле склада достал телефон. Может быть, посмотреть время. Может быть, позвонить жене. Но Алисе вдруг показалось, что все они уже составили для себя историю произошедшего, и в этой истории она выглядела не лучше Юхана.

Она застегнула куртку до самого подбородка и пошла прочь.

На часах телефона было 19:13.

✦ ✦ ✦

Ноги сами понесли её не к гостинице, а вверх по улице, к развилке прогулочных маршрутов.

Алиса не хотела встречаться с Мариной в таком состоянии. Она заранее слышала вопросы: зачем подошла к Юхану, зачем спрашивала про прошлое, почему не оставила всё как есть. И знала, что отвечать на них будет нечего.

Она просто подошла.

Просто не смогла промолчать.

Дождь почти прекратился, но на тротуаре стояли лужи. Ветер шумел в соснах, росших за последними домами. По дороге проехал велосипедист с ярким красным фонарём, и его свет на несколько секунд окрасил мокрый асфальт.

На развилке стояла деревянная стойка с указателями. Одна стрелка показывала направление к часовне и смотровой площадке. Другая — к нижней прогулочной тропе. Чуть поодаль начиналась старая служебная дорога, перекрытая металлическим барьером с предупреждающей табличкой.

За ограждением, ниже по склону, в темноте угадывалась крыша станции.

Алиса остановилась.

Здесь было тихо. Настолько тихо, что она слышала редкие капли, падавшие с веток на камни.

Она вспомнила обещание, данное Марине утром.

К станции не ходить.

Она и не собиралась. Просто хотела перевести дыхание и посмотреть на фьорд сверху, прежде чем возвращаться в гостиницу.

Телефон завибрировал в кармане. Звонила Марина.

Алиса сняла правую перчатку, чтобы провести по экрану. От влаги телефон плохо реагировал на прикосновения, и пришлось вытереть большой палец о край куртки.

— Да?

— Ты где? Я вернулась в номер, тебя нет.

— Гуляю.

— Уже темно.

— Я заметила.

— Алис, ты в порядке?

Ей захотелось сказать всё сразу: про Юхана, про людей, которые смотрели, про слова Елены, которые неожиданно прозвучали среди рыбацких лодок. Но она представила, как будет объяснять это по телефону, под мокрыми соснами, и ответила:

— Я скоро приду.

— Ты на набережной?

— Недалеко.

Пауза затянулась.

— Только не ходи к станции, ладно?

— Марина, я уже обещала.

— Хорошо. Прости.

Связь оборвалась.

Алиса взглянула на экран. Уголок телефона был мокрым, аккумулятор показывал девять процентов. Она убрала его в карман и шагнула в сторону, пропуская мужчину, который спускался с тропы, ведя за руль велосипед. Колёса шуршали по гравию. Мужчина коротко кивнул ей и прошёл дальше.

Через минуту Алиса поняла, что правая рука у неё замёрзла.

Перчатки не было.

Она проверила оба кармана, заглянула в сумку, затем прошла несколько шагов назад. Фонарик телефона высветил мокрые листья, узкую канавку у дорожного столба и тёмные стебли вереска за ограждением.

Ничего.

Может быть, она выронила её, когда пропускала велосипедиста. Может быть, оставила ещё возле кафе, снимая перчатку для оплаты. Она не помнила.

Ветер усилился, и Алиса почувствовала, как быстро холод добирается до пальцев.

— Отлично, — сказала она вслух. — Просто отлично.

На экране было 20:06.

Она ещё раз осветила землю возле указателя. В глубине за барьером что-то светлое мелькнуло среди травы, но сразу исчезло под движущимися ветками. Чтобы разглядеть предмет, пришлось бы перелезть через ограждение или спуститься по обочине.

Алиса убрала телефон.

Нет. Перчатка не стоила того, чтобы нарушать обещание. Особенно после всего, что она сегодня услышала о старой станции.

Она натянула левую перчатку плотнее и пошла вниз по освещённой дороге.

✦ ✦ ✦

По пути ей встретилась пожилая женщина с корзиной для покупок. Она медленно поднималась по склону, придерживаясь за мокрые перила. Алиса посторонилась, и женщина благодарно кивнула.

Внизу, у первого жилого дома, из открытого окна доносились голоса. Кто-то смеялся, звякала посуда. Алиса вдруг остро позавидовала этим незнакомым людям. Они, наверное, знали, кто их соседи, откуда приходят письма и почему мужчина у причала злится при одном упоминании старой станции.

Потом она подумала, что, возможно, как раз здесь люди ничего подобного не знали друг о друге. Или знали слишком много.

В гостиницу она вернулась после половины девятого.

Марина сидела в гостиной, завернувшись в плед. Перед ней стояла чашка нетронутого чая.

Увидев Алису, она поднялась.

— Я уже хотела идти искать тебя.

— Не надо было.

— Ты не отвечала.

— Телефон сел почти до нуля.

Марина заметила голую правую руку.

— Где перчатка?

— Потеряла.

— Где?

— Где-то по дороге. Не знаю.

Марина посмотрела на неё внимательнее.

— Что произошло?

Алиса прошла к камину и протянула руки к теплу. Только теперь она почувствовала, как сильно устала.

— Я встретила Юхана.

Марина не ответила.

— У причала, — добавила Алиса. — Мы поговорили.

— О чём?

— О станции. О записке. О твоей маме.

Марина встала так резко, что плед упал с её плеч.

— Ты спрашивала его о маме?

— Да.

— Зачем?

— Потому что он знает, кто она. И знает тебя.

— Он так сказал?

— Он назвал тебя по имени. А когда я сказала, что Елены больше нет, ответил, что уже знает.

Марина медленно опустилась обратно в кресло.

Алиса смотрела на неё, ожидая возражений или объяснений. Но подруга только закрыла лицо ладонями.

— Марин, ты действительно никогда с ним не встречалась?

— Нет, — сказала Марина, не поднимая головы. — Никогда.

Алиса поняла, что на этот раз верит ей.

— Он сказал, что старые фотографии ничего не объясняют. Что они не показывают, что произошло потом.

Марина опустила руки.

— Именно так?

— Почти дословно.

— А больше?

— Велел не ходить к станции и оставить прошлое в покое.

— И всё?

Алиса помедлила.

— Он схватил меня за рукав. Совсем ненадолго. Когда я пыталась его остановить.

Марина вскочила.

— Что?!

— Ничего страшного. Я закричала, он сразу отпустил.

— Алиса, это не «ничего страшного».

— Я знаю.

— Ты должна рассказать Ингрид.

— И что она сделает? Запретит Юхану выходить на улицу?

— Хотя бы будет знать.

Алиса села в кресло напротив.

— Томас видел. И ещё двое возле склада.

— Тогда тем более.

Марина подошла к окну, отвернула край занавески и посмотрела на улицу.

— Я не понимаю, зачем он так себя ведёт, — произнесла она.

— Я тоже.

— Мама никогда не рассказывала о нём. Вообще ни разу не произносила это имя.

— Но он помнит её.

— Да.

Марина отпустила занавеску.

— И я даже не знаю, хорошо это или плохо.

Они долго молчали.

Потом Алиса сказала:

— Я ведь могла не подходить к нему. Он разговаривал с каким-то стариком. Я решила, что должна выяснить, кто оставил записку. Как будто он обязан был отвечать мне.

— Это не даёт ему права хватать тебя.

— Нет, конечно. Но я тоже была не особенно вежлива.

Марина покачала головой.

— Перестань искать, в чём ты виновата.

Алиса хотела возразить, но не стала.

Она вспомнила, как Юхан сказал «Может, и стоит позвонить в полицию», и это прозвучало не как вызов, а почти как просьба.

— Знаешь, — тихо произнесла она, — мне показалось, что он не столько злится, сколько боится.

— Чего?

— Не знаю.

Марина посмотрела в сторону тёмного окна.

— Возможно, он боится не за себя.

— Ты что-то знаешь?

Подруга медленно покачала головой.

— Нет. Просто пытаюсь понять.

✦ ✦ ✦

К половине десятого в гостиной погасли две настенные лампы. Ингрид прошла через комнату с корзиной чистого белья, пожелала им спокойной ночи и спросила, всё ли в порядке.

Алиса уже открыла рот, чтобы рассказать о Юхане, но Марина незаметно коснулась её локтя.

— Поговорим завтра, — ответила она хозяйке.

Ингрид посмотрела на обеих.

— Хорошо. Спокойной ночи.

Когда хозяйка ушла, Алиса повернулась к подруге.

— Почему завтра?

— Потому что сейчас ты устала. И я тоже. Если начнём рассказывать, она пойдёт выяснять отношения с Юханом посреди ночи. Тебе это нужно?

Алиса подумала, что нет.

— Утром, — согласилась она.

Они поднялись наверх.

В комнате было холодно: Марина оставила форточку приоткрытой. Алиса закрыла её, достала из сумки зарядку и положила телефон на стол. Он ожил не сразу.

Пока телефон включался, Алиса сняла куртку. На рукаве, в том месте, где её схватил Юхан, осталась едва заметная складка. Она разгладила ткань ладонью.

Если бы кто-то спросил её сейчас, боится ли она этого человека, Алиса не смогла бы ответить. В ней оставалась злость, но к ней примешивалось нечто другое — ощущение, что она прервала разговор, который мог закончиться совсем иначе.

Марина переоделась и легла, не включая верхнего света.

— Алис?

— Да?

— Ты ведь правда не ходила к станции?

Алиса повернулась.

— Не ходила.

— Даже близко?

— Я дошла до развилки возле указателей. Там есть ограждение. За него я не заходила.

Марина выдохнула.

— Ладно.

— Что за странная проверка?

— Просто хочу, чтобы ты была осторожна.

— Я потеряла перчатку и даже за ней не полезла. Достаточно осторожно?

Марина ничего не сказала.

Алиса взяла телефон. На экране появились уведомления: сообщение от матери, рекламная рассылка и прогноз погоды, обещавший ещё три дня дождя. Она ответила матери коротким «всё хорошо», хотя сама не знала, можно ли назвать этот день хорошим.

Потом выключила экран. После сегодняшнего вечера ей больше всего хотелось, чтобы ничего важного не происходило.

Внизу хлопнула входная дверь.

Марина уже лежала неподвижно, отвернувшись к стене. Алиса подошла к окну.

На противоположном берегу фьорда горели привычные редкие огни домов. Выше, там, где темнел склон возле часовни, появились две небольшие жёлтые точки.

Алиса присмотрелась.

Огни не были неподвижными. Они медленно перемещались между деревьями, то исчезая, то вновь показываясь в просветах. Через минуту к ним прибавилась третья точка.

Она подумала о семи рыбаках, о старой фотографии и о том, что люди иногда собираются вместе просто потому, что не хотят забывать умерших.

Может быть, в этом действительно не было никакой тайны.

На столе лежала левая серая перчатка. Второй не было.

Алиса убрала её в сумку, закрыла штору и легла.

В последний момент она вспомнила слова Юхана: «Фотографии никогда не показывают, что произошло потом».

И поняла, что впервые за весь день хочет не задать ещё один вопрос, а услышать ответ.

Глава 5

Нижняя площадка

За дверью их комнаты послышались шаги.

В комнате было тихо. Дождь перестал, ветер тоже будто выдохся. За тонкой занавеской серел прямоугольник окна, а на подоконнике лежала полоска тусклого октябрьского света.

Она прислушалась.

Кто-то остановился возле их двери, затем пошёл дальше, к лестнице.

Алиса невольно посмотрела на щель под дверью.

Никакого конверта.

Это должно было её успокоить. Вместо этого она почувствовала досаду на себя. За четыре дня в Скарвике она научилась просыпаться от чужих шагов, читать интонации людей, говоривших на незнакомом языке, и искать смысл в вещах, которых раньше не замечала.

Вчерашняя ссора с Юханом вспоминалась рывками: мокрые доски причала, его пальцы на рукаве, Томас с бумажным пакетом и фраза, произнесённая почти без выражения: «Может, и стоит позвонить в полицию».

Алиса повернулась на бок.

На соседней кровати Марины не было. Слышался шум воды из ванной.

На столе стояла чашка, оставленная с вечера, лежал заряженный телефон и одна серая перчатка.

Алиса взяла её. Шерсть возле большого пальца была чуть потёртой, а в месте, где мать когда-то пыталась исправить слишком тугую резинку, виднелся узелок более светлой нитки. Вторая перчатка лежала где-то под дождём, возле развилки, если её ещё не унесло в канаву.

Она могла купить новые. В магазине у автобусной остановки продавались вполне приличные шерстяные варежки. Дело было не в деньгах и даже не в холоде.

Вечером она сказала Марине, что за перчаткой не полезла. И только теперь поняла, как настойчиво ей хочется вернуться и убедиться, что вещь всё ещё там, где была потеряна. Найти хоть что-нибудь, что можно вернуть на своё место.

Дверь ванной открылась.

— Ты уже встала? — спросила Марина.

— Почти.

Подруга была в свитере, с влажными волосами, собранными на затылке. Она выглядела отдохнувшей, но Алиса заметила тёмные круги под глазами.

— Я написала Сигне, — сказала Марина. — Она согласилась встретиться со мной в половине одиннадцатого.

— Насчёт письма?

— И фотографии. Я хочу спросить ещё раз, кто стоял рядом с мамой. И почему она сначала сказала, что никого не узнаёт.

— Я пойду с тобой.

Марина поправила резинку на волосах.

— Не надо. По крайней мере сначала.

Алиса села на кровати.

— Почему?

— Потому что я хочу поговорить о маме, а не о Юхане. После вчерашнего Сигне может решить, что мы приехали выяснять отношения со всей деревней.

— Она уже и так что-то решила.

— Возможно. Но это моя история, Алис. Мне нужно попробовать самой.

Слова прозвучали мягко, и именно поэтому спорить было особенно трудно.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Позвони, когда закончите.

Марина заметила перчатку у неё в руках.

— Ты опять о ней?

— Она мне дорога.

— Я знаю. Но ведь она могла пропасть.

— Могла. Я пройду до развилки днём. Посмотрю с дорожки и вернусь.

Марина нахмурилась.

— Только с дорожки?

— Да. К станции я не пойду.

— Мы уже говорили об этом вчера.

— И я не изменила обещания.

Марина смотрела на неё ещё секунду, словно проверяла не слова, а то, насколько Алиса сама в них верит.

— Тогда после обеда поедем куда-нибудь, — предложила она. — В соседний город. Выпьем кофе, посидим среди людей, которые ничего о нас не знают.

Алиса улыбнулась.

— Отличный план.

В ту минуту обе, кажется, действительно верили, что день можно провести именно так.

✦ ✦ ✦

За завтраком Ингрид предложила им свежий хлеб, сыр и горячую кашу. Она говорила с гостьями по-английски, и Алиса уже почти перестала замечать, что находится в чужой стране. Хозяйка двигалась по кухне привычно и уверенно, но всякий раз, когда звякал колокольчик над входной дверью, оборачивалась быстрее, чем требовалось.

— Ты выглядишь усталой, — сказала она Алисе, ставя кофейник.

— Почти не спала.

— Из-за ветра?

— Вроде того.

Марина молча намазывала масло на тост.

Алиса вспомнила, что они так и не рассказали хозяйке о вчерашнем конфликте. Договорились поговорить утром, но теперь, когда перед ней были цветная скатерть, тарелка с хлебом и доброжелательная женщина, обвинять местного жителя в грубости казалось почти мелочным.

— Мы вчера встретили Юхана, — начала она.

Ингрид опустила взгляд на чашку.

— Он опять вас беспокоил?

— Мы поссорились. У причала.

— Из-за чего?

— Я спросила о старой станции. Он разозлился, схватил меня за рукав, но почти сразу отпустил.

Хозяйка поставила кофейник. На её лице появилось выражение человека, которому сообщили неприятную, но не неожиданную новость.

— Мне очень жаль. Я с ним поговорю.

— Пожалуйста, не надо. Я не хочу новой ссоры.

— Он не имеет права хватать постояльцев.

— Я знаю. Просто подумала, что вам лучше услышать об этом от нас.

Ингрид кивнула.

— Спасибо, что рассказали.

Марина поднялась из-за стола почти сразу после этого. Сказала, что ей нужно собраться, и вышла.

Алиса осталась допивать кофе.

— Юхан всегда такой? — спросила она.

Хозяйка долго складывала салфетки, прежде чем ответить.

— Нет. Не всегда.

— Все говорят, что ему пришлось нелегко.

— Это правда. Но его поведение это не оправдывает.

— Он работал на станции до самого закрытия?

— Наверное, даже дольше, чем следовало.

Алиса хотела переспросить, но Ингрид уже отвернулась к раковине.

— Если увидишь его сегодня, — сказала хозяйка, не оборачиваясь, — не спорь. Просто уходи.

— Именно так я и собираюсь поступить.

Ей не пришло в голову, что эту рекомендацию она уже не сможет выполнить.

В девять часов двадцать минут Алиса вышла из гостиницы.

Небо над фьордом было низким, словно горы удерживали облака на плечах. После ночного дождя ручьи на склонах потемнели, а с водостоков ещё капало. Ветер почти стих. В такой тишине даже шорох автомобильных шин по мокрому асфальту звучал отчётливо.

Она спустилась к улице, прошла мимо закрытого туристического киоска и повернула вверх.

В кармане куртки лежали телефон, маленький внешний аккумулятор и свёрнутый носовой платок. В сумке — белый конверт с запиской. Зачем она снова взяла его с собой, Алиса не могла объяснить. Наверное, не хотела оставлять в комнате вещь, которая без её согласия появилась у двери.

По пути ей встретился мужчина, выгуливавший собаку. Пёс обнюхал край её ботинка, а хозяин извинился и потянул поводок. Алиса поздоровалась. Мужчина ответил с улыбкой.

Всё было нормально.

У домов красили оконные рамы. На площадке возле магазина выгружали молоко. Над дверью пекарни висело объявление о пятничной распродаже булочек. Странная мысль: где-то происходила трагедия, а она пока не знала об этом и шла мимо мелких признаков обычного утра.

На развилке никого не было.

Деревянные указатели потемнели от влаги. На одном сохранилась выбоина, которую Алиса вчера заметила только при свете телефона. Тропа к часовне поднималась вправо; нижняя прогулочная дорожка уходила вдоль склона. Старая служебная дорога за металлическим барьером спускалась к бетонному зданию станции.

Алиса остановилась ровно там, где разговаривала вчера с Мариной по телефону.

Она восстановила последовательность движений. Правая перчатка. Экран. Велосипедист, которого пришлось пропустить. Шаг в сторону. Поиск под фонариком.

Возле указателя рос куст вереска, почти весь облетевший. Вчера его тонкие ветви шевелились на ветру. Сегодня они стояли неподвижно.

Алиса осмотрела мокрую траву, заглянула в неглубокую канавку и даже присела, чтобы проверить пространство под деревянной стойкой.

Перчатки не было.

Она достала телефон. Девять тридцать одна.

Пора возвращаться.

Именно в этот момент с нижней стороны барьера донёсся короткий металлический скрежет.

Алиса выпрямилась.

Звук был негромким: словно незакреплённый лист железа сдвинулся под тяжестью воды. Потом послышалось слабое постукивание — один удар, пауза, ещё один.

За ограждением виднелась крыша станции, бетонная площадка и полоса старых перил, уходивших вниз по склону. Узкая служебная дорога изгибалась за деревьями; дальше её закрывал кустарник. Алиса не видела ни людей, ни машины.

Она вспомнила мужчину в оранжевой куртке. Возможно, рабочие снова проверяли водостоки.

— Эй! — позвала она.

Никто не ответил.

Затем внизу что-то хлопнуло. На этот раз совсем близко к строению.

Алиса сделала несколько шагов по разрешённой нижней дорожке, которая шла параллельно ограждению. Здесь грунт был твёрже, а между соснами открывался вид на боковую стену станции. Соседняя тропа, отмеченная на туристической карте пунктиром, уводила к смотровой площадке над водой. Она решила дойти до поворота, взглянуть вниз и вернуться.

Это всё ещё не было дорогой к станции.

За вторым поворотом она увидела, что одна секция металлической сетки отогнута наружу. Внизу, за ней, тянулась бетонная лестница — старый служебный спуск, о котором ей рассказывала Сигне. Сверху лестницу закрывал трос, но нижняя часть ограждения была приподнята, словно под неё не раз подлезали.

Вода стекала по ступеням и уходила в трещину вдоль стены.

На одном из штырей ограждения зацепился кусочек серой ткани.

Алиса замерла.

Она подошла ближе. Не перчатка: всего лишь выцветшая тряпка, затянутая в узел. С расстояния нескольких метров её легко было принять за шерсть.

Какой-то чужой обрывок — и сердце уже бьётся быстрее.

Алиса вздохнула, сердясь на собственную впечатлительность, и собиралась повернуть обратно, когда заметила ниже, между двумя бетонными парапетами, тёмную полоску.

Она не сразу поняла, что это.

На нижней площадке лежал человек.

✦ ✦ ✦

Позже Алиса не могла вспомнить, о чём подумала в первую секунду.

Наверное, о том, что рабочий прилёг передохнуть. Или что кто-то уронил на площадку мешок с инструментами, похожий на человеческую фигуру. Подобные объяснения возникают сами собой, когда глаза уже видят нечто страшное, а разум ещё отказывается это принять.

Тёмная куртка. Одна нога чуть согнута. Рука лежит ладонью вверх, почти у края площадки.

Алиса обхватила холодный прут ограждения.

— Эй!

Она крикнула громче.

— Вы меня слышите?

Фигура не пошевелилась.

Между ней и площадкой было, возможно, двенадцать метров по прямой и гораздо больше — по лестнице. Перила внизу изгибались под странным углом, а одна секция металлического настила отсутствовала. Под ней темнел провал, в который уходила дождевая вода.

Алиса узнала ботинки раньше, чем лицо.

Тяжёлые коричневые ботинки с толстой подошвой. Вчера Юхан стоял в них на причале и переносил вес с ноги на ногу, пока она задавала ему вопросы.

Она сделала шаг назад, будто от этого можно было изменить то, что находилось внизу.

— Юхан?

В ответ капля ударила по железу.

Алиса вытащила телефон. Палец не сразу попал по экрану. Она набрала 113 — номер скорой помощи, который видела на информационном листке в гостинице.

Ей ответили почти сразу.

— Скорая помощь. Что у вас случилось?

— Здесь мужчина. Возле старой станции в Скарвике. Он лежит на площадке и не двигается.

— Вы сейчас рядом с ним?

— Я вижу его сверху. Здесь ограждение, лестница сломана. Не знаю, дышит ли он.

Оператор задавала короткие вопросы. Алиса отвечала, глядя на неподвижную фигуру, а потом — на экран телефона, пытаясь найти своё местоположение. Она сказала название гостиницы, улицу, которой поднималась, и описала деревянные указатели. Оператор попросила включить передачу геопозиции в телефоне, если это возможно, и оставаться на линии.

— Вы можете безопасно к нему спуститься?

Алиса посмотрела на провал в настиле.

— Боюсь, что нет.

— Не подвергайте себя опасности. Помощь уже едет. Мы также сообщим в полицию.

Ей велели следить, не появятся ли признаки движения, и по возможности оставаться у доступного для спасателей входа.

Алиса ответила, что останется.

На часах телефона было 09:38.

Она должна была находиться здесь всего несколько минут.

Пока оператор проверяла данные, Алиса сделала ещё один шаг к ограждению. Теперь можно было разглядеть часть лица. Юхан лежал на боку, голова была повернута к бетонной стене. Под виском темнело пятно, которое дождь не успел размыть полностью.

Она судорожно втянула воздух.

Затем отвернулась.

Ещё вчера этот человек говорил с ней. Злился. Схватил за рукав. И самое ужасное было не в том, что она видела сейчас, а в невозможности соединить два воспоминания: разгневанный голос на причале и тишину под бетонной стеной.

— Вы ещё на линии? — спросили в трубке.

— Да.

— Мужчина шевелится?

— Нет.

— Хорошо. Оставайтесь на месте.

Алиса села на мокрый валун возле тропы. Руки дрожали так сильно, что телефон пришлось держать обеими ладонями.

Она не видела, как сюда пришёл Юхан. Не знала, сколько времени он лежал на холодном бетоне. Он мог упасть ночью, мог прийти под утро. Он мог быть жив, и именно поэтому, несмотря на страх и отвращение к тому, что происходило, она не позволяла себе думать слово «труп».

За деревьями зашумел двигатель.

Сначала Алиса решила, что приехали спасатели, но звук быстро удалился. Она подняла голову. На дороге возле развилки мелькнула белая боковая стенка фургона.

Машина проехала мимо и не остановилась.

Алиса не успела разглядеть водителя. Не была уверена даже, что это тот же фургон, который стоял вчера возле кафе.

Но вдруг вспомнила резкий жест Юхана, указывавшего на кузов, и выражение лица Ларса Вика.

Она посмотрела вниз, на площадку, и почти машинально произнесла:

— Что же с вами случилось?

Вопрос утонул в шуме воды.

✦ ✦ ✦

Первой приехала скорая помощь. Два человека в красных куртках вышли из автомобиля возле указателей, за ними появилась полицейская машина.

Алиса поднялась им навстречу.

Её спросили, где находится пострадавший. Она указала вниз. Один из медиков, молодой мужчина с короткой бородой, осмотрел лестницу и что-то сказал напарнице. Полицейский подошёл к ограждению и посветил фонарём в сторону площадки, хотя день уже был достаточно светлым.

— Вы туда спускались? — спросил он Алису.

— Нет. Я оставалась на тропе.

— К чему-нибудь прикасались?

— Только к ограждению. Здесь, наверху. И к камню, на котором сидела.

Он кивнул и попросил показать точное место, где она стояла, когда увидела человека.

Медики нашли другой, более широкий подъезд к станции, через служебные ворота со стороны дороги. Один из них позвонил кому-то по рации. Вскоре к воротам подъехал ещё один автомобиль. Алиса увидела, как спасатели несут снаряжение и осторожно спускаются вдоль стены по устойчивому участку старого прохода.

Она старалась не смотреть за их движениями, но всё равно следила.

В такие минуты страшнее всего было то, что люди вокруг не суетились. Каждый делал что-то понятное и привычное: проверял застёжку на каске, распутывал ремень сумки, просил коллегу подать фонарь. Их спокойствие не означало, что ничего ужасного не произошло. Оно лишь говорило о том, что они умеют работать рядом с ужасным.

Один из полицейских подошёл к Алисе снова.

— Назовите, пожалуйста, ваше имя.

— Алиса Воронцова.

Она произнесла фамилию по буквам. Он записал её, затем попросил показать паспорт или другой документ, если он при ней. Паспорт остался в гостинице. Полицейский принял данные с телефона и уточнил, где она остановилась.

— В гостевом доме «Северный берег».

— А зачем вы пришли на эту тропу?

— Вчера я потеряла перчатку. Где-то у указателя. Вернулась поискать.

Вопрос казался простым, но от ответа у неё пересохло во рту.

— Вы заходили за ограждение?

— Нет.

Полицейский посмотрел на отогнутую секцию сетки, затем на её мокрые ботинки.

— Хорошо. Пожалуйста, оставайтесь поблизости. Возможно, нам потребуется ещё с вами поговорить.

Алиса кивнула.

Она села на край низкой каменной стенки, из которой рос мох. Рядом стояла женщина-медик. Та сняла перчатки, достала из автомобиля серебристое термоодеяло и протянула его Алисе.

— Вас трясёт.

— Со мной всё нормально.

— Всё равно возьмите.

Тон был такой, что возражать не хотелось.

Алиса укрыла плечи тонкой блестящей плёнкой. Она шуршала при каждом движении. Из-за этого звука трудно было услышать, что происходит внизу.

Женщина спросила, не хочет ли Алиса воды. Та отказалась. Потом согласилась. Взяла пластиковую бутылку и сделала один глоток.

Медик ушла к коллегам, оставив её на стенке.

Алиса посмотрела на экран. Десять ноль семь.

Марина уже должна была идти к Сигне.

Она нажала на имя подруги, но остановилась до вызова.

Что сказать? Я пошла искать перчатку и нашла человека, с которым вчера поссорилась? Он не двигается, вокруг полиция, я не знаю, жив ли он?

Телефон зазвонил первым.

Марина.

— Ты где? — спросила она без приветствия. — Сигне ждёт, я уже почти дошла.

— Марин…

По тому, как прозвучал её голос, подруга всё поняла раньше слов.

— Что случилось?

— Я у старой станции.

Тишина.

— Ты обещала.

— Я не ходила внутрь. Я искала перчатку. Слушай меня, пожалуйста.

— Что там?

Алиса посмотрела на людей в ярких куртках, которые медленно поднимались по дорожке. Один нёс сложенную сумку; двое других разговаривали с полицейским.

— Здесь Юхан, — сказала она. — Он лежал на нижней площадке. Я вызвала скорую.

— Что значит «лежал»?

— Он не шевелился.

Марина какое-то время ничего не говорила.

— Алис, он жив?

— Я не знаю.

— Ты сама в порядке?

— Да.

— Я сейчас приеду.

— Не надо. Меня попросили остаться. Я тебе перезвоню.

— Я всё равно приду.

Связь оборвалась.

Алиса опустила телефон на колени.

У служебных ворот появился мужчина с седыми волосами и в тёмно-синей куртке. Он не носил форму, но полицейские сразу начали говорить с ним. Один показал рукой вниз, другой достал планшет. Мужчина слушал, почти не двигаясь.

Затем посмотрел на Алису.

Она отвела глаза.

Через несколько минут человек в синей куртке подошёл к ней.

— Госпожа Воронцова?

— Да.

— Меня зовут Эрик Хауг. Я следователь. Насколько я понимаю, именно вы обнаружили этого человека.

У него был спокойный низкий голос и чуть усталое лицо. Он казался моложе Ингрид и старше Томаса. Говорил без спешки, словно давал собеседнику время подумать.

— Я увидела его с тропы, — сказала Алиса.

— Покажете, откуда именно?

Она встала и провела его к ограждению. Эрик не позволил ей переступить через красно-белую ленту, которую полицейские уже натянули между деревьями, и сам остался снаружи.

— Вон там, — сказала Алиса. — Между двумя стенами.

Он посмотрел вниз, затем на ступени и отогнутую сетку.

— И вниз вы не спускались?

— Нет. Я вызвала помощь.

— Вы правильно поступили.

Алиса впервые за утро ощутила слабое облегчение.

— Он жив?

Эрик не ответил сразу.

— Мне очень жаль, — сказал он наконец. — Медики подтвердили его смерть.

Слова прозвучали просто, без подготовительных фраз. Наверное, по-другому говорить подобное было бы ещё жестче.

Алиса не заплакала. Ей даже показалось, что ничего не почувствовала. Только изображение перед глазами стало удивительно чётким: мох на проволоке, ржавая головка болта, два длинных следа дождевой воды на бетоне.

— Нам нужно выяснить, что произошло, — продолжил Эрик. — Сейчас я задам вам несколько вопросов. Вы не против?

Алиса кивнула.

Он не доставал блокнот до тех пор, пока они не вернулись к каменной стенке.

— Вы знали погибшего?

Она открыла рот и не сразу произнесла ответ.

— Его зовут Юхан Сольберг.

— Откуда вы его знаете?

— Мы встретились в гостевом доме. И вчера в посёлке.

— Вы дружили?

— Нет.

— Вчера вы разговаривали?

— Да.

— Примерно во сколько?

— Немного после семи вечера. У причала.

Эрик поднял глаза.

— О чём вы говорили?

Вот теперь Алиса почувствовала страх — не перед человеком, который сидел напротив, а перед самой последовательностью событий. Вчера ей казалось, что ссора закончилась, как заканчиваются сотни неприятных разговоров: кто-то ушёл, кто-то остался, наутро оба вспоминают происшедшее с раздражением и стыдом.

А сейчас человек, с которым она спорила, лежал мёртвым под старой станцией.

— О станции, — ответила она. — Он велел мне держаться подальше. Я спросила почему. Мы поссорились.

— Кто-нибудь это видел?

— Да. Томас из кафе. И ещё двое мужчин возле складского здания.

— Ссора перешла в рукоприкладство?

Она задержала дыхание.

— Он схватил меня за рукав. На мгновение. Я потребовала отпустить, и он отпустил.

Эрик записал несколько слов.

— А вы к нему прикасались?

— Нет. То есть… я его не хватала и не толкала. Это он тронул мой рукав, и всё.

— Спасибо, что уточнили.

Он не выглядел ни удивлённым, ни недоверчивым.

— Что было после того, как вы ушли от причала?

Алиса рассказала, как поднялась к развилке, получила звонок Марины, обнаружила пропажу перчатки и вернулась в гостиницу.

— Во сколько вы находились возле ограждения?

— Около восьми. В восемь шесть минут. Помню, что посмотрела на телефон.

— А потом?

— Я пошла назад. Примерно в половине девятого вернулась в гостевой дом. Марина была там. Мы поговорили, какое-то время посидели в общей гостиной, потом поднялись наверх.

— После этого вы ещё выходили?

— Нет.

Он задал ещё несколько вопросов: заметила ли она вчера автомобиль возле станции, слышала ли ночью необычные звуки, видела ли утром следы других людей.

— Пока я ждала скорую, мимо проехал белый фургон, — сказала Алиса. — Не знаю, важно ли это. Здесь работал подрядчик. Кажется, его зовут Ларс Вик.

Эрик записал и это.

— Фургон останавливался?

— Нет.

— Вы уверены, что это была та же машина?

Она вспомнила короткий белый прямоугольник между деревьями.

— Нет. Я не уверена.

— Ничего страшного. Нам важно понимать, в чём вы уверены, а в чём нет.

Услышав это, Алиса едва заметно кивнула. Впервые с момента приезда человек из Скарвика не пытался объяснить ей, что вопросы лучше оставить при себе.

— А вы видели вчера вечером огни на холме? — неожиданно спросила она.

— Какие именно огни?

— Два или три. Возле часовни. Между деревьями ходили люди. Было примерно половина десятого.

Эрик не стал ни улыбаться, ни удивляться.

— Вы разглядели, кто нёс фонари?

— Нет.

— Тогда не будем заранее считать, что это связано с происшествием. Но я запишу.

Он взглянул на телефон.

— Ещё один вопрос. Почему вы решили искать перчатку, а не купить новую пару?

Вопрос показался Алисе почти оскорбительным. Затем она поняла, что следователь, вероятно, спрашивает не из любопытства: нужно установить причину, по которой она оказалась в месте, куда накануне ей настойчиво советовали не ходить.

Она показала левую перчатку.

— Их связала моя мама. Они даже немного разные: одна чуть теснее другой. Я потеряла правую.

Эрик посмотрел на светлую нитку у резинки.

— Вы точно помните, где её потеряли?

— Возле указателя. Я была на открытой для прохода тропе. Сняла перчатку, чтобы ответить на звонок.

— Сегодня нашли её?

— Нет.

Он кивнул и встал.

— Пожалуйста, держите телефон включённым. Возможно, мы попросим вас дать более подробные показания в участке. И не уезжайте из этих мест, не оставив нам контактных данных.

— Я подозреваемая?

Вопрос вырвался неожиданно даже для самой Алисы.

Эрик не изменился в лице.

— Вы свидетель, который обнаружил погибшего и разговаривал с ним накануне. Сейчас мы собираем сведения. Причина и обстоятельства смерти ещё не установлены.

— Но вы спросили, прикасалась ли я к нему.

— Я спросил бы об этом любого, кто ссорился с ним перед смертью. Нам нужно точно восстановить последовательность событий.

Эрик убрал блокнот.

— Вам кто-нибудь говорил, что станция опасна?

— Все.

— Теперь вы понимаете, почему мы относимся к этим предупреждениям серьёзно.

Она посмотрела на жёлтый каска спасателя, мелькнувшую за барьером.

— Да, — сказала она. — Понимаю.

✦ ✦ ✦

Марина пришла почти бегом.

Алиса увидела её в конце дороги: расстёгнутое пальто, шарф, один конец которого развевался за спиной, телефон в руке. На секунду Марина остановилась перед полицейской лентой, оглядела собравшихся и только потом заметила подругу.

— Алиса!

Она обняла её слишком крепко.

— Я думала, с тобой что-нибудь произошло.

— Со мной всё нормально.

— Ты дрожишь.

— Мне дали эту штуку.

Алиса попыталась пошутить и подняла край термоодеяла. Получилось плохо.

Марина отпустила её и посмотрела на ограждение.

— Это правда Юхан?

— Да.

— И он…

— Да, Марин.

Подруга закрыла глаза.

Несколько секунд они стояли рядом, не касаясь друг друга. Потом Марина спросила:

— Ты что-нибудь видела? Когда это произошло?

— Нет. Я пришла утром. Он уже лежал там.

— Ты уверена, что не спускалась?

Алиса повернула к ней голову.

— Ты сейчас серьёзно?

— Я не это имела в виду.

— А что? Ты думаешь, я полезла через ограждение, хотя обещала не делать этого, а потом зачем-то тебе вру?

Марина побледнела.

— Я испугалась за тебя.

— Мне только что сообщили о смерти человека. И я уже ответила на этот вопрос полиции. Дважды.

Она произнесла последние слова громче, чем следовало. На них оглянулся стоявший рядом полицейский.

Марина отступила.

— Прости.

Алиса хотела продолжить, но остановилась. На лице подруги было не возмущение — настоящий страх. И Алиса вдруг увидела, что Марина, наверное, переживает не только из-за неё.

— Ты ведь знала, что он чего-то боится, — сказала Алиса тихо.

— Я не знала.

— Тогда почему вчера сказала, что он может бояться не за себя?

Марина посмотрела на людей у ворот.

— Потому что мама тоже боялась. В письме это чувствуется. Даже если оно всего на несколько строчек.

— А Сигне? Ты успела с ней встретиться?

— Нет. Она позвонила, когда я уже шла по улице. Сказала, что сегодня не сможет. У неё что-то случилось.

— Она знала про Юхана?

— Не знаю. Она не объяснила.

Алиса запомнила ответ.

В стороне, возле машины, сотрудник полиции разговаривал с мужчиной в рабочей куртке. Лицо мужчины было знакомо. Алиса пригляделась и узнала Ларса Вика.

Он стоял без головного убора, хотя с веток капала вода. Одну руку держал в кармане, другой то и дело проводил по коротко остриженным волосам. Полицейский показывал на склон, а Ларс отвечал, не поднимая глаз.

— Вон он, — тихо сказала Алиса.

— Кто?

— Подрядчик. Я видела его вчера. Он ссорился с Юханом.

Марина посмотрела в указанном направлении.

— Ты уверена, что они ссорились?

— Я видела жесты. Слов не слышала.

— Тогда не надо ничего додумывать.

Алиса усмехнулась без веселья.

— Сейчас ты говоришь совсем как следователь.

— Может быть, потому, что он прав.

У служебных ворот один из спасателей попросил полицейских немного отойти. Мимо прошёл высокий мужчина с камерой на ремне и чёрным защитным чемоданом. Он остановился возле ленты, присел и сфотографировал участок земли, по которому Алиса недавно шла к ограждению.

Алиса вдруг испугалась не того, что её подозревают, а того, как много следов оставляет человек, ничего не подозревающий о будущих событиях.

Вот отпечаток её ботинка, возможно. Вот место, где она коснулась сетки. Вот камень, на котором сидела и ждала скорую. Несколько часов назад это были просто вещи. Теперь каждый сантиметр мог означать что-то важное.

— Нам лучше уйти? — спросила Марина.

— Эрик сказал оставаться на связи. Думаю, можно вернуться в гостиницу.

— Кто такой Эрик?

— Следователь. Хауг.

Марина сглотнула.

— Он спрашивал про вчерашнее?

— Да.

— Ты рассказала?

— Всё, что помнила.

Подруга медленно кивнула.

— Тогда пойдём.

Они спустились с холма молча. На полпути Алиса вспомнила про серую перчатку и машинально засунула руку в карман. Кожа пальцев была холодной, хотя шерстяная пара больше ничего бы не изменила.

✦ ✦ ✦

К полудню в Скарвике уже знали о смерти Юхана.

Не обязательно потому, что кто-то разносил новости. В маленьких местах достаточно двух машин у закрытого объекта, полицейской ленты и людей, которые остановились поговорить возле магазина.

У причала Алиса заметила Томаса. Он стоял под навесом кафе и смотрел в сторону дороги, ведущей к станции. Когда девушки проходили мимо, он окликнул их.

— Алиса. Можно вас на минуту?

Марина остановилась, но Алиса подошла к нему одна.

— Это правда? — спросил Томас.

Она не стала притворяться, что не понимает, о чём речь.

— Да. Это я его нашла.

Томас закрыл глаза и ненадолго прижал ладонь ко рту.

— Господи.

— Мне очень жаль.

Он покачал головой.

— Я видел его вчера. Уже после того, как вы ушли. Он направился к площади. Я подумал… подумал, что он успокоится и пойдёт домой.

— Во сколько это было?

— Сразу после семи. Я за ним не шёл.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Полиция будет спрашивать о ссоре.

— Уже спрашивала.

— Я расскажу им, что видел.

— Спасибо.

Томас помедлил.

— Я не видел, кто начал. Только услышал, как вы закричали, а потом увидел, что он отпустил ваш рукав. Не хочу никому сделать хуже.

— Так и расскажите. Всё как было.

— Так и сделаю.

Вчера его осторожность раздражала Алису. Сегодня она впервые подумала, что для человека, который живёт в Скарвике всю жизнь, каждое слово может остаться между знакомыми лицами надолго, даже когда полиция закончит свою работу.

— У Юхана здесь были родственники? — спросила она.

— Сестра. Но она живёт не в посёлке. Сам он почти всегда был один.

Томас посмотрел на причал.

— С ним бывало трудно. Но я знаю его с детства. Когда у наших лодок ломались двигатели, он чинил их и денег не брал. Отец всегда говорил, что характер у Юхана скверный, зато руки золотые.

Алиса почувствовала неожиданный стыд. Она знала Юхана только злым. Теперь каждый новый факт словно требовал пересмотреть человека, которого она уже успела мысленно осудить.

— Я не желала ему зла, — сказала она.

Томас снова посмотрел на неё.

— Я знаю.

Неясно было, что именно он знает: её намерения или только то, что обычно говорят человеку после смерти его недавнего врага.

Марина ждала у крыльца. Когда Алиса подошла, она не стала спрашивать, о чём они говорили.

В гостинице пахло горячим хлебом, и этот запах казался неправильным.

Ингрид встретила их возле стойки регистрации. Она уже знала.

— Мне так жаль, — произнесла она, увидев Алису. — Мне позвонили.

— Из полиции?

— Да. Спросили, не заходил ли он сюда в последнее время.

Хозяйка взглянула на Марину, потом снова на Алису.

— Я слышала, вы его нашли.

— Да.

Ингрид на секунду закрыла глаза.

— Он был непростым человеком. Но он был частью этого места.

Алиса не нашла ответа.

— Поднимайтесь наверх, — добавила Ингрид. — Я принесу чай.

И впервые с момента знакомства хозяйка не попыталась убедить их, что отдых ещё можно спасти.

В комнате Марина села на кровать, не снимая пальто. Алиса закрыла дверь, но не повернула ключ.

Она была уверена, что уже не услышит за дверью прежних осторожных шагов. И всё же оставлять её незапертой оказалось тяжелее, чем она ожидала.

— Ты думаешь, он упал? — спросила Марина.

— Не знаю.

— Там ведь опасно.

— Да.

— Все говорили.

— Марин, пожалуйста. Не надо сейчас.

Подруга замолчала.

Алиса сняла куртку и повесила её на спинку стула. На рукаве всё ещё была та самая складка, которую вчера оставили пальцы Юхана. Она осторожно разгладила ткань, потом вдруг отдёрнула руку.

Стало страшно от мысли, что любая мелочь может оказаться последним свидетельством встречи с человеком.

— Мне кажется, я должна была его послушать, — произнесла она.

Марина подняла голову.

— В чём?

— Он предупреждал про лестницы. Говорил, что кто-нибудь там погибнет. А я слышала только то, как он мне хамит.

— Ты не могла знать, что случится.

— Я не об этом. Он пытался мне что-то сказать. А я всё время думала, будто он скрывает тайну.

— А разве он её не скрывал?

Вопрос прозвучал тише, чем предыдущие.

Алиса посмотрела на подругу.

— Марин, откуда мне знать? Ты ведь тоже до сих пор не рассказала, что именно было в письме твоей мамы.

— Я пересказала всё, что там написано.

— Не всё. Ты говорила о нарушенном обещании, об ответственности. Но кому она обещала? За что отвечала?

Марина стянула шарф с шеи и положила на колени.

— Я не знаю, кому. Там нет имени.

— Тогда покажи мне фотографию письма.

Подруга молчала.

— Ты её сделала, да?

— Да.

Алиса села напротив.

— Почему ты не хочешь?

— Потому что там есть ещё одна строчка.

За окном скрипнула водосточная труба.

— Какая?

Марина вынула телефон. Долго листала фотографии, хотя Алиса была уверена, что снимок легко найти. Наконец протянула экран.

На пожелтевшей бумаге было несколько строк. Алиса прочитала знакомые слова об обещании, которое нельзя нарушать. Ниже, почти у самого сгиба, она увидела последнюю фразу:

Если спросят, скажи, что меня там никогда не было.

Алиса почувствовала, как холодеют пальцы.

Алиса прочитала её дважды.

— Где «там»?

— Не знаю.

— Станция? Часовня?

— Мама не написала.

— А кто должен был говорить, что её там не было?

Марина покачала головой.

Алиса вернула телефон.

— Ты должна была показать мне это раньше.

— Возможно.

— Не «возможно», Марина.

Подруга смотрела на фотографию так, словно впервые видела собственные пальцы, державшие её.

— Я боялась, что ты начнёшь искать ответ, — сказала она. — И вот мы здесь.

Алиса встала.

— Юхан умер не потому, что я задавала вопросы.

— Я знаю.

— Тогда не говори так, будто я каким-то образом привезла его смерть в Скарвик.

Марина резко подняла голову.

— Я такого не говорила.

— Но ты об этом думаешь.

Подруга долго смотрела на неё.

— Я думаю, что мама почему-то всю жизнь молчала о Норвегии. Я думаю, что здесь есть люди, которые знали её и до сих пор боятся того, о чём она писала. А теперь умер человек,

который вчера произнёс её имя при тебе. Я не знаю, что между этими вещами связано, а что нет. И именно это меня пугает.

В её голосе не было упрёка.

Алиса опустилась обратно на стул.

— Меня тоже.

Некоторое время они сидели молча. Потом в дверь негромко постучали.

Один удар. Пауза. Два удара.

Обе подняли головы одновременно.

Алиса почувствовала, как похолодела спина.

Стук повторился — теперь уже три коротких удара подряд.

— Девочки? — раздался голос Ингрид. — Можно войти?

Марина закрыла лицо ладонями, а Алиса неожиданно рассмеялась. Смех вышел коротким и чужим.

— Конечно, — ответила она.

Хозяйка внесла поднос с двумя чашками чая, тарелкой печенья и небольшим чайником. Увидев их лица, она остановилась.

— Что-то случилось?

— Нет, — сказала Алиса. — Вы просто нас напугали.

Ингрид поставила поднос на стол.

— Простите.

Она посмотрела на закрытый фотоальбом, на сумку Марины и на мокрую куртку Алисы.

— Ужасный день, — произнесла она.

Алиса подумала, что хозяйка сейчас что-то добавит. Возможно, расскажет, каким был Юхан до того, как все стали говорить о нём с осторожностью. Но Ингрид только поправила край скатерти на столике и вышла.

Дверь закрылась за ней почти бесшумно.

✦ ✦ ✦

В три часа Алиса получила сообщение с незнакомого норвежского номера.

«Это Эрик Хауг. Пожалуйста, оставьте завтрашнее утро свободным для беседы. Мы уточним время. Спасибо».

Она перечитала сообщение, затем показала его Марине.

— Это нормально? — спросила подруга.

— Наверное. Он говорил, что понадобится подробное объяснение.

— Может, стоит позвонить в консульство?

— Пока зачем? Меня ни в чём не обвиняют.

— Я просто спрашиваю.

Алиса положила телефон рядом с чашкой.

Ей и самой хотелось услышать от кого-нибудь, что всё происходит в обычном порядке: нашли погибшего, вызвали полицию, записали имя свидетеля, пригласили для уточнения обстоятельств. Но в этой цепочке была одна деталь, которую невозможно было мысленно убрать: вчерашняя ссора.

Через час она вышла в общую гостиную. Марина осталась наверху и снова попыталась дозвониться Сигне. Телефон музейной сотрудницы был недоступен.

Внизу горел камин. Возле него сидели пожилые супруги, приехавшие накануне. Они разговаривали по-норвежски и время от времени бросали взгляды в сторону окна. Когда Алиса вошла, оба замолчали.

Возможно, потому что разговор закончился именно в этот момент.

Возможно, потому что о ней уже знали.

Алиса взяла книгу с полки, открыла на случайной странице и поняла, что не может прочесть ни строчки.

Она поставила её обратно.

Из кухни вышла Ингрид.

— Алиса, я кое-что забыла спросить.

— Да?

— Вчера Юхан ничего не говорил вам о нижней площадке?

Алиса посмотрела на неё.

— Сказал, что лестницы прогнили. А что?

— Он знал их лучше кого бы то ни было. Всё время предупреждал людей, чтобы туда не спускались.

— А сам он туда ходил?

Ингрид отвела взгляд.

— Иногда.

— Зачем?

— Не знаю. Привычка, наверное. Он долго там работал.

— У него был ключ от ворот?

Хозяйка медленно покачала головой.

— Не знаю. Всё, что он говорил вам, лучше пересказать полиции.

— Я уже рассказала.

Ингрид кивнула, но не ушла.

— И ещё одно, — добавила она. — Что бы вас завтра ни спрашивали, не пытайтесь угадывать ответ. Если чего-то не знаете, так и говорите.

Алиса вспомнила почти такие же слова Эрика.

— Теперь все в Скарвике дают мне один и тот же совет?

— Совет-то неплохой.

Хозяйка попыталась улыбнуться. На этот раз улыбка была скорее просьбой не задавать больше вопросов.

После её ухода Алиса подошла к окну.

Снаружи снова начинался дождь. Уличные фонари зажигались один за другим. Где-то там, за домами, оставалась старая станция, к которой вчера она обещала не ходить. Весь день Алиса пыталась понять, что её сильнее пугает: то, что Юхан умер в опасном месте, или то, что сразу после его смерти все вокруг начали говорить только об опасности места.

О человеческих причинах никто пока не произнёс ни слова.

Когда она вернулась наверх, Марина сидела у окна с телефоном в руках.

— Сигне ответила? — спросила Алиса.

— Нет. Но мне пришло сообщение от неё.

— Что пишет?

Марина показала экран.

«Пожалуйста, не приходите завтра в музей. Мне нужно время, чтобы кое с чем разобраться. Мне очень жаль, что Юхан погиб».

Алиса прочитала сообщение.

— Она просит не приходить завтра.

— Я вижу.

— И говорит, что ей нужно кое-что разобрать.

— Тоже вижу.

Алиса присела на край кровати.

— Ты думаешь, она имела в виду документы?

— Может быть.

— Или то, что случилось с Юханом?

— Алис, ты опять пытаешься связать всё со всем.

Подруга сказала это спокойно, но Алиса почувствовала укол раздражения.

— Вчера он говорил про твою мать, сегодня его нашли мёртвым, а музейная сотрудница отменила встречу и не отвечает на звонки. По крайней мере, мы имеем право заметить последовательность.

— Замечать — да. Делать выводы — нет.

Алиса не ответила.

Она вспомнила металлический скрежет возле станции. Было ли это просто движение ржавого листа на ветру? Почему звук раздался именно перед тем, как она обнаружила тело? Возможно, сама мысль об этом была ловушкой. Ещё несколько минут — и она начнёт видеть свидетельства преступления в каждой капле воды.

В коридоре послышались шаги.

На этот раз они остановились возле двери.

Алиса и Марина переглянулись.

Постучали обычным способом: два ровных удара.

— Алиса? Это Эрик Хауг.

Алиса поднялась так быстро, что стул скрипнул по полу.

Она открыла дверь.

Следователь стоял в коридоре, держа в руках закрытую папку. Он был в той же тёмно-синей куртке, что и утром. На плече виднелись капли дождя.

— Простите, что беспокою, — сказал он. — Можно задать один короткий вопрос? Если хотите, спустимся вниз.

— Здесь можно.

Он взглянул на Марину.

— Вы вчера вечером были с госпожой Воронцовой?

— Да, — ответила Марина.

— С какого времени?

Подруга посмотрела на Алису, словно прося разрешения ответить.

— Она вернулась примерно в половине девятого. Мы были вместе в гостиной, а затем поднялись в нашу комнату.

— Спасибо. Подробно поговорим завтра.

Эрик снова повернулся к Алисе.

— Вы сказали, что потеряли правую перчатку возле указателя.

— Да.

— Серую, шерстяную?

Она медленно кивнула.

— Её связала моя мама.

Следователь открыл папку и вынул фотографию, вложенную в прозрачный файл. Он не протягивал её в руки; лишь повернул так, чтобы обе женщины могли рассмотреть изображение.

На снимке была бетонная ступень, покрытая мокрыми листьями. Вода текла по краю, оставляя узкую тёмную полосу. А возле металлического крепления лежала серая шерстяная перчатка.

Алиса сразу узнала светлый узелок у большого пальца.

— Это моя, — сказала она.

Эрик убрал фотографию не сразу.

— Мы нашли её за ограждением, возле старой служебной лестницы. Прошу вас подумать внимательно: вчера вечером вы заходили за забор?

— Нет.

— Кто-нибудь мог подобрать перчатку после того, как вы её уронили?

— Не знаю. Я не видела, чтобы кто-то её трогал.

— Возможно, вы потеряли её ниже по склону, чем помните?

— Нет. Я была у развилки. Я же говорила. Я не спускалась вниз.

Эрик посмотрел на неё, затем на Марину. В его лице по-прежнему не было ни подозрения, ни сочувствия, которых Алиса так отчаянно ждала.

— Объяснение может оказаться самым обычным, — сказал он. — Дождевая вода. Или кто-то перенёс её. Пока мы не знаем. Но нам важно установить, где именно вы находились.

— Я была на тропе, — повторила Алиса. — Сняла её, чтобы ответить на звонок.

— Хорошо.

Он спрятал фотографию в папку.

— Завтра утром возьмите с собой телефон и все сообщения, связанные со станцией. Мы подробно восстановим последовательность событий.

— Я могу обратиться к адвокату? — спросила Алиса.

— Разумеется. Если ваш процессуальный статус изменится, мы разъясним вам права и порядок дальнейших действий. Пока мы лишь просим вас помочь уточнить обстоятельства.

Он пожелал им спокойного вечера и ушёл.

Алиса закрыла дверь.

Марина всё ещё стояла у окна.

— Я говорила полиции, что потеряла перчатку, — произнесла Алиса. — Ещё до того, как они её нашли.

— Я знаю.

— И тебе говорила вчера. Когда вернулась.

— Да.

Она попыталась вдохнуть поглубже, но воздух словно застрял в груди.

Теперь всё выглядело иначе. Вчера она прошла к развилке, потеряла перчатку и ушла домой. Сегодня нашла Юхана. Эти события существовали раздельно, пока следователь не показал фотографию: её вещь лежала за ограждением, на старом служебном спуске.

Дождь мог унести её вниз. Кто-то мог подобрать и бросить. Существовало десяток объяснений.

Но ни одно из них Алиса не могла доказать.

Марина подошла и положила ладонь ей на плечо.

— Мы разберёмся.

Алиса посмотрела на закрытую дверь.

Она вспомнила тёмную куртку на бетоне, руку у края площадки и лицо Юхана в тот момент, когда он сказал, что фотографии не показывают произошедшего после.

До сегодняшнего утра она считала, что страшнее всего в Скарвике — неизвестность, окружавшая прошлое.

Теперь страшнее было настоящее.

Потому что у кого-то уже появился снимок, на котором её собственная вещь лежала там, где она, по её словам, никогда не была.

Глава 6

Последняя, кто спорил с ним

— Вы сказали ему, что вызовете полицию. Почему?

Эрик Хауг не смотрел на Алису. Он следил за красным огоньком диктофона, стоявшего между двумя стаканами воды, и ждал, пока она перестанет теребить край бумажной салфетки.

— Потому что он схватил меня за рукав.

— До этого он вам угрожал?

— Он пытался заставить меня уйти.

— Словами?

— Да.

— Какими именно?

Алиса закрыла глаза. Причал двухдневной давности вспоминался не как последовательность событий, а отдельными кусками: верёвка, туго натянутая между лодкой и тумбой; запах мокрой древесины; лицо Юхана совсем близко; собственный голос, который она не сумела удержать тихим. Ей казалось, что фразы застряли где-то там и теперь их можно извлечь лишь вместе с холодной водой.

— Он сказал, чтобы я оставила в покое его и прошлое. Чтобы не ходила к станции и на холм ночью.

— Вы восприняли это как угрозу?

— Тогда — да.

— А сейчас?

За окном проехал грузовик. Стекло едва заметно дрогнуло.

— Сейчас я знаю, что станция действительно опасна. Но это не меняет того, что он меня схватил.

— Не меняет, — согласился Эрик.

Именно это спокойное согласие раздражало сильнее, чем если бы следователь спорил. Он не пытался уличить её во лжи, не обещал поверить. Просто записывал сказанное, позволяя словам становиться частью чужого дела.

Алиса мысленно подбирала каждое выражение на русском. Ей хотелось точности, какой не бывает в живой речи после бессонной ночи.

В полицейское отделение соседнего городка их привезла Марина. Скарвик остался позади вместе с серым фьордом, мокрыми соснами и гостиницей, где Алиса совсем недавно считала себя туристкой. На стоянке у здания полиции Марина предложила пойти вместе с ней. Эрик, встретивший их у входа, объяснил, что сначала поговорит с Алисой отдельно, а потом, если потребуется, с её подругой.

Теперь Марина сидела в коридоре за закрытой дверью. Алиса знала это и всё равно время от времени прислушивалась, будто могла различить её дыхание.

— Прежде чем продолжим, — сказал Эрик, — я хочу ещё раз пояснить: сейчас мы беседуем с вами как со свидетельницей. Вы можете попросить перерыв, уточнить вопрос и обратиться за юридической помощью. Если обстоятельства потребуют другого порядка действий, мы сообщим об этом отдельно. Всё понятно?

— Да.

— Хорошо. Тогда вернёмся к причалу.

Он подвинул к себе лист с распечатанной последовательностью событий.

— Позавчера, двадцать девятого октября, около семи десяти вечера вы спорили с Юханом Сольбергом. После этого направились к развилке троп. В восемь часов шесть минут обнаружили пропажу перчатки. В гостиницу вернулись приблизительно в половине девятого.

Вчера, тридцатого, около девяти тридцати вы нашли его тело. Это соответствует вашим словам?

— Да. Только перчатку я потеряла раньше восьми шести. В это время я поняла, что её нет.

Эрик сделал пометку.

— Верно. Благодарю за уточнение.

Алиса посмотрела на лист. Время было напечатано аккуратным столбиком. Между ссорой у причала и обнаружением пропажи перчатки уместилась ссора, прогулка, телефонный разговор, холодный ветер и потеря обычной шерстяной вещи. Внизу на том же листе стояло время вызова помощи. Казалось, какая-то невидимая рука свела два разных дня к одной таблице и заставила их объяснять друг друга.

— А когда умер Юхан? — спросила она.

— Мы ещё уточняем обстоятельства и время смерти.

— Но вы предполагаете, что это произошло ночью?

— Я не хочу называть предположения фактами.

Она узнала собственную формулировку, которую следователь уже несколько раз произносил накануне. И подумала, что, возможно, он выбирает слова не из холодности, а потому, что слишком хорошо знает цену поспешным выводам.

— Вы были последней, кто публично спорил с ним, — продолжил Эрик. — Это не означает, что вы последняя, кто его видел. Но нам нужно восстановить каждый час.

Алиса положила салфетку на стол. От неё остался влажный, скрученный в нитку обрывок.

— Понимаю.

— Расскажите с самого начала, почему вы подошли к Юхану.

Она заговорила. Сначала медленно, затем быстрее: о снимке в музее, о матери Марины, о том, что Юхан узнал их прежде, чем они успели представиться. О предупреждении под дверью номера и странном упрямстве человека, который не желал объяснить даже собственную тревогу.

На слове «мать» Эрик поднял глаза.

— Елена Белова?

— Да.

— Она была знакома с Юханом?

— Я не знаю. Он знал её имя и сказал, что ему известно о её смерти.

— Каким образом ему стало известно?

— Не сказал.

— А ваша подруга могла сообщить ему?

— Марина утверждает, что не встречалась с ним после приезда.

— Вы ей верите?

Алиса выдержала паузу.

— Это моя лучшая подруга.

— Я спросил не об этом.

Ей захотелось огрызнуться. Но вопрос был справедливым, и именно поэтому на него оказалось трудно ответить.

— Я знаю, что она скрыла от меня причину поездки, — произнесла Алиса. — Но я не знаю, встречалась ли она с Юханом. Не хочу угадывать.

Эрик кивнул и, кажется, впервые за всё утро позволил себе едва заметно одобрительно улыбнуться.

— Так и запишем.

✦ ✦ ✦

На стене висела карта побережья — не туристическая, а подробная, с дорогами, участками леса, служебными проездами и отметками перепадов высоты. Эрик развернул её на столе, прижал угол папкой и положил рядом фотографии местности.

— Покажите, где вы стояли, когда разговаривали с Мариной по телефону.

Алиса провела пальцем по извилистой линии дороги от причала вверх. На карте расстояние казалось смехотворным. От магазина до гостиницы, от гостиницы до развилки, от развилки к холму — несколько коротких линий, а не места, где она успела испугаться больше, чем за последние несколько лет.

— Здесь. Возле указателей. Перед барьером.

— Вы проходили мимо него?

— Нет. Я остановилась, ответила на звонок и немного постояла. Потом искала перчатку.

— На стороне дороги или за ограждением?

— На дороге. Я светила телефоном в траву. Видела что-то светлое за барьером, но не полезла туда.

— Что именно?

— Я не разглядела. Может, пакет. Или сухая трава.

— Вчера вы об этом не упоминали.

— Я не думала, что это важно.

— Сейчас вспомнили сами?

— Да.

Следователь поставил маленькую точку карандашом возле барьера.

— Вы рассказали о велосипедисте. Он проехал мимо вас до звонка или после?

— Во время. Точнее, я уже закончила разговор, когда он спустился с дорожки. Я уступила место.

— Он вас коснулся?

— Нет.

— Мог подобрать перчатку?

— Я не видела. И не знаю, была ли она к тому времени у меня в руке.

Вопросы повторялись с изменённым порядком. По прошествии получаса Алиса начала понимать их назначение: когда человек пересказывает историю свободно, он заполняет пробелы привычными представлениями о себе. В ответах на короткие вопросы пробелы оставались открытыми. Она не помнила, как держала перчатку. Не знала, видел ли велосипедист, что она её обронила. Не могла даже сказать, на какой именно стороне стойки стояла, пока смотрела на телефон.

— А снимок моей перчатки? — спросила она. — Вы можете показать его ещё раз?

Эрик вынул фотографию из папки.

Серая шерсть потемнела от воды, но светлый узелок возле большого пальца действительно был её. Мать вязала перчатки много лет назад, в Москве, под старый фильм, который показывали по телевизору в новогоднюю ночь. Алиса неожиданно вспомнила, как жаловалась, что большой палец получился слишком широким. Мама сказала: «Тогда не потеряешь». И засмеялась.

На фотографии перчатка лежала возле ржавого крепления на бетонной ступени. Вдоль шва стекала вода. Чуть выше были видны камешки, зацепившиеся между металлом и бетоном.

— Откуда именно этот спуск? — спросила она.

— Со старой служебной тропы, ниже ограждения.

— Но я не была там. Вы проверили, могла ли вода её унести?

— Проверяем.

— А если кто-то подобрал её и отнёс?

— И это проверяем.

— Тогда почему вы всё время возвращаетесь к ней?

Эрик убрал фотографию в папку и не торопился отвечать.

— Потому что вещь оказалась там, где, по вашим словам, вас не было. Мы обязаны выяснить, как это произошло. И я не хочу, чтобы вы решили: если мы задаём вопрос, значит, уже выбрали ответ.

— Это трудно не решить.

— Понимаю.

Слово прозвучало без жалости. Алиса была благодарна хотя бы за это.

— Мне нужна ваша помощь ещё в одном, — сказал следователь. — Вспомните все звуки и движения, которые заметили возле станции позавчера вечером и вчера утром. Не объясняйте их. Просто опишите.

Алиса рассказала о гуле ветра в соснах, велосипедных колёсах на гравии, слабом отблеске за барьером. О вчерашнем металлическом скрежете, раздавшемся незадолго до того, как она увидела тело. Об одном ударе, паузе и втором ударе.

— Насколько громко?

— Не очень. Я сперва подумала, что ветер двигает какую-то железку.

— Откуда доносилось?

— Снизу. Но вокруг там всё ржавое, звук мог отражаться от стены.

— Вы видели источник?

— Нет.

— Людей?

— Нет.

Эрик остановил запись на несколько секунд и предложил ей воды.

— Я хотела спросить, — произнесла Алиса, глядя на закрытую карту. — Если лестница сломана, почему проход был не закрыт как следует? Там сетка отогнута, снизу можно пролезть.

— Это тоже часть нашего выяснения обстоятельств.

— Там ведь работает подрядчик. Ларс Вик. Мужчину из его бригады я видела возле склона за несколько дней до гибели Юхана.

— Вы видели именно Ларса?

— Нет. Мужчину в рабочей одежде возле белого фургона. Ларса я видела позже, у станции, уже с полицией.

— Это разные наблюдения, — заметил Эрик.

— Я понимаю. Просто оба имеют отношение к этому месту.

— Возможно. Мы проверим.

Она смотрела на следователя и пыталась угадать, удивила ли его фамилия подрядчика. По лицу Эрика этого определить не удалось.

✦ ✦ ✦

Во время перерыва в коридоре пахло горячим пластиком и кофе из автомата. Из комнаты напротив доносился голос женщины, которую кто-то настойчиво расспрашивал о номерах машин. Ни одного слова Алиса не могла разобрать. Дверь закрылась, и коридор снова стал обычным коридором административного здания: стулья вдоль стены, стенд с объявлениями, забытый кем-то зонт.

Марина сидела у окна, держа бумажный стакан обеими руками.

— Ну как? — спросила она.

Алиса опустилась рядом.

— Подробно. Очень подробно.

— Про перчатку?

— В том числе.

Марина хотела что-то сказать, но передумала. За окном женщина с ребёнком переходила мокрую улицу. Мальчик шёл по бордюру, расставив руки, как канатоходец, а мать придерживала его за капюшон. От этого домашнего жеста Алису пронзила странная тоска по обыденности. Ей вдруг хотелось, чтобы единственной сегодняшней проблемой была опоздавшая маршрутка или остывший кофе.

— Они спрашивали про маму? — тихо произнесла Марина.

— Да.

— И что ты сказала?

— Что Юхан знал её. Что у тебя была фотография. Что ты не сразу рассказала мне, зачем приехала.

Марина отвела глаза.

— Я не понимаю, почему они связывают это с его смертью.

— Они ничего пока не связывают. Это мы всё время пытаемся связать.

— Ты злишься?

— Я устала.

— Это не ответ.

— Тогда да. Немного.

Марина поставила стакан на пол, подвинув его к ножке стула, чтобы никто случайно не задел.

— Я могла бы сказать тебе с самого начала. Ещё в Москве. Но тогда ты начала бы отговаривать меня.

— Возможно. Или помогла бы найти адрес Сигне. Или просто знала бы, в какую историю еду.

— Я не знала, что это история.

— А что же?

Марина долго смотрела на дорогу за окном.

— Письмо человека, которого уже нельзя спросить, что он имел в виду.

Алиса почувствовала, как отступает раздражение. Ей легко было сердиться на Марину за скрытность и почти невозможно — за желание услышать голос умершей матери хотя бы через чужие воспоминания.

— Ты сказала мне вчера, что Сигне прислала сообщение. Она ещё выходила на связь?

— Нет. Я ответила, что понимаю и подожду. Она даже не прочла.

— Не ходи сегодня в музей.

— Она сама попросила не приходить.

— Я знаю. Просто на всякий случай.

— С каких пор ты стала осторожнее меня?

Алиса усмехнулась.

— С тех пор как мою перчатку начали фотографировать для полицейского дела.

Марина улыбнулась, но глаза оставались напряжёнными.

Дверь кабинета открылась. Эрик вышел с папкой в руках.

— Вы готовы продолжить?

Алиса поднялась.

— Да.

— На этот раз займёмся показаниями свидетелей. Есть несколько деталей, которые мне важно уточнить.

Он произнёс это ровно, однако Алиса вдруг почувствовала, что перерыв был не столько заботой о ней, сколько необходимым временем для другой работы.

В комнате следователь включил запись снова.

— У причала вас видели несколько человек. Один из них рассказывает, что услышал, как вы кричали: «Не подходите ко мне». Другой запомнил слова о полиции. Вы подтверждаете?

— Да. Юхан держал меня за рукав. Я испугалась.

— Один из свидетелей считает, что вы сами подошли очень близко к Юхану и подняли руку.

Алиса представила собственное движение: она выдернула руку, затем выставила ладонь вперёд, словно могла остановить ею весь неприятный разговор.

— Я подняла руку, чтобы отодвинуть его. Я не ударяла.

— Я не говорил об ударе.

— Но вы об этом спросили бы следующим вопросом.

Эрик ненадолго замолчал.

— Возможно. Вы правы, такая возможность должна быть проверена, если свидетель описал резкое движение. Хорошо, что вы уточнили сами. Был ли какой-либо физический контакт, кроме того, что он схватил ваш рукав?

— Нет.

— Вы толкали его?

— Нет.

— Он упал или пошатнулся?

— Нет. Мы стояли. Он отпустил меня и ушёл.

— В каком направлении?

— К дороге, между складом и домами.

— Он шёл уверенно?

— Насколько я помню, да.

— Не выглядел пьяным?

— Нет.

Алиса сделала глоток воды. Ей было страшно, как легко из обычной ссоры собирается другая история: женщина кричит, мужчина хватает её, она поднимает руку, потом его находят мёртвым. Ничего не нужно выдумывать. Достаточно переставить акценты.

— С Томасом Рённингом мы говорили, — продолжил Эрик. — Он подтверждает, что видел, как Юхан отпустил ваш рукав.

— Хорошо.

— Но он подошёл уже после того, как вы начали спорить. Первую часть разговора он не слышал.

— Я знаю.

— У вас нет записи?

— Нет. Я не знала, что мне когда-нибудь понадобится её делать.

Эрик посмотрел на неё поверх очков. Впервые за всё время он выглядел почти уставшим.

— Обычно люди не знают.

Он передвинул к Алисе другой лист.

— Здесь записано, что вы сказали вчера о телефонном разговоре на развилке. Пожалуйста, прочитайте и укажите, если что-то не так.

Текст был коротким. Из него следовало, что в восемь часов вечера Алиса остановилась возле старой станции, сняла перчатку для звонка, после чего направилась к гостинице. Она остановилась на словах «возле станции».

— Вот это неправильно.

— Что именно?

— Я была возле развилки, а не возле станции. Между ними забор и склон. Если человек прочтёт только эту фразу, он решит, что я стояла у здания.

Эрик забрал лист, зачеркнул слова и вписал уточнение.

— Так точнее?

— Да.

— Ещё что-нибудь?

— Я не уверена, что сняла перчатку ровно в восемь. Я просто разговаривала по телефону где-то около этого времени.

— Хорошо.

Он исправил и это.

Алиса почувствовала впервые за утро слабое облегчение. Не потому, что ей поверили. Потому, что в истории, которую начинали собирать без неё, осталось место для поправок.

— Можем посмотреть время звонка на вашем телефоне? — спросил Эрик. — Только журнал вызовов, с вашего согласия. Остальную переписку пока не нужно открывать.

Она подала аппарат. Руки дрожали меньше, чем утром, но найти нужную дату удалось не сразу. В журнале высветился пропущенный вызов Марины, следом — принятый. Несколько минут, отмеченных цифрами.

— Разрешите записать время?

— Да.

Он переписал данные, вернул телефон и положил перед ней чистый лист.

— А теперь я попрошу вас собственноручно нарисовать участок развилки. Где был указатель, где стояли вы, откуда шёл велосипедист и где вы искали перчатку.

— Я ужасно рисую.

— Нам не нужен красивый рисунок.

Алиса взяла ручку. Сначала на бумаге возникла прямая, затем второй короткий штрих, который должен был обозначать барьер. Она добавила стойку с указателями, две тропы, кусты за забором. У самого края нарисовала маленький прямоугольник и подписала: «телефон в руке».

— Почему вы нарисовали себя здесь? — спросил следователь.

— Потому что так помню.

— Вы сказали, что уступили дорогу велосипедисту. В какую сторону сделали шаг?

Она обвела свой значок и добавила стрелку.

— Вправо. К кустам. Может быть, на два шага.

Эрик долго смотрел на рисунок. Потом осторожно повернул лист к себе.

— Вы не сказали, что подходили настолько близко к краю.

— Не потому что скрывала. Просто два шага — это не прогулка за ограждение.

— Согласен. И всё же это может объяснить, где вы потеряли вещь.

— Если она упала снаружи и потом кто-то её сдвинул.

— Возможно.

Алиса вернулась к рисунку.

Она не хотела, чтобы на бумаге оставался этот маленький значок, изображавший её возле барьера. Но он уже был там — как и она сама позавчера вечером. Вычеркнуть его означало бы только сделать объяснение хуже.

✦ ✦ ✦

Ларса Вика Алиса увидела через стекло двери, когда они выходили из кабинета.

Мужчина сидел в конце коридора и разговаривал по телефону, отвернувшись к стене. Перед ним на коленях лежала папка, разбухшая от бумаг. Рабочая куртка, в которой она видела его возле станции, висела на спинке стула, подкладкой наружу. Он был в клетчатой рубашке и выглядел не как человек, имеющий отношение к опасным бетонным лестницам, а как владелец небольшой мастерской, которого вызвали из-за недоплаченного счёта.

Алиса невольно остановилась.

Ларс заметил её взгляд и закончил разговор. Несколько секунд они рассматривали друг друга, пока Эрик придерживал дверь кабинета.

— Вы были вчера у станции, — сказала Алиса.

— Да.

— И до этого тоже?

— Иногда. По работе.

— Вы фотографировали склон?

Ларс посмотрел на её руку, затем на папку у себя на коленях.

— У нас есть договор на обслуживание некоторых сооружений. Если вы о белом фургоне, на такой машине ездит не только моя бригада.

— Я не говорила, что видела именно вас за рулём.

— Вот и хорошо.

Ответ прозвучал резче, чем требовалось. Ларс встал. Его лицо покраснело, на шее под воротником блестела тонкая полоска пота, хотя в коридоре было прохладно.

— Господин Вик, — спокойно произнёс Эрик, — мы скоро вас пригласим. До этого прошу не обсуждать обстоятельства с другими свидетелями.

— Я и не собирался, — сказал Ларс.

Он потянулся за курткой. Из папки выскользнул сложенный лист и упал на пол. Алиса машинально нагнулась, но Ларс опередил её. Она успела заметить только напечатанную таблицу, несколько цифр и жирную красную полосу поперёк страницы.

— Осторожнее, — сказал он и сжал бумагу сильнее, чем следовало.

— Я просто хотела помочь.

— Спасибо, не нужно.

Эрик открыл дверь в соседнюю комнату. Ларс прошёл мимо них, не глядя на Алису. В воздухе остался запах мокрой шерсти и машинного масла.

— Вы говорили с ним прежде? — спросил Эрик, когда дверь закрылась.

— Только что. До этого — нет.

— Тогда не делайте выводов по его реакции.

— Вы собираетесь повторять мне это до конца поездки?

— Если потребуется.

Эрик сказал это совершенно серьёзно. Алиса едва не улыбнулась.

У выхода он вернул ей конверт с копией записки о старой станции. Бумагу накануне осмотрели и сфотографировали; оригинал остался у полиции с её согласия. Теперь у Алисы была лишь распечатка фотографии.

— Мы не установили, кто оставил предупреждение, — сказал следователь. — Но записка важна. Пожалуйста, сохраните переписку и больше ничего не удаляйте, даже если кажется, что это пустяки.

— Вы думаете, письмо написал Юхан?

— У меня нет оснований это утверждать.

— А если это было действительно предупреждение об опасности, а не попытка нас запугать?

— Тогда оно всё равно важно.

Алиса задержалась на ступенях.

— Я хотела ещё спросить. Вы сказали, что пока не знаете обстоятельств смерти. Но вы хотя бы понимаете, почему Юхан был на старой станции ночью?

Эрик посмотрел через стеклянную дверь на узкую улицу. Пожилая женщина провожала собаку под дождём; пёс с упорством тянул её к мусорной корзине.

— Пока нет, — ответил он. — Но, судя по тому, что мы узнали о нём, он хорошо знал это место. А привычка человека возвращаться куда-то ещё не объясняет, зачем он пошёл туда в конкретный вечер.

— И это тоже проверяете?

— Именно.

Он пожелал ей спокойной дороги и вернулся в здание.

Марина ждала возле машины.

— Ну что?

Алиса села на пассажирское сиденье. На приборной панели мигала лампочка непристёгнутого ремня. Она потянулась к замку и вдруг поняла, что не может попасть металлическим язычком в щель.

Марина наклонилась, не задавая вопросов, и защёлкнула ремень за неё.

Только тогда Алиса почувствовала, насколько сильно у неё дрожат руки.

✦ ✦ ✦

Обратную дорогу Марина почти не разговаривала. За стеклом то поднимались крутые склоны, то неожиданно открывалась вода, похожая на тёмное олово. Дождь мелко стучал по крыше машины. На поворотах шины шуршали по мокрому асфальту, и Алиса ловила себя на том, что заранее напрягает плечи.

— Давай не сразу в гостиницу, — попросила она.

— Куда?

— Куда-нибудь, где есть кофе и люди. Просто люди, которые не задают вопросов.

Марина посмотрела на неё.

— Ты уверена, что в Скарвике есть такое место?

— Можно хотя бы проверить.

Они остановились у небольшого кафе Томаса. За стеклом было светло и тесно: столики с вытертыми краями, деревянные полки, банки с вареньем, несколько пар сапог, оставленных у обогревателя. Пахло хлебом и жареным луком. На доске мелом написали сегодняшнее блюдо, но Алиса не стала разбирать незнакомые слова. Она попросила суп и крепкий кофе.

Томас появился из кухни, вытирая руки полотенцем. При виде женщин он помедлил.

— Я слышал, вас сегодня приглашали в полицию, — сказал он.

Марина тихо вздохнула.

— Похоже, это слышал уже весь посёлок.

— Здесь замечают, когда кто-то уезжает утром на машине, — ответил Томас. — Особенно после того, что случилось.

— Вы успели сообщить всем и мои показания? — спросила Алиса резче, чем хотела.

Он отвёл взгляд.

— Нет. Я сам говорил с полицией. Рассказал только то, что видел.

— Я знаю. Простите.

Томас положил полотенце на стойку.

— Мне жаль, что я не подошёл раньше.

Алиса взглянула на его руки: большие, с короткими ногтями и тёмными пятнами, которые не отмывались после работы с кофемашиной и лодочным мотором. Эти руки не сделали ничего плохого и всё же теперь будто нуждались в оправдании.

— Вы не могли знать, что будет с Юханом, — сказала она.

— Не мог. Но он был моим знакомым с детства. И я мог бы не стоять в стороне, когда он схватил вас.

— Он сразу отпустил.

— Всё равно.

Томас на секунду повернулся к окну, откуда виднелся причал. Утренний прилив оставил на сваях полосы сырого дерева.

— У нас было принято говорить, что Юхан тяжёлый человек, — произнёс он. — Это звучало удобно. Одна фраза, и не нужно больше думать, почему он таким стал.

Марина придвинула стул ближе к столу.

— Каким он был раньше?

— Упрямым. Но не злым. Когда я был мальчишкой, он чинил моторы на лодках. Не только за деньги. Если у кого-то ломалась лодка перед выходом в море, Юхан мог провозиться до ночи, а потом сказать, что с него хватит чашки кофе.

— Что изменилось? — спросила Алиса.

Томас долго думал.

— Он перестал считать, что людям можно что-нибудь объяснить. Сначала спорил, потом просто разворачивался и уходил. Возможно, годы сделали его таким. А возможно, мы сами.

За соседним столом кто-то громко отодвинул стул. Вошли двое мужчин в непромокаемых куртках. Они поздоровались с Томасом, кивнули Марине и скользнули глазами по Алисе. Один из них слишком быстро отвёл взгляд.

Алиса почувствовала, как возвращается напряжение.

— Мне нужно умыться, — сказала она и встала.

В маленьком туалете над раковиной висело зеркало с тёмными пятнами по краям. Алиса открыла кран, смочила запястья холодной водой, затем внимательно посмотрела на своё отражение.

Обычное лицо. Усталые глаза. Волосы убраны кое-как. Так выглядели люди после неприятной поездки, после тяжёлого разговора, после ночи с дурными снами. Никакой отметки человека, которого вызвали в полицию, не существовало. Она могла вернуться в зал, заказать ещё кофе, улыбнуться посетителям. И всё равно знала, что кто-нибудь из них вечером скажет: «Это та женщина. С которой Юхан спорил перед смертью».

Вернувшись, она застала у их стола пожилого мужчину. Он держал потрёпанную кепку двумя пальцами, как вещь, которую привык снимать при входе к незнакомым людям, хотя сейчас находился у себя дома.

— Это Оскар Берг, — представил его Томас. — Он хотел сказать вам кое-что о Юхане.

— Я не хотел мешать, — уточнил старик. — Томас сказал, что вы его нашли.

— Да.

— Жалко его. Совсем нехорошо получилось.

Алиса кивнула. Она не знала, чего ожидать от разговора. Оскар выглядел одним из тех людей, которым удобнее говорить о погоде, чем о чужом горе; морщины на лице были глубокими, глаза светлыми и немного слезящимися.

— Я слышал, что он был знаком с вашей матерью, — сказала Марина.

— С чьей матерью?

— С моей. Её звали Елена Белова. Она жила здесь в девяностых.

Оскар нахмурился.

— Белова… Нет. Фамилии плохо помню. Тогда приезжало много людей, особенно на лето. Кто-то подрабатывал, кто-то снимал комнату. Простите.

— Ничего, — ответила Марина, и Алиса услышала в её голосе привычную усталость человека, который уже много раз начинал один и тот же разговор.

Оскар, кажется, собрался уходить, но вдруг задержался.

— Я вот что хотел сказать, — произнёс он. — Юхан в последнее время часто ходил к старой станции. Я думал, он присматривает, чтобы молодёжь там не лазила.

— Он сам предупреждал, что лестницы опасны, — сказала Алиса.

— Верно. И меня ругал, когда я там проходил. Станция для нас была привычным местом. Мы в детстве прыгали с нижнего камня в воду, пока взрослые не видели. Сейчас туда и подойти страшно.

— А позавчера вечером вы его видели?

— Нет, — ответил Оскар без колебаний. — Вчера вечером я чинил снасти. Вниз не спускался.

Алиса почти испытала облегчение от простого, ясного «нет», которое не требовало новых догадок.

— Но около половины десятого я слышал удар, — добавил старик. — Сильный. По металлу. От воды далеко разносится.

Томас взглянул на него.

— Ты рассказывал полиции?

— Рассказывал. Они тоже спросили, откуда звук. Да разве скажешь? От часовни к воде, от воды к складам — там всё перекликается. Сначала я подумал, что кто-то уронил железную крышку. Потом вспомнил про станцию.

— Половина десятого — точно? — спросила Алиса.

— Я часы не держал перед носом. Но по радио только закончилась передача, которую я обычно слушаю после девяти. Может, чуть позже.

— Вы слышали крик?

— Нет. Только металл. И, может, что-то ещё, но ветер был сильный.

Он развёл руками, будто показывал, как мало можно удержать в ладонях из того, что случилось в темноте.

— Пожалуйста, не делайте выводов из моих слов. Я сам ничего не видел.

— Не будем, — ответила Марина.

Алиса обратила внимание на то, как уставший человек рядом с ней вдруг произнёс следовательскую фразу. Возможно, за двое суток они научились одному: сомневаться в собственных догадках стало важнее, чем находить новые.

Оскар постоял ещё немного, рассказал, что собирается проведать сестру Юхана, когда та приедет, и ушёл. Томас проводил его взглядом.

— У Оскара хороший слух, — сказал он. — Но если он утверждает, что не знает, откуда шёл звук, значит, не знает.

— А вы слышали что-нибудь в тот вечер? — спросила Алиса.

— Я закрыл кафе, помыл кухню и смотрел дома новости. До станции отсюда далеко. По крайней мере для таких звуков.

— Вы никого не видели после того, как Юхан ушёл от причала?

— Нет. И не хочу придумывать, чтобы вам было легче.

Алиса подняла на него глаза.

— Я не просила придумывать.

— Знаю. Но людям в вашем положении часто хочется, чтобы кто-нибудь сказал: «Я видел другого человека. Он тоже ссорился с Юханом». Я бы сказал, если бы видел. Не видел.

Она медленно выдохнула. Томас не обещал помощи, которую не мог дать. И почему-то этим помог больше.

Когда они расплатились, он положил в бумажный пакет два ещё тёплых хлебца.

— Для дороги, — сказал он. — А не как извинение. Я и сам не знаю, за что теперь нужно извиняться.

У двери Алиса обернулась.

— Вы когда-нибудь слышали, чтобы по вечерам на холме звонили в колокол?

Томас нахмурился.

— Там давно нет службы по расписанию. Иногда устраивают памятные встречи. Но о колоколе я ничего не слышал.

— О памятных встречах?

— Да. Старые семьи. Раз в какое-то время собираются, вспоминают погибших на море. У всех свои способы.

— Когда именно?

— Не знаю, Алиса. И не советую искать в этом ответ на смерть Юхана.

— Я просто спросила.

— Вот и я просто ответил.

Она вышла на улицу с ощущением, что в Скарвике даже доброжелательность имеет границы, за которые никому не хочется заходить.

✦ ✦ ✦

На набережной ветер сдвигал по мокрым доскам жёлтые листья. Марина шла чуть впереди. Алиса видела, как подруга время от времени оглядывается на кафе, словно оставила там нужный вопрос и не решается вернуться.

— Ты опять думаешь о маме? — спросила Алиса.

— Я сегодня весь день о ней думаю.

— А об Оскаре?

— Он ничего не вспомнил.

— Но он сказал, что в девяностых сюда приезжало много людей. Может, они не были частью посёлка так долго, чтобы их запомнили по именам.

— А Ингрид запомнила. И Сигне. И Юхан.

Марина остановилась возле низкой каменной стены. За ней начинался спуск к причалу, где два дня назад произошла ссора. Алиса почти физически ощутила, как это место изменилось. Позавчера здесь были лодки, фонари, чужая грубость и её собственная злость. Сегодня каждая доска казалась возможной уликой, хотя никто не запрещал по ней ходить.

— Я покажу тебе ещё кое-что, — сказала Марина.

Она достала телефон, долго листала фотографии и открыла изображение старого письма. Алиса узнала неровный край листа, складку посередине и почерк Елены.

— Ты его уже показывала.

— Не всё.

Алиса повернулась к подруге.

— Марин…

— Знаю. Надо было раньше. Я не хотела, чтобы ты решила, будто мама участвовала в чём-то страшном.

— Дай посмотреть.

На новом снимке виднелась оборотная сторона того же листа. Бумага просвечивала, и чернила местами совпадали с буквами с другой стороны. Почерк был неразборчивее, будто человек писал на коленях или в движущейся машине.

Алиса прочитала медленно:

«Обещания, которые дают из страха, держатся дольше других. Я тогда не знала, что страшнее: нарушить слово или выполнить его. Если ты когда-нибудь вернёшься туда, не пытайся говорить за меня. Спроси тех, кто остался».

Ниже стояли только инициалы, выведенные той же рукой.

— Это всё? — спросила Алиса.

— Всё, что можно разобрать. Остальные строки стёрлись. Я увеличивала фотографию, меняла свет, но там будто вода попала.

— А оригинал?

— Дома. Я взяла только снимки. Боялась потерять бумагу.

Алиса вернула телефон.

— Письмо кому адресовано?

— Не знаю. Оно лежало между старыми фотографиями. На конверте ничего не было.

— Ты сказала «не хотела, чтобы я решила, будто мама участвовала в чём-то страшном». Ты сама так думаешь?

— Иногда. Потом мне становится стыдно, и я думаю наоборот. Что она кого-то защищала. Или что в девяностых произошло обычное дело, которое люди превратили в тайну.

— Обычное дело?

— Ссора. Неловкая история. Чужая любовь. Что угодно. Мы ведь ничего не знаем.

Алиса посмотрела на склон. Отсюда не было видно станции, но она знала, что за домами стоят серые стены, а ниже, между бетонными парапетами, до сих пор остаётся место, где нашли Юхана.

— Я бы хотела узнать, что он собирался тебе рассказать, — сказала она.

— Может, он ничего не собирался.

— Он узнал тебя. Узнал твою мать. Он не выглядел равнодушным.

— Он мог просто не захотеть вспоминать.

— Тогда почему пошёл туда, где когда-то работал, именно в тот вечер?

Марина сжала телефон.

— Не надо задавать этот вопрос мне так, будто я должна знать ответ.

— Прости.

Они замолчали. Волна ударилась о камни внизу. На противоположном берегу солнечный просвет на секунду осветил полосу деревьев, а потом исчез. Скарвик снова погрузился в тот особенный дневной полумрак, в котором легко спутать поздний вечер с началом дня.

— Знаешь, что меня больше всего мучает? — сказала Марина. — Ты уже говоришь о маме с полицией. О женщине, которую они никогда не видели. Её имя теперь лежит рядом с именем погибшего. А я привезла тебя сюда, чтобы просто понять, почему она молчала.

— Мы не можем вынуть её имя из этой истории, если оно там уже было.

— Я знаю.

Алиса осторожно коснулась плеча подруги.

— Но мы можем не приписывать ей то, чего не знаем.

Марина прикрыла глаза.

— Хотелось бы уметь.

В этот момент из кармана Алисы донёсся короткий сигнал. Она достала телефон, ожидая сообщения от Эрика, но на экране было только уведомление о погоде: ночью обещали ветер и дождь.

Она спрятала аппарат. Даже эта ничтожная тревога показалась частью новой привычки — ждать, что обычное сообщение однажды станет доказательством чего-то непоправимого.

✦ ✦ ✦

В гостинице пахло воском и свежевыстиранным бельём. Ингрид стояла у лестницы с невысокой деревянной скамейкой в руках. Увидев Алису и Марину, она попыталась отодвинуть скамейку с прохода, но та зацепилась ножкой за коврик.

— Давайте помогу, — сказала Алиса.

Они вместе перенесли её к стене. Дело заняло несколько секунд, однако Алиса была почти счастлива сделать что-то простое, где требовались руки, а не объяснения.

— Вы ездили в полицию? — спросила Ингрид.

— Да.

— Всё в порядке?

Алиса посмотрела на неё.

— Не знаю, как теперь отвечать на этот вопрос.

Ингрид опустила глаза.

— Простите. Я спрашиваю не потому, что хочу подробностей.

— Понимаю.

Хозяйка провела их в гостиную. Камин был холодным; дрова лежали в аккуратной корзине, а на подоконнике стояла ваза с ветками, принесёнными, вероятно, с ближайшего склона. Они были почти голые, лишь на концах держались красные ягоды.

— Сегодня звонила сестра Юхана, — сказала Ингрид. — Она приедет, когда сможет.

Алиса почувствовала неловкость.

— Она знает о нас?

— О вас?

— О том, что я нашла его. И что мы спорили накануне.

Ингрид не сразу ответила.

— Она знает, что тело обнаружила гостья. В маленьком посёлке это трудно скрыть. А про ссору… Не думаю, что вам полезно спрашивать себя, что о вас говорят люди.

— Но они говорят.

— Конечно. Когда случается смерть, людям хочется объяснения. Самое быстрое объяснение обычно оказывается самым простым и самым жестоким.

Марина сняла пальто и повесила его на спинку стула.

— Вы давно знали Юхана?

— Почти всю жизнь. Наши семьи жили по соседству. Он помогал моему мужу с лодкой, когда тот ещё выходил в море.

— Он часто приходил к вам?

— В последнее время нет. Мы виделись, здоровались. Иногда он приносил что-нибудь из рыбы или спрашивал, кому надо починить мотор.

— А о станции говорил? — спросила Алиса.

Ингрид посмотрела на потухший камин.

— Говорил, что там перестали заниматься тем, что действительно нужно. Что все довольствуются табличками об опасности, а старое железо не становится от них крепче.

— Он жаловался на Ларса Вика?

Хозяйка заметно удивилась.

— Почему вы спрашиваете про Ларса?

— Он работает на этом участке. Я видела его в полиции.

— Наверное, с ним тоже беседуют. Строители и инженеры многое знают о состоянии станции.

— Вы не ответили.

Ингрид сложила руки на коленях.

— Нет, Алиса. Он не называл мне человека, с которым был недоволен. Говорил об общей безответственности. Это разные вещи.

Алиса выпрямилась. После нескольких часов с Эриком она чувствовала, как настойчивость в вопросах начинает походить на дурную привычку. Слишком легко было превращать чужие слова в то, что хотелось услышать.

— Вы правы, — сказала она. — Простите.

— Я не защищаю Ларса. Я просто не хочу, чтобы вы сделали его виноватым потому, что вам нужен кто-то другой вместо себя.

Фраза прозвучала жёстче, чем ожидали обе. Марина повернула голову к окну. Ингрид, похоже, сама удивилась собственной прямоте.

— Это было несправедливо, — тихо добавила она. — Вы не виноваты в том, что оказались рядом с ужасной историей.

Алиса села в кресло у камина.

— Вы не можете знать, в чём я виновата.

— Я знаю, что вы не спускались туда утром. Вы говорили это ещё до того, как мы узнали, что внизу кто-то лежит. И знаю, что Юхан не раз предупреждал об опасности старых лестниц.

— Но почему тогда он сам туда пошёл?

Ингрид потерла большим пальцем край кольца.

— Люди часто бывают самыми неосторожными там, где когда-то чувствовали себя хозяевами.

Она поднялась, чтобы принести чай. Алиса смотрела ей вслед и думала о том, как поразному все описывают одного и того же человека. Неприятный старик. Человек, умеющий чинить моторы. Тот, кто ссорился с туристкой. Тот, кто предупреждал об опасности. Один и тот же Юхан не умещался ни в одно определение.

Чай они пили почти молча. Ингрид говорила о ветре, который обещали ночью, о дороге, на которой снова могли упасть ветки, о том, что в соседнем посёлке закрыли мост на ремонт. Это были обычные хозяйственные новости. Алиса слушала их с благодарностью, как человек, которому дали возможность ненадолго побыть в мире, где не каждое слово связано со смертью.

Позже Марина ушла наверх. Алиса задержалась в гостиной, чтобы ответить на сообщение следователя. Эрик просил подтвердить, что она готова при необходимости уточнить время вечернего звонка и не собирается покидать страну в ближайшие дни без предварительного сообщения полиции. Она ответила, что пока остаётся в Скарвике и будет на связи.

Телефон лежал на её ладони, когда Ингрид вернулась за пустыми чашками.

— Вы ведь можете уехать, — сказала хозяйка. — Если вам здесь тяжело.

— Могу. Наверное.

— Тогда почему не уезжаете?

Алиса задумалась.

Ещё недавно ответ был бы простым: она приехала на отдых с лучшей подругой. Потом — потому что Марина должна узнать о матери. Теперь появились полиция, погибший мужчина и фотография её собственной перчатки там, где она никогда не стояла.

— Мне не хочется, чтобы всё закончилось этим, — сказала она наконец.

— Чем?

— Чтобы я уехала, а единственное, что обо мне здесь запомнят, — ссора с Юханом. Чтобы Марина вернулась домой с теми же вопросами. И чтобы никто так и не понял, зачем он оказался на лестнице, которой сам боялся за других.

Ингрид взяла чашки, но не ушла.

— У вас очень много причин остаться. Будьте осторожны, когда они начнут противоречить друг другу.

— Вы говорите так, будто точно знаете, что это случится.

Хозяйка посмотрела в окно.

— В маленьком месте слишком легко думать, что чужое прошлое принадлежит всем. А потом выясняется, что у каждого была своя часть, которую он не хотел отдавать.

Она повернулась к двери.

— Спокойного вечера, Алиса.

— И вам.

✦ ✦ ✦

Первый огонь появился на противоположном берегу, когда в гостиной погасили верхнюю лампу.

Алиса уже собиралась подняться наверх. Она стояла у окна с телефоном в руке и случайно заметила маленькую тёплую точку ниже лесной дороги. Огонь был слишком ровным для окна дома и слишком низким для фонаря на столбе.

Она остановилась.

На склоне вспыхнула вторая точка. Потом третья.

Алиса не сразу вспомнила тот первый вечер в Скарвике, когда вместе с Мариной считала огни в тумане. Тогда они стояли далеко друг от друга и не двигались, словно у невидимой дороги кто-то поставил семь маленьких маяков. Она решила, что это местный обычай или чья-то поздняя прогулка. За следующие дни у неё нашлось столько поводов для тревоги, что прежние огни почти исчезли из памяти.

Теперь они появлялись по очереди, и расстояние между ними было почти одинаковым.

Алиса подняла телефон, но камера не могла удержать изображение. На экране получались расплывчатые золотистые пятна на чёрном фоне. Она выключила вспышку, прижала аппарат к раме и попробовала ещё раз.

Четвёртый огонь. Пятый.

На противоположном склоне был не просто лес. Между тёмными деревьями угадывалась узкая извилистая дорожка. Свет медленно двигался по ней вверх.

— Марина, — позвала Алиса, не оборачиваясь.

В ответ из коридора донеслись шаги. Подруга появилась в дверях, на ходу собирая волосы в хвост.

— Что случилось?

— Посмотри.

Марина подошла к окну.

Шестой огонь поднялся из-за каменной гряды. За ним через несколько секунд показался седьмой.

— Опять, — прошептала Марина.

Алиса повернула к ней голову.

— Ты тоже их помнишь?

— Конечно. Мы видели их в первую ночь.

— А вчера?

— Я не смотрела туда.

Обе замолчали.

Семь огней двигались так медленно, что можно было принять их за неподвижные. Потом первый скрылся за большим тёмным деревом, и остальные по очереди повторили его путь. Они не походили на фары автомобилей. Свет не освещал дорогу широким пятном, а словно держался на уровне человеческой груди. Фонари, подумала Алиса. Не электрические лампы на столбах, а те, которые несут в руках.

— Может, это туристы? — сказала Марина.

— Семеро туристов, которые ходят в одном и том же месте по ночам?

— Местные. Какое-нибудь шествие.

— Томас говорил про памятные встречи.

Марина посмотрела на неё.

— Сегодня?

— Он не назвал дату.

Алиса снова попыталась снять видео. Ветви на переднем плане закрывали часть склона, и на экране всё происходило с задержкой: золотая точка возникала, исчезала, появлялась вновь. Она опустила телефон.

— Странно, — сказала Марина. — Вон там они остановились.

Свет действительно больше не перемещался вдоль тропы. Семь точек расположились на небольшом участке склона не в прямую линию, а дугой. Самая дальняя на мгновение погасла, затем снова зажглась. Ветер за окном усилился, и на стекле задрожали отражения комнатных ламп.

— Тебе не кажется, что там кто-то ждёт? — спросила Алиса.

— Кого?

— Не знаю.

Марина взяла её за локоть.

— Мы не пойдём проверять.

— Я и не предлагала.

— Ты в прошлый раз тоже не собиралась идти к станции.

Алиса хотела возразить, но не стала. Подруга была права в главном: её собственное «просто посмотрю» уже однажды завело её в место, куда не следовало приходить одной.

Они стояли возле окна, пока огни не начали исчезать. Не сразу и не все вместе. Сначала крайний слева, потом тот, что был рядом, затем остальные. Последний задержался дольше других — крошечный жёлтый отблеск между деревьями. Наконец погас и он.

На том берегу снова осталась лишь тёмная полоса леса.

— Семь, — тихо сказала Алиса.

— Что?

— Их опять было семь.

Она вспомнила музейную фотографию с именами рыбаков, исчезнувших в шторм, и круг, пересечённый тремя волнистыми линиями. Семь имён. Семь огней. Теперь, когда одно число повторилось столько раз, не обращать на него внимания было трудно. Но и объяснять им чужую смерть было бы слишком легко.

— В музее говорили о семи погибших, — произнесла Марина.

— Я помню.

— Наверное, это действительно церемония.

— Наверное.

Алиса отступила от окна. Телефон всё ещё был зажат в её ладони, хотя запись давно закончилась. На экране остался короткий неудачный ролик: дрожащая тьма, бледное отражение её лица и семь едва различимых искр.

Она не стала его удалять.

Всё утро Эрик просил не путать то, что она видела, с тем, что лишь предполагала. На другом берегу она видела семь огней. Кто их нёс, зачем собирался и имели ли они отношение к Юхану, она не знала.

Но впервые за два дня ей захотелось задать вопрос не о последнем человеке, который с ним спорил.

А о последнем человеке, который видел его живым.

Глава 7

Семь фонарей

— Только не говори, что собираешься туда идти.

Марина произнесла это за спиной Алисы так тихо, что слова почти затерялись в шуме дождя. За стеклом гостиной семь огней неподвижно стояли на противоположном склоне. Теперь, когда они перестали двигаться, было особенно трудно поверить, что несколько минут назад кто-то нёс их по узкой тропе.

Алиса убрала телефон в карман.

— Не собираюсь.

— Ты смотришь на них так, будто уже придумала дорогу.

— Я пытаюсь понять, где они находятся.

Марина подошла ближе. В стекле появились два полупрозрачных отражения, наложившихся на тёмный берег.

— Возле часовни?

— Наверное. Хотя с нашего окна всё выглядит рядом: часовня, старый лес, станция. А потом идёшь и оказывается, что между ними целый холм.

— Можно спросить Ингрид.

Эта мысль была настолько очевидной, что Алиса едва не рассмеялась. За последние дни она успела расспросить о станции музейного работника, владельца кафе, бывшего рыбака, подрядчика и полицейского следователя. Но единственный человек, живший здесь всю жизнь и находившийся сейчас в нескольких шагах, оставался для неё почти такой же загадкой, как огни.

— Давай, — согласилась она.

Ингрид нашлась в коридоре первого этажа. Она переносила из кладовой аккуратно сложенные покрывала. Услышав вопрос о свете на другом берегу, хозяйка не удивилась. Скорее, как показалось Алисе, устала раньше, чем успела ответить.

— Иногда там ходят с фонарями, — сказала она.

— Кто?

— Местные люди. У нас есть памятные обычаи, которые не входят в туристические буклеты.

— Семь фонарей — это память о семи рыбаках?

Ингрид опустила покрывала на скамью.

— Да. В основном.

Слово «в основном» осталось висеть между ними.

— А сегодня что за памятная дата? — спросила Марина. — В музее указано семнадцатое ноября.

— Не все собираются только в годовщину. Перед ней приводят в порядок часовню, тропу, старые вещи. Кто-то приезжает к родным. Кому-то легче прийти вечером, когда никого нет.

— Они идут к станции? — спросила Алиса.

— К часовне. Это другая сторона холма.

— Но тропы соединяются.

— Некоторые. Раньше их было больше.

Хозяйка посмотрела на две пары домашних туфель у лестницы и вдруг спросила:

— Вы сказали полиции об огнях?

— Пока нет. Я сняла их сегодня и собираюсь отправить запись.

— Отправьте, если думаете, что это важно. Но помните: человек с фонарём — не обязательно человек, совершивший что-то плохое.

Алиса почувствовала, что снова защищается от обвинения, которого никто не произносил.

— Я никого не обвиняю.

— Хорошо.

— Тогда почему вы так настойчиво объясняете, что там ничего нет?

Ингрид подняла одно из покрывал за угол, расправила складку.

— Потому что теперь всё, что происходит в Скарвике, вы будете видеть через смерть Юхана. Я понимаю почему. Но люди здесь жили до неё и будут жить после.

Слова не были ни дружелюбными, ни враждебными. Возможно, именно поэтому возразить оказалось нечего.

— Вы сами бываете на таких встречах? — спросила Марина.

— Когда могу. Но сегодня нет.

Марина коротко кивнула. Алиса заметила, как подруга собирается спросить ещё что-то, и так и не решается.

В окне коридора мелькнуло отражение фары: по улице проехал автомобиль. Когда Алиса вернулась в гостиную, семь точек на склоне разошлись. Две спускались к лесу, остальные одна за другой исчезали за камнями. Через минуту не осталось ни одной.

Она включила запись на телефоне. На ней почти ничего нельзя было различить: чёрная вода, слабое отражение лампы и подрагивающие искры. Из-за движения руки расстояние между огнями менялось, будто они то сближались, то разбегались. Настоящее изображение было яснее того, что удалось сохранить.

— По крайней мере мы знаем, что они существуют, — сказала Марина.

— Мы и раньше это знали.

— Нет. Раньше мы всё время сомневались, не увидели ли просто огни домов. Теперь ты хотя бы спросила человека, который знает, что это.

Алиса присела на край кресла и открыла переписку с Эриком. Она написала только то, в чём была уверена: дату, время съёмки, сторону фьорда, количество фонарей. Добавила, что подобные огни они видели в первую ночь после приезда и что во время беседы с Юханом у причала в конце того вечера она заметила несколько точек света на дальнем берегу, но не проверяла, были ли это те же самые люди.

Перед отправкой перечитала сообщение. Слово «несколько» раздражало своей расплывчатостью. В ту ночь ей казалось, что огней было два или три. Она могла ошибаться. Теперь ошибка означала бы не просто плохую память, а неверное указание полиции.

— Ты опять считаешь? — спросила Марина.

— Пытаюсь ничего не придумать.

Она отправила сообщение.

Марина взяла со стола пустые чашки. Алиса хотела помочь, но подруга отвела руку.

— Оставь. Ты сегодня достаточно объясняла людям, где стояла и что видела.

— А ты?

— Что я?

— Ты всё ещё не рассказала, почему тогда, в первую ночь, испугалась веточки вереска.

Марина остановилась.

— Не сейчас.

— Ты обещала.

— Я знаю.

Она ушла на кухню раньше, чем Алиса успела спросить, когда наступит это обещанное «сейчас».

✦ ✦ ✦

На экране ноутбука семь огней выглядели как маленькие дырочки в чёрной ткани. Алиса увеличила кадр, сделанный накануне, но вместо деталей получила только разноцветный шум. В изображении не было ни лиц, ни одежды, ни даже уверенности, что каждый огонь держал отдельный человек.

На столе перед ней лежали листок с нарисованной от руки схемой берега, бумажный план окрестностей из гостиничного холла и чашка кофе. За окном было уже светло. Марина вышла в магазин за водой и хлебом, оставив на столе ключи от машины, словно без слов напомнила: ехать неизвестно куда они не собираются.

Алиса не пыталась установить личность людей по видео. Она искала другое: где именно на склоне находилась тропа и куда могли вести её ответвления.

На туристической схеме часовня была обозначена маленьким крестом, старая станция — серым прямоугольником у воды, а между ними шла ломаная линия, похожая на след от неаккуратно поставленной ручки. На полицейской карте, которую Эрик показывал вчера, развилок было больше. Он сказал, что часть служебных проходов давно закрыта.

В памяти всплыло замечание Сигне из музея: старые маршруты не всегда совпадают с нынешними. Тогда Алиса почти не обратила на него внимания. Теперь разница между «к часовне» и «к станции» могла составлять не только несколько сотен метров, но и совершенно разные судьбы.

Она закрыла изображение, не добившись ясности.

Телефон коротко завибрировал. Эрик ответил:

«Запись получили. Спасибо, что указали время и место. Мы проверяем перемещения людей в районе станции и прилегающих троп. Пожалуйста, не заходите за ограждения и не пытайтесь самостоятельно проследить за участниками вечерних встреч. Если вспомните что-то конкретное о двадцать девятом октября, сообщите».

Следующее сообщение появилось через минуту:

«Вы уверены, что огни в тот вечер видели после возвращения в гостиницу, а не по пути?»

Алиса посмотрела на дату в переписке с матерью за двадцать девятое октября. После возвращения она действительно ответила на сообщение о погоде. Затем закрыла штору и заметила свет на склоне. Ей хотелось восстановить минуту, но телефон не мог сохранить то, что она увидела без камеры.

«После возвращения. Я заметила их из окна номера. Точного времени не помню. Тогда я не снимала видео», — ответила она.

Эрик поблагодарил. Ни подтверждения, ни опровержения её предположения не последовало.

Алиса поставила чашку на подоконник. Задеть чужой распорядок, превратить чужие вечерние прогулки в подробности уголовного дела — неприятная, но, возможно, неизбежная часть расследования. Её собственная ссора уже стала таким же общим достоянием.

На лестнице послышались шаги. В гостиную заглянула Ингрид.

— Я видела, что вы спрашивали план окрестностей, — сказала она. — Это очень старая схема. Внизу ещё указана дорога к причалу, которой больше нет.

— А есть новая?

— В магазине бывает карта пеших маршрутов. Если вам нужно к часовне, туда можно подняться по дороге от центральной площади. Это обычный общественный путь. Оттуда видно весь фьорд.

— Старая станция далеко?

— Внизу, за другим поворотом. И туда с верхней дороги сейчас не пройти.

— Я не собираюсь спускаться.

Ингрид кивнула, будто желала услышать именно это.

— Марина сказала, что вы хотите зайти в музей. Сигне сегодня работает с фондами. Можно позвонить заранее.

— В воскресенье?

— Для неё старые бумаги редко признают выходные.

Хозяйка оставила на столе номер телефона. Алиса проводила её взглядом. Никаких загадочных улыбок, никаких запретов. Скарвик мог быть и таким — местом, где человек просто помогал найти дорогу и телефон, а не пытался скрыть ужасную тайну.

Именно тогда ей стало неловко за собственное недоверие. На мгновение. Потом она вспомнила записку под дверью и поняла, что неловкость ещё не равна безопасности.

✦ ✦ ✦

Сигне согласилась принять их после обеда. До встречи оставалось несколько часов, и Марина предложила пройтись по набережной, не сворачивая к причалу Юхана. Алиса возразила, что в маленьком посёлке невозможно навсегда обходить место, где ты однажды с кем-то поссорилась.

— Я не предлагаю навсегда, — сказала Марина. — Только сегодня.

В конце концов они пошли к часовне по верхней дороге. Ветер успокоился, хотя в горах всё ещё висели тяжёлые тучи. Дома тянулись вдоль улицы нерегулярно: один стоял почти вплотную к дороге, другой прятался за кустами и низким забором. У каждого входа лежали мокрые коврики. На верёвке под навесом сушились рыбацкие перчатки, а у сарая кто-то оставил три пустых ящика из-под сети.

Обычная жизнь продолжалась с поразительной невозмутимостью. На кухне одного дома ссорились из-за включённого радио. Возле другого мужчина учил мальчика завязывать верёвку на небольшой лодке, поднятой на подставки. В окне мелькнула женщина с полотенцем на плече. Никто не выглядел участником ночного шествия.

У дороги к часовне стоял деревянный указатель: надпись с названием холма, расстояние до видовой площадки и маленький знак, предупреждавший о скользких камнях. Рядом висел листок под прозрачной крышкой. На нём сообщалось, что в начале ноября волонтёры приведут в порядок тропу и ограждения возле старого кладбищенского участка. Алиса перечитала объявление дважды. Под текстом не было никаких странных символов — только телефон сельского общественного объединения.

— Похоже на обычный субботник, — заметила Марина.

— Он и может быть обычным субботником.

— Ты произнесла это так, будто тебя огорчили.

— Наоборот. Я сейчас мечтаю об обычных объяснениях.

Выше дорога превратилась в ступенчатую дорожку, укреплённую крупными камнями. Алиса шла осторожно, держась за мокрый деревянный поручень. Под ним сквозь траву просматривались старые, почти исчезнувшие ступени: у одного камня был отбит угол, другой глубоко ушёл в землю. Увидев их, она внезапно остановилась.

— Что? — спросила Марина.

— Ничего. Просто они тоже похожи на старые лестницы.

— Здесь хотя бы есть поручень.

— И кто-то его недавно красил.

В нескольких местах древесина действительно выглядела свежей. Сдержанный запах краски напомнил Алисе белый фургон возле станции, мужчину в оранжевой куртке, папку Ларса Вика и фотографию серой перчатки возле ржавого крепления. Мир словно разделился на две категории вещей: те, которые кто-то ремонтировал, и те, которые оставили разрушаться.

Они поднялись на площадку перед часовней. Здание оказалось меньше, чем выглядело снизу: тёмные доски, узкие окна, крыша с крутым уклоном. Рядом стоял каменный столб с

металлической табличкой. Чуть в стороне виднелся старый мемориальный участок, отгороженный низкими железными прутьями. На мокрой земле лежали несколько свежих веток вереска.

Алиса присела у столба. Табличка была посвящена семи погибшим с рыболовного судна «Семь братьев». Под датой — семнадцатое ноября тысяча девятьсот двадцать четвёртого года — шли имена. В музее она уже видела их, напечатанные на пожелтевшем листе, но здесь они были вырезаны на металле и потому казались гораздо более окончательными.

— Они назывались братьями, но были не родственниками, — сказала Марина, читая надпись.

— Семь человек на одном судне. Название лодки, а не фамилия.

— Как странно, что мы знаем год, дату и имена, но почти ничего не знаем о них самих.

Алиса посмотрела на табличку. Слова Марины неожиданно напомнили допрос. В полицейской записи она тоже превратилась в ряд дат и действий. Двадцать девятое октября, девятнадцать десять, ссора, звонок, потерянная перчатка. Между точными отметками исчезало всё, что делало человека человеком.

— Может, именно поэтому люди и приходят сюда с фонарями, — сказала она. — Чтобы помнить что-то кроме списка.

Марина ничего не ответила. Она смотрела на веточки вереска у ограды.

— На такой же ветке были цветки? — спросила она.

— На той, которую оставили под дверью? Да. Хотя это обычный вереск. Здесь им всё заросло.

— Я знаю.

— Тогда почему ты её выбросила?

Марина долго молчала.

— Потому что мама однажды принесла домой похожую ветку. Засушенную. Она лежала между страницами книги. Я была маленькой, лет десять. Спросила, откуда она. Мама ответила: «Из места, куда я больше не вернусь». А потом забрала и спрятала.

Алиса выпрямилась.

— Ты не рассказывала.

— Я сама вспомнила только в гостинице. Когда увидела вереск у двери. Сначала подумала, что это случайность. Потом испугалась не самой ветки, а того, как быстро узнала её.

— Но она ведь могла засушить любую ветку.

— Могла. И это ничего не доказывает. Я знаю.

Марина села на низкую скамью возле часовни. Ветер тронул её волосы, выбив пряди из хвоста.

— Понимаешь, мама никогда не рассказывала о Норвегии. И вдруг выясняется, что она хранила фотографии, письмо, ветку вереска. Целую маленькую жизнь, о которой я ничего не знала. Мне даже не страшно, что эта жизнь была плохой. Мне обидно, что она была без меня.

Алиса села рядом. Она не стала напоминать, что дочь не может присутствовать во всех историях матери, особенно тех, что случились до её рождения. Это было бы верно и совершенно бесполезно.

— А ты ей когда-нибудь рассказывала обо всём? — спросила Алиса после паузы.

— Конечно нет.

— Вот и она, наверное, думала, что ещё успеет.

Марина отвернулась к морю.

— Наверное.

С площадки открывался весь фьорд. Внизу дома казались крошечными и чистыми, будто кто-то расставил их между горами по линейке. Далеко справа узкая полоса дороги терялась за склоном. Станции отсюда не было видно. Алиса отметила это и даже испытала облегчение: хотя бы одна точка в Скарвике существовала независимо от места гибели Юхана.

✦ ✦ ✦

Дверь часовни оказалась незапертой. Внутри пахло сухой древесиной, камнем и чем-то терпким, похожим на старое масло для ламп. На стенах висели простые деревянные панели. В глубине, возле небольшого окна, стоял стол с книгой для посетителей. Никакой службы не было. Только несколько сложенных стульев и мягкая полоска дневного света на полу.

— Мы не должны сюда заходить? — спросила Марина.

— На двери написано, что днём открыто для посетителей.

Они прошли к столу. В книге лежала ручка на цепочке. На одной странице кто-то благодарил за уход за мемориалом, на другой посетитель из Бергена записал, что приехал почтить память деда. Даты были разными. Самый свежий отзыв появился двумя днями ранее, но Алиса не стала всматриваться в почерк: после записки под дверью она слишком легко начала видеть в чужих буквах возможные угрозы.

У левой стены стояла узкая деревянная тумба. На ней были аккуратно размещены семь одинаковых старых фонарей. Медные ручки потемнели, на стекле одного виднелась тонкая царапина. Они были слишком тщательно вычищены для вещей, забытых здесь десятилетиями.

— Вот они, — сказала Марина.

Алиса подошла поближе.

Фонари выглядели вовсе не зловеще. Скорее, тяжеловато и неудобно, как старые утюги или керосиновые лампы на даче. На каждом имелась маленькая пластинка с цифрой. На третьем ручку перемотали тёмной нитью. У шестого была новая защёлка.

— Вчера мы видели семь огней, — сказала Алиса. — Но это ещё не значит, что несли именно эти фонари.

— Я уже хотела спросить, — улыбнулась Марина. — Ты превратилась в Эрика.

— Боюсь, он бы не обрадовался сравнению.

На стене над тумбой висела фотография людей перед часовней. Снимок был сделан зимой, судя по снегу на ступенях. Семеро стояли в ряд с фонарями в руках, а рядом — ещё несколько человек без фонарей, в обычных куртках и шапках. Подпись сообщала, что это добровольцы, восстановившие памятную тропу в восьмидесятых годах. Фотография не отличалась от тех, что вывешивают в домах культуры после ремонта местной библиотеки.

— Значит, они всегда ходили так? — спросила Марина.

— По крайней мере сорок лет назад.

Алиса присмотрелась к цифрам под фотографией. Отдельной даты не было: только год. Рядом лежала папка с правилами посещения. Она открыла её и увидела несколько страниц о сохранении мемориала, предупреждение не оставлять открытый огонь без присмотра и просьбу не заходить на закрытые участки старых троп.

Последнее предупреждение напомнило ей анонимную записку.

— Смотри, — сказала она и подвинула папку Марине. — Тут почти то же самое: не пользоваться закрытыми маршрутами.

— Но записка была адресована нам. Не всему посёлку.

— Да.

На этом сходство заканчивалось. Обычные правила безопасности были написаны открыто и подписаны советом общины. А ночью кто-то подсовывал лист бумаги под дверь двух туристок и стучал так, словно проверял, есть ли они в комнате.

— Давай спросим Сигне, — сказала Марина. — Она может знать, кто отвечает за эти вещи.

Алиса уже собиралась закрыть папку, когда заметила на последней странице старый оттиск печати: круг, пересечённый тремя волнистыми линиями. Под ним стояло название общества, переводившееся как «Хранители прилива».

Она замерла.

— Это тот знак, — произнесла Марина.

— Да. Из музея. На фотографии. И на старых записях о рыбаках.

Они смотрели на обычный лист с правилами для посетителей. Ничего тайного в нём не было. И всё же Алисе стало неприятно от мысли, сколько раз она проходила мимо этого символа, не понимая, что он связан не только с историей двадцатых годов, но и с людьми, живущими здесь сейчас.

Она закрыла папку и вышла из часовни. Ветер на улице казался холоднее, чем раньше.

✦ ✦ ✦

В музее горел свет только в задней комнате. Сигне открыла дверь сама, держа в руках пару тонких белых перчаток, которые поспешно сняла при виде гостей. На большом столе лежали конверты, скреплённые картонными полосками, и несколько фотографий под прозрачной плёнкой.

— Я думала, вы придёте позже, — сказала она.

— Мы поднялись к часовне, — ответила Марина. — Посмотрели мемориал.

Сигне коротко кивнула и впустила их.

— Значит, видели фонари.

— И знак «Хранителей прилива», — сказала Алиса.

На этот раз Сигне не сделала вид, что не поняла.

— Это старое название объединения семей, которые ухаживали за памятным местом. Оно встречается на документах и пожертвованиях. В наши дни им почти не пользуются публично.

— Почему?

— Не из-за запрета. Просто звучит слишком торжественно для людей, которые обычно моют окна в часовне и красят перила.

— А ночью они ходят с фонарями.

— Иногда. И это тоже память. Не представление.

Алиса почувствовала знакомый укол раздражения: в Скарвике каждый второй будто считал своим долгом предупредить её, что память нельзя превращать в зрелище.

— Мы не покупали билеты на зрелище, — сказала она. — Мы пытаемся разобраться, почему человек, предупредивший нас об опасной станции, оказался там мёртвым.

Сигне медленно положила перчатки на стол.

— Я знаю, что произошло с Юханом. Точнее, знаю, что его нашли. И мне жаль, что это случилось с вами.

— Вы знали его?

— Почти все здесь знали.

— А он участвовал в этих памятных встречах?

— Раньше — иногда. В последние годы редко.

— Когда вы видели его в последний раз?

— До того, как его нашли? На улице, за несколько дней. Я уже рассказала полиции.

Она не спросила, зачем Алисе это нужно. Вероятно, после смерти знакомого и прихода полиции каждый разговор с чужими людьми начинал походить на допрос, даже если они не имели на него права.

Марина подошла к столу.

— Можно я задам вопрос не о Юхане?

— Конечно.

— Почему вы сказали Алисе, что не знаете женщину на фотографии девяносто третьего года?

Сигне посмотрела сначала на Марину, потом на Алису. За окном кто-то хлопнул автомобильной дверцей.

— Потому что я не знала, кто вы, — ответила она наконец. — И не хотела обсуждать человека, который давно уехал, с первой встречной посетительницей.

— Но я назвала её имя.

— Вы назвали фамилию. На фотографии был человек с другой фамилией, тогда ещё не замужем. Я не сразу связала их. А когда связала, разговор уже зашёл слишком далеко.

— Можно было просто сказать, что вы её помните, — заметила Алиса.

— Можно было. Я поступила плохо.

Это признание прозвучало так буднично, что спорить стало труднее.

— Мне не нужно знать все подробности чужой жизни, — сказала Марина. — Но это была моя мать. Я приехала именно за тем, что она не успела мне рассказать.

— Понимаю.

— Пока нет, — ответила Марина. — Вы не можете понимать. У вас есть хотя бы воспоминания о ней в этом месте. У меня — только несколько фотографий.

Сигне опустила взгляд.

— Мне было двадцать с небольшим, когда она здесь жила. Мы виделись не каждый день. Она помогала переносить старые документы, фотографировала дома у гавани, много гуляла. Иногда заходила к Ингрид. Я помню, что она любила разговаривать с людьми, у которых все остальные давно перестали что-либо спрашивать.

— С Юханом? — уточнила Алиса.

— В том числе.

Марина выдохнула почти неслышно.

— Они были близки?

— Не знаю. И не хочу придумывать. Они общались. Иногда спорили. Это не означает ничего большего.

— О чём спорили?

Сигне посмотрела на одну из папок.

— О старых вещах, которые должны оставаться в семьях, и о том, что следует выставлять в музее. Елена считала, что истории не должны исчезать в запертых ящиках. Юхан говорил, что у некоторых вещей есть владельцы, даже если их давно нет в живых.

— Он был против музея?

— Нет. Просто по-разному понимал, что значит беречь память.

Алиса вспомнила слова Юхана у причала: фотографии не показывают, что произошло потом. Возможно, он имел в виду не катастрофу, не скрытое преступление, а всё то, что человек не желает рассказывать посторонним. Но если так, почему он испугался при виде Марины? Почему знал, что Елена умерла? И почему отправился ночью на старую станцию?

— Вы можете показать нам снимки того времени? — спросила Марина.

— То, что относится к открытой коллекции, — да. Личные письма и вещи, переданные семьями на хранение, я без разрешения показывать не могу.

— Я понимаю, — ответила Марина раньше Алисы.

Сигне достала из ящика плоскую коробку. На крышке было аккуратно написано «Памятное место. 1986–1996». Она поставила коробку между ними, но открывала сама. Снимки в защитных обложках оказались гораздо менее драматичными, чем можно было ожидать: люди красили забор, несли доски, стояли возле рыбацких лодок, смеялись на кухне. Семеро с фонарями встречались только на нескольких зимних фотографиях. В остальных кадрах их было то четверо, то пятеро, а иногда ни одного.

— Значит, число не всегда одинаковое? — спросила Алиса.

— На фотографиях — нет. Сколько людей пришло, столько и видно. Семь фонарей могут стоять на месте и без семи участников. Сами понимаете, фотография не показывает всего.

Эта фраза была настолько похожа на слова Юхана, что Алиса подняла голову.

— Он тоже так говорил.

— Мы все здесь произносили похожие слова, когда спорили об архивах.

Сигне перевернула страницу. На следующем снимке часовня была почти такой же, как теперь, только без поручня на верхней ступеньке. Перед ней стояла Елена Белова в тёмной куртке. Рядом с ней — молодой мужчина с растрёпанными волосами. На шее у него висел медальон с кругом и тремя волнистыми линиями.

Алиса узнала фотографию, которую увидела в первый визит.

— Вы знаете, кто это рядом с Еленой?

Сигне провела пальцем по краю прозрачного кармана, не касаясь изображения.

— Да.

Марина перестала дышать, как показалось Алисе.

— Это Юхан Сольберг, — сказала Сигне.

Обе молчали. В последние дни Юхан существовал для них как грубый старик у причала и тело у разрушенной лестницы. Молодое лицо на фотографии, ещё не отмеченное болезненной усталостью, не желало совпадать с этим человеком.

— Почему вы не сказали сразу? — спросила Марина.

— Потому что вы спросили, знаю ли я вашу мать. И я испугалась того, что за этим последует.

— Чего именно?

— Что вы потребуете рассказать о ней историю, в которой я знаю лишь отдельные эпизоды. И что, если я ошибусь, вы примете мою ошибку за правду.

Марина отступила от стола.

— Но он знал о её смерти.

— Возможно, кто-то сообщил ему. Иногда люди переписываются дольше, чем думают окружающие.

Сигне не предложила новых догадок. Не упомянула роман или ссору, не попыталась найти простое объяснение. Алиса неожиданно ощутила благодарность за это молчание.

— Мне нужна копия фотографии, — сказала Марина.

— Я могу дать цифровую копию из открытой коллекции. Напишите адрес для отправки.

— Спасибо.

Сигне подошла к компьютеру и начала искать файл. Алиса осталась у коробки с фотографиями. На самой первой странице она заметила нечто, чего не было на увеличенном снимке в витрине: возле старой часовни, за плечом Елены, стоял небольшой деревянный ящик с семью отделениями. В одном виднелась медная ручка фонаря. Совсем бытовая подробность — и всё же теперь она связывала Елену не только с Юханом, но и с ночными огнями.

— А этот ящик для фонарей? — спросила Алиса.

— Да, — ответила Сигне, не оборачиваясь. — Их хранили здесь до ремонта. Потом перенесли в новую тумбу.

— Получается, Елена помогала и с этим?

— Она помогала многим. Но фотография сама по себе не доказывает, что она участвовала в вечерних церемониях.

Алиса едва заметно улыбнулась. Предостережение было справедливым, даже если начало повторяться с утомительной настойчивостью.

✦ ✦ ✦

На обратном пути они свернули к небольшому продуктовому магазину. Марина покупала молоко и хлеб, а Алиса стояла возле входа, разглядывая объявление о памятной службе в часовне. Служба должна была состояться семнадцатого ноября — в день годовщины гибели рыбацкого судна. На листке не было ни тайных знаков, ни намёка на закрытый обряд: только время, имя человека, отвечавшего за подготовку, и просьба одеваться по погоде.

— Если люди собираются открыто, — сказала Марина, выходя с пакетом, — почему Ингрид так не любит о них говорить?

— Может, потому что их уже несколько дней спрашивают о смерти Юхана.

— А может, они сами понимают, что всё выглядит странно.

— Для нас — странно. Для них, возможно, нет.

Они прошли мимо склада, где стоял белый фургон. На этот раз его дверь была открыта, а внутри лежали строительные ограждения и несколько рулонов ленты. Возле машины мужчина в оранжевой куртке разговаривал с Ларсом Виком. Увидев Алису, Ларс коротко кивнул, как человеку, с которым уже встречался в неприятных обстоятельствах.

Она намеревалась пройти мимо, но остановилась.

— Можно один вопрос?

Ларс оглянулся на коллегу, попросил того закончить погрузку и подошёл к тротуару.

— Если это о станции, то я уже всё рассказал полиции.

— Я не следователь. И не прошу рассказывать мне то, что вы им сказали.

— Тогда что?

— Дорожка к часовне идёт выше станции. Раньше они соединялись?

Ларс посмотрел в сторону холма.

— В старых планах есть служебный переход. Его закрывали ещё до того, как я получил контракт. Сейчас там не пройти безопасно.

— Юхан знал об этом?

— Юхан знал здесь каждый камень. Он работал на станции ещё до моего первого рабочего дня.

— Почему он продолжал туда ходить?

— Я не знаю. — Ларс произнёс это без раздражения, но твёрдо. — Мне казалось, что он осматривает старые конструкции. Иногда оставлял записки с замечаниями. Половину было невозможно выполнить без отдельного разрешения и бюджета.

— Например?

— Закрыть старую лестницу капитально, а не временной лентой. Заменить часть креплений. Вывести воду из бетонных карманов. Всё это требует проекта, а не одного человека с ящиком инструментов.

Алиса вспомнила снимок перчатки возле ржавой детали.

— Значит, он считал лестницу опасной.

— Все считали. Вопрос был в том, кто и за что отвечает.

— А вы за что отвечали?

Ларс задержал на ней взгляд.

— За участок, который мне поручили. Остальное можете спросить у полиции или у владельца сооружения.

Его коллега захлопнул заднюю дверь фургона. Ларс повернулся на звук, словно получил возможность закончить разговор.

— Прошу, не ходите туда ради собственных догадок, — сказал он. — Люди там действительно могут погибнуть, даже если никто не желает им зла.

Это было первое прямое предупреждение, прозвучавшее почти без раздражения.

— Я уже видела, чем это заканчивается, — ответила Алиса.

Ларс побледнел, будто она ударила его словами, которых он не заслуживал. Алиса сразу пожалела о своей резкости.

— Простите. Я не это хотела сказать.

— Понимаю, — произнёс он. — Но так уж получилось, что теперь об этом думают все.

Он ушёл к машине. На фургоне была наклеена белая полоска с названием фирмы, испачканная по краям грязью. Никаких знаков тайного общества. Обычная работа, счёт за мате-

риалы, техника безопасности, дюжина дел, которые не стали менее срочными из-за гибели Юхана.

Марина ждала чуть поодаль.

— Ты не можешь остановиться, — сказала она.

— Я спросила всего про дорогу.

— Ты спрашиваешь у людей, которых только что допрашивала полиция, и сама каждый раз выходишь из разговора расстроенной.

— Я не знаю, как иначе.

— Можно попробовать хотя бы сегодня ничего не выяснять.

Алиса посмотрела на пакет с молоком, который Марина прижимала к куртке.

— Ты же сама хотела узнать про мать.

— Хотела. Но я не хотела, чтобы ты стала платить за мои вопросы.

Они продолжили путь молча. У перекрёстка Марина внезапно остановилась и взяла Алису за руку.

— Когда мы вернёмся домой, ты ведь не будешь всю жизнь думать, что если бы не поехала со мной, с Юханом ничего не случилось?

Алиса посмотрела на подругу.

— Я не знаю, — сказала она честно.

Марина крепче сжала её ладонь.

— Тогда, пожалуйста, не оставляй это решение на потом. Иначе оно само за тебя решится.

✦ ✦ ✦

Днём Оскар Берг сидел на ступеньке возле лодочного сарая и разбирал рыболовные снасти. Алиса увидела его случайно: они с Мариной шли по верхней части набережной, когда старик поднял голову и помахал кепкой.

— Как у вас дела? — спросил он.

— Пока без особых новостей, — ответила Марина.

— Новости в таких историях обычно приходят не тогда, когда их ждут.

Он отложил тонкую леску, которой занимался, и поднялся на ноги. Говорить о Юхане первым не стал. Зато показал деревянную рамку для ремонта сети, объяснил, почему старые поплавки хранят даже после того, как от них откололась краска, и попросил Марину подержать моток, пока завязывал узел. Алиса вдруг обнаружила, что ей приятно просто слушать человека, рассказывающего о том, что он хорошо умеет.

— Вы сказали вчера, что слышали металлический удар, — вспомнила она после длинной паузы.

Оскар не оторвался от узла.

— Говорил.

— Вы уточнили это в полиции?

— Как смог. Я им то же самое рассказал, что вам.

— Вы сказали «около половины десятого». Это было после передачи по радио?

— После. Может, прошло несколько минут. Я записываю в блокнотик, когда лекарства принимать, а не когда железки гремят. Извините, точнее не получится.

— Я и не прошу точнее, чем помните.

Он поднял взгляд.

— Хорошо, что не просите. А то нынче каждый хочет, чтобы память была как часы.

— Вы были в сарае?

— У себя дома. В этой стороне. Дверь оставил приоткрытой, потому что снасти пахли сыростью. Услышал — и не придал значения. Здесь металл гремит каждую неделю. Ветер, лодки, старые цепи.

— И колокол возле часовни?

Оскар задумался.

— Там есть старый металлический язык от памятного сигнала. Когда собираются родственники погибших, его иногда ударяют. Но звук совсем особенный. Короткий, с дрожью, как будто железо пытается петь.

— Вы могли перепутать?

— Мог. Разве я сказал, что не мог?

Алиса почувствовала странное облегчение. Впервые за весь день человек сам предложил объяснение, не объявляя его истинным.

— Вы слышали подобный звук раньше?

— В детстве. Потом реже. Теперь я стараюсь не ходить на вечерние встречи. Ноги подводят. И хватает воспоминаний без железного голоса.

Оскар затянул узел, провёл по нему ногтем.

— Я бы на вашем месте не превращал эти фонари в погоню за привидениями, — сказал он. — Не потому что там все ангелы. Просто живые люди обычно сложнее и скучнее любых легенд.

— Вы знали участников?

— Конечно. Я знаю половину жителей Скарвика с детства. Только это не значит, что я имею право пересказывать их семейные дела приезжим.

Алиса засмеялась коротко и невесело.

— Вы все здесь говорите почти одно и то же.

— Значит, мы всю жизнь репетировали.

Он улыбнулся. Потом добавил уже серьёзнее:

— Юхан был упрямым. Но когда он говорил, что ступени опасны, стоило слушать. Он знал, что иногда человек погибает не из-за страшной тайны, а потому, что кто-то вовремя не починил простую вещь.

Алиса не ответила. Слова неприятно совпали с тем, что сказал ей Ларс. Два человека, не похожие друг на друга, независимо упомянули старую лестницу, которую давно следовало закрыть. Но они не знали, почему Юхан оказался на ней ночью.

Когда женщины собрались уходить, Оскар окликнул их:

— И ещё. Если вам нужен звук, о котором я говорил, спросите у Сигне. Она хранит записи памятных церемоний. Может, там есть что сравнить. Только не говорите, будто я уверяю, что слышал именно его.

— Не скажем, — ответила Алиса.

Оскар кивнул, удовлетворённый такой точностью, и снова занялся сетью.

✦ ✦ ✦

В гостинице Марина разложила покупки на кухонном столе и неожиданно спросила Ингрид, где та хранит старые фотографии. Хозяйка, раскладывавшая выстиранные полотенца, подняла глаза.

— В разных местах. Для чего вам?

— Сигне показала нам маму с Юханом. В девяносто третьем. Я подумала, что у вас тоже могут быть снимки тех лет.

Ингрид замерла с полотенцем в руках. Потом медленно опустила его в корзину.

— Есть один альбом. Не знаю, сохранился ли нужный год.

— Мы можем посмотреть?

— Можете. Только сначала поужинайте. Вы обе с утра будто пытаетесь прожить три дня за один.

Марина улыбнулась благодарно. Алиса почувствовала, что от этой простой заботы у неё защипало глаза. Она торопливо принялась доставать тарелки.

После ужина Ингрид принесла из кладовой тяжёлый альбом в тёмно-зелёной обложке. Страницы пахли пылью и сухим клеем. Между снимками были записки о днях рождения, поездках, рыбацких уловах. Марина пролистала первые страницы с почти детским нетерпением.

На фотографии девяносто второго года Ингрид стояла у задней двери гостиницы с ведром яблок. Рядом был мужчина в полосатом свитере — её покойный муж. На следующей странице кто-то сидел за длинным столом во дворе, держа чашку кофе. Лица были повернуты к солнцу и морщились от света. Не было ничего, что требовало бы объяснения.

Потом Марина остановилась.

— Это она.

Елена Белова, заметно моложе той женщины, которую Алиса знала по фотографиям из московской квартиры, стояла у оконного проёма ещё недостроенного сарая. На ней был светлый свитер, а волосы были собраны платком. В руках она держала небольшую деревянную коробку с металлической ручкой.

— Помогала нам переставлять старые вещи, — сказала Ингрид. — Тогда перестраивали кладовую. Елена всё хотела, чтобы мы подписывали коробки и не выбрасывали бумаги.

— Она говорила по-норвежски? — спросила Марина.

— Немного. Больше слушала, чем говорила. Но люди редко замечали, что она что-то не до конца понимает. Она умела улыбаться так, будто понимала главное.

Марина провела пальцем по прозрачному уголку фотографии.

— Вы дружили?

— Мы были знакомы. Много времени проводили рядом. Для настоящей дружбы иногда нужно больше, чем один сезон.

— Почему вы не сказали, что помните её такой?

Ингрид закрыла альбом на ладони.

— Потому что сначала вы были для меня гостьями. А потом всё случилось слишком быстро. Юхан, полиция, станция. Я боялась, что если расскажу вам первую попавшуюся историю, она станет ответом на вопрос, которого я сама не понимаю.

Марина кивнула. Алиса заметила, что подруга больше не требует от старших женщин немедленных признаний. Возможно, в этом и состояло трудное изменение последних дней: они начали понимать, что знание о чьей-то жизни не принадлежит автоматически тем, кто хочет его получить.

— А та коробка? — спросила Алиса. — На снимке в руках Елены.

Ингрид наклонилась.

— Ящик от старых фонарей. Его тогда чинили. Елена фотографировала все этапы, чтобы было проще вернуть вещи на места.

— Она участвовала в церемониях?

— Не знаю. Меня с ней рядом не было каждую минуту.

— А Юхан?

— Он помогал с ремонтом. У него были ловкие руки, особенно когда дело касалось металла.

Алиса почувствовала, как удивление сменяется усталостью. Юхан возникал повсюду — на фотографии, возле часовни, на станции, у причала, в рассказах о лодках. Он был человеком, который умел чинить вещи, и при этом сам оказался в месте, где вещь не выдержала. Совпадение могло быть столь же мучительным, как преступление.

Ингрид перелистнула альбом ещё раз. На обороте следующего снимка карандашом было подписано несколько имён. Она прочитала их вслух и вдруг остановилась.

— Посмотрите, — сказала Марина.

На заднем плане фотографии стоял молодой Юхан. Рядом с ним — высокий мужчина в рабочей куртке, которого Алиса не знала. Они держали между собой длинную металлическую планку. На обороте было написано: «Подготовка часовни к ноябрю. 1993».

— Это тот же Юхан? — спросила Алиса.

— Да, — ответила Ингрид. — Он часто помогал на холме. Но не стоит делать из этого вывод, что он всю жизнь ходил туда по ночам.

Алиса не возразила. Она рассматривала другое: лицо Юхана. На фотографии он смотрел в камеру почти насмешливо. И от этого простого живого взгляда стало больнее, чем от любой газетной заметки о погибшем.

✦ ✦ ✦

Когда Ингрид ушла, Марина ещё долго держала альбом открытым. Не пытаясь найти новые лица или знакомые предметы, просто смотрела на Елену, стоящую с деревянной коробкой.

— Она мне никогда не рассказывала про эту работу, — сказала Марина.

— Может, не считала важной.

— Но это ведь было важно для неё. Она сохраняла все эти фотографии. Даже сушёный вереск.

— Люди не всегда могут объяснить, почему хранят вещи.

Марина закрыла альбом, но не отодвинула.

— Есть ещё кое-что, — произнесла она.

Алиса подняла голову. Слова уже не пугали так, как в первые дни. Скорее, вызывали усталое ожидание: Марина снова извлечёт из прошлого бумагу, которая заставит переоценить всё услышанное.

— Не новое письмо. Я просто вспомнила. Когда мама умерла, я разбирала её шкаф. Нашла небольшую коробку, где лежали фотографии из Норвегии. На внутренней стороне крышки было написано одно слово. Я не поняла его и решила, что это название улицы или какого-то места.

— Какое?

— Я не запомнила точно. Тогда оно ничего для меня не значило. Но когда Сигне сегодня сказала «Хранители прилива», я вдруг услышала похожее сочетание. Возможно, мама записала именно его.

— У тебя есть снимок коробки?

— Нет. Она осталась дома. Я собиралась взять её, но выбрала только фотографии и письмо.

Алиса кивнула. Ей хотелось немедленно потребовать открыть квартиру по видеосвязи, попросить кого-нибудь найти коробку, сфотографировать надпись. Но после разговора с Мариной у моря она решила не превращать память о матери в очередной набор приказов.

— Когда вернёмся, посмотришь, — сказала она.

— Ты не спросишь, почему я снова вспомнила об этом так поздно?

— Нет. Я сама только сегодня вспомнила, что видела два или три огня в ночь ссоры с Юханом. Память не выдаёт сведения по запросу.

Марина тихо засмеялась.

— Не думала, что услышу от тебя такое.

— Я учусь.

Несколько минут они сидели молча. Потом Марина вдруг спросила:

— Ты думаешь, я поступила нечестно, когда привезла тебя сюда и назвала поездку отдыхом?

— Да.

Марина опустила глаза.

— Я знала.

— Но я не думаю, что ты хотела причинить мне вред.

— Это недостаточное оправдание.

— Не оправдание. Просто разница.

Алиса посмотрела на открытый альбом. Елена в свитере стояла у окна, не зная, что через тридцать с лишним лет две женщины будут разглядывать её с таким вниманием.

— Ты могла сказать мне правду заранее. Я бы поехала всё равно, — добавила Алиса.

Марина подняла на неё глаза.

— Правда?

— Не обещаю, что без вопросов. Но поехала бы.

— Я боялась, что ты скажешь: это мамины дела, оставь их в покое. И я опять ничего не узнаю.

— А теперь мы знаем больше?

— Мы хотя бы знаем, что она здесь была счастливой. Смотри, как улыбается на этих фотографиях.

Алиса посмотрела. На некоторых снимках Елена действительно улыбалась. На других казалась уставшей или рассеянной. Вероятно, она была здесь и счастливой, и несчастной — как все люди в настоящей жизни. Но Алиса не стала разрушать краткое утешение Марины.

— Она была настоящей, — сказала она вместо этого. — И это уже немало.

✦ ✦ ✦

Ни одна из семи ламп не горела, когда Алиса снова поднялась к окну гостиной. Было ещё не поздно, но небо за фьордом потемнело, и первые домашние огни отражались в воде неровными полосками. Тропа к часовне растворилась среди сосен. Теперь Алиса знала, где она проходит, и от этого темнота перестала казаться сплошной.

Марина стояла у дверей с телефонным зарядным устройством в руке.

— Ты снова за своё?

— Смотрю, не всё ли на месте.

— Горы?

— И горы тоже.

Марина подошла к окну. Они постояли рядом, не произнося ни слова. Через несколько минут на дальнем склоне появился один маленький свет, затем второй. Но теперь их было не семь: всего два. Они спускались со стороны часовни к лесной дороге и, не останавливаясь, исчезли за поворотом.

— Видишь, — сказала Марина. — Просто люди идут домой.

— Видимо.

— Ты расстроена?

— Почему я должна быть расстроена?

— Потому что теперь это не тайное шествие.

Алиса покачала головой.

— Я бы предпочла, чтобы здесь вообще не было тайных шествий. И смерти Юхана тоже.

На экране телефона появилась новая почта. Сигне прислала обещанную фотографию девяносто третьего года. Алиса открыла её и переслала Марине, затем увеличила снимок. Молодой Юхан стоял рядом с Еленой на ступенях часовни. Лицо женщины было чуть размыто из-за движения, зато медальон на груди Юхана вышел удивительно чётким: круг с тремя волнами. Рядом с ними, на деревянной тумбе, стояла коробка для фонарей.

В сообщении Сигне было только одно пояснение: «На обороте снимка имена Елены и Юхана. Других подписей нет».

Марина смотрела на экран со своего телефона.

— Если они столько времени были знакомы, почему мама ничего мне не говорила?

— Не знаю.

— А Юхан — почему не сказал мне, что помнит её?

— Может, собирался. Может, не хотел. Мы уже никогда не спросим его об этом.

Алиса услышала в собственном голосе невыносимую окончательность. Впервые за несколько дней ей показалось, что смерть Юхана — не загадка, которую можно решить, а дверь, закрывшаяся прежде, чем они успели войти.

И тут она заметила в углу снимка нечто, чему сначала не придала значения. За ступенями часовни, возле старого поручня, виднелся невысокий столб с подвешенной металлической пластиной. Пластина была продолговатой, с узкой прорезью у верхнего края. На более новых фотографиях её не было.

— Это что? — спросила Марина.

— Не знаю. Но Оскар сказал, что возле часовни был старый металлический сигнал. Может, он имел в виду эту штуку.

— И что?

— Он слышал удар вечером двадцать девятого. А мы всё время представляем себе, как человек падает на лестнице, и думаем, что это был именно этот звук.

— Мы не знаем, был ли звук от падения.

— Вот именно.

Алиса положила телефон на подоконник. Ей хотелось немедленно написать Эрику, что всё поняла. Но она ничего не поняла. На снимке девяносто третьего года был старый металлический предмет. Оскар вспоминал звон в ночь смерти Юхана. Между ними лежало тридцать три года. За это время могли заменить часовню, переместить столб, снять пластину, потерять её или использовать совершенно иначе.

— Я не буду писать ему, что нашла разгадку, — сказала она.

— И правильно.

— Я просто спрошу Сигне, сохранился ли этот предмет. А если да — передам Эрику фотографию и слова Оскара.

Марина кивнула.

— Это уже похоже на план без опасных прогулок ночью.

Алиса села за стол и набрала короткое письмо. Она спросила, что было подвешено возле часовни на фотографии 1993 года и можно ли найти его современное изображение. Не упоминала смерть Юхана и не просила доступ к закрытым архивам. Нажала «отправить» и закрыла почту.

Ей было странно обнаружить, что в этой истории маленькое действие, совершённое вовремя и без попытки перелезть через ограждение, может оказаться полезнее любой храбрости.

Из кухни донёсся звон посуды. Ингрид напевала себе под нос что-то негромкое, расставляя чашки. Марина ушла помочь, и Алиса осталась одна у окна.

На противоположном берегу больше не было фонарей. Только жилые дома, мокрые деревья и дорога, по которой кто-то возвращался к ужину. Алиса ещё раз посмотрела на старую фотографию: Елена, Юхан, семь фонарей в деревянной коробке и металлическая пластина у часовни.

Всю неделю она пыталась понять, что скрывает Скарвик. Теперь впервые возник другой вопрос.

Что из того, что казалось тайной, на самом деле просто никто не удосужился ей объяснить — и что осталось нерассказанным потому, что рядом уже не было человека, который мог это сделать?

Глава 8

Записка Юхана

Первый удар донёсся из стены за камином.

Алиса стояла у окна с телефоном в руке и не сразу поняла, что именно услышала. В доме было

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.